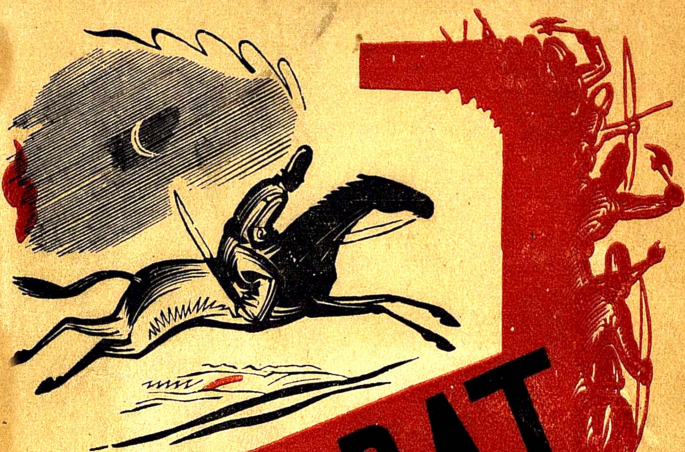

СТЕПАН ЗЛОБИН

САЛАВАТ ЮЛАЕВ

ОГИЗ - ДЕТГИЗ - 1934

СТЕПАН ЗЛОБИН

САЛАВАТ ЮЛАЕВ

**ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ
А. ГОНЧАРОВА и Г. ЕЧЕИСТОВА**

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1934**

Для детей старшего возраста

***Преважный соделался бунт
(Из рапорта)***

П Р О Л О Г

*Что может знать живший долго:
Может лишь видевший многое.*

(Из башкирской песни)

Кобылка¹ кончала свои песни, и огненные перья на закате бледнели, когда Юлай, старшина Шайтан-Кудейского юрта сибирской дороги², окруженный сродниками и сыновьями, начал свой рассказ. Он важно откашлялся и разгладил бороду. Он поглядел в стоявший перед ним широкий тухтак³, наполненный кумысом, но не протянул к нему руки. Он поднял глаза и обвел из-под лохматых бровей молчаливым взором синеющие груды гор.

Все ждали. Старики-братья, опутив бороды в колени, тесным кругом сидя на подушках, сыновья и племянники, жягеты⁴ с искрящимися глазами ожидали, зная, что рассказ будет о битвах, о войне, в которой, слышали они, сам Юлай принимал участие.

Юлай начал:

«С той поры прошло тридцать кочевок. Ровно три десятка раз люди оставляли зимовье и выезжали в степи. Я был тогда жягетом. Во мне кипела и пенилась кровь, она струилась так быстро, как воды Инъяр-Елги⁵.

¹ К о б ы л к а — насекомое, кузнечик.

² Башкирия екатерининского времени делилась на дороги и юрты (юрт — волость, дорога — округ, уезл).

³ Т у х т а к — широкая плоская деревянная чашка.

⁴ Ж я г е т — юноша, иногда удалец.

⁵ И н ъ я р-Е л г а — по-башкирски «широкобережная» речка. Современное название искажено в И н з е р.

Тогда была большая война. Башкиры не захотели слушать уруса и выбрали себе хана Кара-Сакала, но не хан был самым главным в этой войне.

Я знал хорошо человека, начавшего ее. Его звали Аландзиянгул. Он был мудр и мог понимать коран. Он задумал великое дело на празднике «свадьбы плуга». Это было в гостях у моего отца: так же, как сейчас, гости сидели возле коша на паласах¹, кошмах и подушках, и совсем свечерело. Все слушали рассказы батырей о сражениях с гяурами и кайсаками². Занятней всех говорил Салтан-Гирей: когда он кончил говорить, все гости молчали, и все выпили по глотку кумыса, потому что от его рассказа у всех пересохло в горле, как после настоящей битвы.

Тогда другой гость, Аландзиянгул, сказал рассказчику:

— Салтан-Гирей! Ты храбрый. Ты не раз бился с урусами. Они отняли у тебя нос, левое ухо и мизинец правой руки, но они не смогли отнять храбрости. Красота нужна луне и женщине, солнцу и мужчине нужны жар и сила. Салтан-Гирей! Кровь твоя горяча, как огонь солнца. Будь нашим ханом. Мы оденем тебя в шелковые одежды!..

И все засмеялись, потому что были пьяны и веселы.

Я не мог смеяться. Я был еще молод, чтобы смеяться над воином. Я подавал теплую воду для омовения рук гостям и носил для того кумган³; мой младший брат носил за мной расшитое полотенце.

Нам было тоже, как всем, смешно подумать, что у нас будет безносый хан, но мы удержались; когда же я пошел за водой, брат мой убежал за кош, и мы хохотали вдоволь, катаясь по росистой траве.

¹ Кош — кочевая кибитка, палас — домотканый яркий коврик.

² Кайсаки — киргизы, гяуры — христиане, здесь — русские.

³ Кумган — медный кувшин с длинным горлом.

Прошла зима. Опять наступило время кочевья, и вот от коша к кошу табунами помчались вести, что явился в степях Кара-Сакал-батырь¹, могучий воин и мудрый человек, который обещал башкир освободить от власти гяуров.

Говорили, что сам он родом с Кубани, где есть у него хороший кунак Гирей-хан, и что этот хан обещал привести башкирам на помощь свои войска. И башкиры захотели воли, и снова по жилам их вместо крови полилось густое железо, хотя недавно еще горько окончена была война и у многих сочились незажившие раны.

Ай, ай! Страшно было тогда!

Брат брату не мог верить.

Русский начальник запугал башкир пытками и мученьями, и из страха выдавали друг друга!

Хуже было: толстобрюхие баи, верные русской царице бѣгачи писали доносы на своих недругов русскому начальнику: «Вот, мол, такой-то батырь против русской царицы бунтовать хочет».

Тогда приезжали русские солдаты и уводили человека в город — в тюрьму.

Богатые тарханы², у которых во время прежней войны бунтовщики отняли много добра, теперь требовали его назад, и русский начальник велел отдавать им. Простые башкиры совсем пропадали.

В это время русский начальник был в Уфе, хитрый человек Кириллов. Он сказал: «Который башкурт станет про бунт доносить, того тарханом сделаю». И вот все недобрые люди стали писать доносы, и правильные

К а р а - С а к а л — прозвище, буквально — «черная борода». Слово «батырь» часто прилагалось к именам воинов в значении «богатырь» и «храбрец».

² Т а р х а н ы — у башкир сословие, введенное русским правительством, род военного дворянства, пользовавшийся рядом привилегий.

и неправильные, только чтобы получить тарханскую грамоту, чтобы не платить ясак¹, царице и своих же братьев башкир безнаказанно грабить.

Еще русский начальник ездил собирать для царицы лошадей за то, что мы воевали с русскими, и тех лошадей называли «штрафные лошади».

Так совсем разорили башкир. И вот слово такое пошло:

— Кара-Сакал-батырь не велит штрафных лошадей отдавать гяурам.

— У Кара-Сакал-батыря кунак, старшина Сеит, всех, кто скрывается от начальства, принимает.

— Кунак Кара-Сакал-батыря, старшина Алдар, генеральскую грамоту, где сказано баям всякое добро вернуть, на пол бросил и отдавать добра не велит.

К осени возвратились с кочевья. Тогда стали чаще приезжать к отцу гости. Нас, молодых, высылали из дома, и сами долго разговаривали, а мы, как волки, почуяли, что будет кровь, и, не говоря старикам, стали точить кинжалы, стали готовить стрелы...

В первый раз зимой нам пришлось показать удаль.

Вечером отец призвал меня к себе и сказал:

— Арыс-бай, карабатынский старшина, написал про Алдара донос начальству. Сын его повез бумагу в город; его надо догнать сегодняшней ночью и бумагу отнять.

Я не дослушал отца, и, когда он кончал слова, я уже сидел на лошади. С двумя товарищами мчался я через горы, с утеса на утес. Из-под конских копыт вырывались камни, и мы уже не слыхали, как они достигали дна ущелий. Встречные ветки секли нам лица, через юркие речки, не застывавшие и зимой от быстроты течения, мы не проезжали, а перелетали. Луна гна-

¹ Я с а к — подать.

² К у н а к — приятель.

лась за нами, вспотевшая и высунувшая язык, а ветер отставал позади, как хромая кляча. К концу ночи луна показала нам всадника. Мы не кричали ему остановиться, но спустили вдогонку три стрелы. Он упал с седла, его лошадь умчалась дальше с острием, засевшим в крупе. В шапке убитого изменника мы нашли донос, и, прежде чем наступило полное утро, все трое уже спали каждый в своем доме.

После этого приезжавшие к отцу гости уже не выгоняли меня из избы, когда заводили беседы с отцом.

Я узнал, что Кара-Сакал-батырь, пришедший с Кубани, наречен стариками башкирским ханом.

Однажды отец разбудил меня ночью и сказал:

— У меня гости: русский поручик и солдаты. Я зарезал для них барана. Пока они будут жрать, скажи Ксюгундек-Балтаю, у него гостит хан Кара-Сакал, скажи ему, что урус-офицер и сорок солдат ищут его.

Я помчался и летел быстрее, чем в первый раз. На этот раз ветер дул мне в лицо, и лошадь подо мною задыхалась, как и я сам. В степи, где кончилась наша волость, я увидел табун и остановил коня. Он тотчас упал мертвым. Я изловил молодого жеребца в табуне. Почуя чужого, он чуть не убил меня. Ко мне подбежал старик с топором, думая, что я вор, и я только сказал ему:

— Надо спешить. Урусы ищут хана!

Старик бросил топор и сам оседлал для меня присмирившего под его рукой жеребца. Я помчался дальше. За одним поворотом дороги под копыта жеребца подвернулся неprovорный волк. Он взвизгнул, как щенок, и остался лежать со сломанным хребтом, однако у моего жеребца он успел вырвать клочок мяса из брюха.

С первыми лучами солнца я был у дома Сюгундек-Балтая. В доме еще спали. Я разбудил хозяина. Он

позвал меня в дом, растолкал хана, и я увидел человека без носа, с отсеченным ухом и срезанным мизинцем. Это был хан Башкирии Кара-Сакал. Я сразу узнал в нем Салтан-Гирея. Он тоже узнал меня и сказал:

— Большой рахмат ¹ передай отцу. А если встретишь гяуров, скажи, что я варю бишбармак ², пусть поспешат. А то лучше и ты останься, подкрепись.

Увидав моего коня, он покачал головой, а когда узнал, откуда рана у него на животе, засмеялся.

— Ты ловкий жягет, Юлай, — сказал он. — Я много ездил, но ни разу не раздавил волка!

Мы уже поели, когда в дом прибежал пастух с криком, что по дороге едут солдаты.

Безносый батырь засмеялся, выходя в конюшню.

— Отдай им остаток пищи, Сюгундек-Балтай, — сказал он, — пусть пожирают, и скажи, что хан оставил им угощение.

Мы вышли во двор и уехали через задние ворота дома.

Всюду, как волки, рыскали гяуры и искали хана. Но аллах помогал ему. Много раз урусы доедали еще не остывший ханский бишбармак. Много раз нюхали теплый помет его аргамак ³.

С первой снеговой водой с гор прилетел ветер, развернувший зеленое знамя ⁴.

С громом первой весенней грозы шарахнулись табуны от выстрелов.

С первыми каплями дождя пролилась первая кровь урусов, с первым горячим проблеском солнца горячей засияла сталь оружия.

¹ Рахмат — слово благодарности.

² Бишбармак — распространенная у башкир еда в роде лапши. Едят ее руками, почему название ее означает «пять пальцев».

³ Аргамак — жеребец.

⁴ Зеленый цвет — священный цвет у мусульман.

В дом моего отца приехал Зиянчур-батырь. Он призвал жягетов следовать за собой. Травы еще не было, еще много лежало снега местами, и зеленое знамя, вздетое на конец хун-хю¹, стало первым вестником зеленой поры в степях.

Мы мчались подряд три дня — из степей в горы, из гор в степи. На четвертый день у нас болели ляжки и чесались зады, но слезать с седел было не время.

В долине возле Урал-тау, в большом ущелье, мы застали жаркое лето. Здесь не было уже снега. Из ущелья поднимался пар от тел, смешанный с дымом костров. Со всех сторон сюда съезжались жягеты.

Возле белого утеса, в конце ущелья, стоял кош Кара-Сакала. У коша были привязаны кони. Спешенные всадники толпились тут же. Одни уезжали, другие приезжали.

Ущелье стало сердцем Башкурдистана.

К вечеру того дня, как приехали мы в долину, когда еще не пришла пора совершить намаз², но уже склонялся день, хан вышел к народу. Широкое лицо его было украшено черной бородой, нос обрублен наискось и левое ухо срезано прочь, но он был страшен и велик. Одет он был поверх шубы в белый сермяжный санша, в лисью шапку с зеленым верхом; на ногах его были белые сапоги. Он сказал:

— Башкиры! Вы не собаки. Урусы держат вас, как собак. Вы не смеете собираться вместе, потому что урус боится бунта. Среди вас нельзя жить кузнецу, потому что урус боится, что кузнец сделает стрелы. Вам не велят торговать с соседями: ни с татарами, ни с чувашами, потому что гяур страшится мятежной заразы.

¹ Хун-хю — копье.

² Намаз — молитва.

Вам запрещено родниться с другими народами, потому что собаки-гяуры боятся, не стали бы другие народы с нами вместе воевать за свою свободу.

Здесь собралось вас много сотен жягетов. Слушайте! Ваши старики называли меня ханом, — хотите ли вы идти со мной против гяуров?

Народ закричал страшно. Кони взвизгнули с испуга. Горы откликнулись воинам и животным. Хан рукой остановил крики, только последнее ржанье тонко прозвенело.

— Здесь вас сотни, — сказал хан. — У моего отца на Кубани тысячи воинов и десятки тысяч. Я — брат зюнгорского хана¹; у него тысячи воинов. Кара-калпаки² мне союзники; у них тысячи воинов. Кайсацкий Джанбек-батырь мой кунак; у него тысячи воинов. В Ногайской орде, по реке Атынтурка, под горой Чугакас, стоит восемьдесят тысяч воинов. Они ждут, когда откроются летние дороги, и придут нам на помощь. На небе аллах — тоже с нами!

Снова все закричали. Хан помолчал, погладил бороду и сказал:

— У кого есть ружья, подымите их кверху!

Воины подняли ружья. Было тихо. Хан считал правой рукой, и видно было, что у него нехватает мизинца.

Поднявшие ружья были горды и довольны собой. Хан сосчитал и сказал вслух:

— Сто пятьдесят ружей.

Он задумался.

У остальных были луки и стрелы, копья, секиры, палицы, топоры, вилы, кинжалы, и у всех была еще смелость.

¹ Зюнгорский хан — хан зюнгорцев, или джюнгар, т. е. калмыков.

² Кара-калпаки — племя кочевников, буквально — «черные шлемы».

— Все остальные должны достать ружья у убитых урусов и у тарханских собак! — сказал хан и ушел в кош.

Тою же ночью Зиянчур собрал всех, у кого были ружья и надежные дальнобойные луки. Таких собралось пятьсот человек. Я был с ними — у меня было ружье.

— Сегодня вскрыется река, — сказал Зиянчур. — Гяуры не придут на помощь тарханам, и мы сегодня же в ночь нападём на «верных». Уже семьсот человек их со старшиной Буларом идут на нас. У Зеленой горы мы завлечем их в ущелье и там одолеем.

И мы поехали. Половина людей с ружьями отделилась, и с ними человек пятьдесят с луками. Они поехали вперед, и вскоре за Зеленой горой мы услышали выстрелы. Наши помчались в тесное ущелье, а собаки Булара бросились за ними. Когда Булар вошел в теснину, мы замкнули выход из нее, а наши передовые укрепились у входа.

Тогда Зиянчур с сотней воинов занял соседние скалы, и из-за каждого камня сверху на головы бешеных тарханских свиней падала смерть.

Больше двухсот человек из них осталось лежать в теснине. Большой табун оседланных лошадей пригнали мы в свое становище, много хлеба отбили и двадцать ружей.

Многих из нас Зиянчур разослал по аулам собирать воинов. Каждый день приходили новые сотни людей. И вот всюду всколыхнулся клич: «За Башкирию! За хана!»

Я ехал с набранной мною сотней воинов, когда нас догнал татарин на рыжей кобыле. Кобыла упала, родила жеребенка и тут же сдохла. Татарин рассказал, что гяурский начальник, князь урусов, несмотря на половодье, перешел реку Сакмару и идет на Сакмарск и Оренбург.

Когда это известие привезли мы Кара-Сакалу, он полсуток совещался с Аландзиянгулом и Зиянчуром. Потом он приказал свернуть коши и выступить в путь.

Река бушевала и разливалась; каждый ручей становился рекой, и каждая лощина превратилась в поток. Жижа скользила и хлюпала и быстро утомляла ноги.

Травы было еще мало, и усталых коней нечем было кормить.

Деревья и кустарники, еще не покрытые зеленью, не укрывали нас от глаз соглядатая и неприятельских выстрелов.

Мы шли вперед.

Ветер стегал наши лица дождем и слезил наши взоры.

Мы шли.

Прослышав о наших подвигах издали, потому что слово человека, несущее славу воинов, обгоняет и стрелу и молнию, люди оставляли жилища и шли со своих мест.

Гяурские собаки — тарханы со своими ублюдками собирались вместе, чтобы отбиваться от нас. Честные воины приносили нам свои богатства, свою смелость и силу.

Кара-Сакал-батырь — наш хан — ехал впереди нас под зеленым знаменем, высоко развевавшимся над ордой.

Сзади тянулись тяжелые гурты ленивых баранов. Их жир порастресся во время похода, и они жалобно кричали от усталости. Многие овцы ягнились в пути, и мы их частью тут же убивали для пищи, частью же оставляли в добычу волкам — некому было ходить за ягнятами.

Многие юрты, куда мы еще не дошли, сами подняли наше знамя и, собрав оружие, ушли в горы. Они так же

расправлялись со своими «верными» баями¹, как мы со своими.

Мы ожидали подкрепления с Кубани. Восемьдесят тысяч воинов, плывущих к нам морем, стали для нас надеждой, они стали нашей храбростью и, еще не успев прибыть, удесятерили наши силы.

Русская царица испугалась нашего мятежа. Она сказала своим начальникам:

— Кто будет мало жесток с башкирами или кого они победят, будет наказан.

И русские начальники, приходя в наши селенья, если кого заставляли, замучивали насмерть. Сначала они резали несчастным уши и носы, потом били плетьюми, загоняли в пустой амбар и заживо сжигали.

Мы платили им, как велел пророк: изловив уруса, мы с него сдирали кожу, мы его истязали и мучили так, как гяуры мучили наших братьев. Мы сжигали их живьем, вешали за шею, секли головы, ломали кости живым и отрезали уши и носы.

Заводы, построенные на наших землях, мы сжигали. Рабочие люди с заводов бежали от нас прочь, едва только мы подходили близко.

Мелкие крепости пали перед нами.

Гонцы из разных мест вскоре примчались к нам с вестью, что нас окружает войско гяур.

Тогда в степи, где мы находились, раскинулся ханский кош. Салтан-Гирей с начальниками ушел под войлочную кровлю.

Воины ожидали решения старших и говорили, что вот хан пошлет гонцов на Кубань, чтобы скорее пришло войско; иные же говорили, что хан изменник и никто не придет к нам на помощь.

¹ Б а й — богач. В большинстве «верные» тарханы были богачами, почему, боясь потерять богатство, и сохраняли верность правительству.

Это говорили многие, но я не слышал. Когда я впервые услышал, то взял ружье и застрелил говорившего. Это был сын брата моей матери. Он упал с разбитой головой и раскинул широко руки. Я сказал:

— Изменник! Жялан!¹ — И плюнул в лицо убитого. Бывший здесь мой товарищ сказал:

— Пойдем, Юлай! Ты убил брата, и отец его убьет тебя. Пока не поздно, проси защиты у хана.

Мы пришли к ханскому кошу, я и мой кунак, и мы дождались конца совета. Тогда хан, выйдя, спросил нас, что надо, и кунак рассказал о моем проступке.

Хан усмехнулся в черную бороду и взглянул на меня.

— Напрасно ты берешься за мои дела: я сам должен был убить его. Делать нечего. Судьба отняла у тебя брата. Вместо него отныне братом твоим буду я. Ты оставайся всегда при мне.

Так я стал братом Кара-Сакала.

На ханском совете было решено собрать всех башкир вместе, чтобы гяурскую силу встретить не меньшей силой. Аландзиянгул и Зиянчур оставили войско и поехали собирать воинов. Слухи о приближении гяуров каждый день обновлялись. Сначала гяуры шли на Сакмарк и Губерлинские горы, а потом внезапно повернули налево и, дойдя до Тамьянской волости, здесь остановились при Тархангуле.

Невдалеке расположились и мы, ожидая прибытия помощи.

Однажды ночью хан разбудил меня.

— Юлай, — сказал он. — Что делать мне? Ты молод, но не глуп — советуй. Ты мне брат. Гяуры утром пойдут на нас, а подкрепленья не будет: Аландзиянгул и Зиянчур попались в руки гяуров.

— Хан, — сказал я, — что значит два человека? Разве

¹ Ж я л а н — змея.

не идут к нам восемьдесят тысяч воинов с Кубани? Разве не придет на помощь к нам Джанбек-батырь и кара-калпаки?!

Тогда хан засмеялся.

— Сядь, — сказал он мне, указывая на шелковую подушку. — Сядь и слушай меня.

— Ты брат мне, Юлай, — сказал хан, — и ты мой свидетель. Ты еще год назад смеялся, как сам я, над тем, что я буду ханом. — Кара-Сакал увидел мой испуг и улыбнулся. — Я не сержусь. Я сам смеялся тогда, и ты с братом смеялся за кошем твоего отца. Как же — безносый хан! Аландзиянгул грозил мне и заставил назваться ханом. Это не я стал ханом, а он. Моя молодость темная, и никто не знает меня. Его знали все. «Как простой башкирин станет ханом? Другие тоже захотят!» А меня никто не знал. Я не знатен. Я был в Турции и на Кубани. Я воевал с кайсаками, и они продали меня в Бухару, где я был рабом. Когда я вернулся, моя речь не была похожа на вашу речь, я говорил, как чужеземец. Аландзиянгул заставил меня назваться ханским сыном, и я назвался. Я отдавал приказы народу. А сам Аландзиянгул повелевал мной. Он угрожал мне смертью, и, если бы Зиянгур и его кунаки не следили за мной, я бы убил его год назад, потому что я не хотел быть ханом. Теперь уже нет пути назад. Аландзиянгул попал к гяурам, и я стал ханом башкир. Так хотят башкиры. Им все равно, кто поведет их. Им нужна свобода, им нужно победить гяуров. Когда была война с турками, мы возмутились. Теперь война кончена. Русские начальники говорят, что все воины, сражавшиеся с турками, идут против нас. Мы погибли!

Я видал недавно, как карга ¹ клевала живую крысу.

¹ Карга — ворона.

Крыса вздрагивала, а карга задумчиво и спокойно наслаждалась, выклеывая ей глаза. Ворона — это урусы, а крыса — башкиры. Урусы выключают наши глаза и нашу печень! Я был раньше рабом бухарского купца, и я был после рабом своего советника Аландзиянгула. Аландзиянгул же был рабом башкирских стариков, которые захотели свободы. Я не был никогда повелителем и не умею быть им, хотя умею быть военным и сумею умереть под знаменем ислама¹.

Аландзиянгул пропал, и я не рад этому, хотя хотел его смерти год назад. Теперь Азриал² над нашим станом!

Когда хан замолчал, в ушах моих заскулила укорами кровь убитого брата, и дрожащим голосом я спросил Кара-Сакала:

— Скажи, Салтан-Гирей, а наши союзники на Кубани?

— Это «воины моего отца», — ответил хан, — их так же, как отца моего, выдумал Аландзиянгул.

— А кайсаки? — продолжал допытываться я.

— Кайсаки отказали в союзе безродному башкирину, они кочуют до самой Кубани и знают всех ханов. Они засмеялись и не поверили выдумкам о моем отце.

— А кара-калпаки?! Ты же сказал, что их тысячи... Кара-калпаки!!! — Мой голос дрожал, когда я допытывался, кровь убитого брата стучала у меня в висках, и я хотел убить хана.

Кара-Сакал засмеялся громко.

— Малай³, — сказал он, — разве можно из одной черной бороды сделать тысячу черных шлемов?⁴ Кто

¹ Ислам — магометанская религия.

² Азриал — ангел смерти у магометан.

³ Малай — мальчик.

⁴ Игра слов: кара-сакал — черная борода, кара-калпак — черный шлем.

пойдет в союзники к бедному Салтан-Гирею из Юмартынского юрта по Ногайской дороге?

Там на речке Сулучуку у него есть мать. У нее нет воинов. Там у него были братья. Оба убиты вчера его рукой, потому что шли с «верным» старшиной. Там есть у него жена. Но что даст она войску? А дети бедного Салтана-Гирея, ханские дети, они слишком молоды еще, чтобы отдать свою кровь на войне!

Салтан-Гирей был рабом. Он убил купца и бежал через пустыню; он видел много восходов и закатов, прежде чем пришел домой, и он видел много людей. Он пришел домой, чтобы пасти гурты баранов и пахать землю.

Гяуры отняли у него нос. Кайсаки отняли ухо. Бухарский господин отнял у него палец, а родные братья-башкиры отняли честность. Они сделали его обманщиком своего народа!

Вот знаешь ты все, брат хана. Скажи, младший брат, что делать повелителю башкир?

Я молчал. Сердце мое возмутилось. Что мог сказать я? Я сжимал рукоять ножа.

— Тебя казнят, Салтан-Гирей!—это я сказал тихо. И еще тише я сказал:—Многие говорят, что ты обманщик и что тебя надо выдать гяурам. За голову Аландзиянгула обещали пятьсот рублей. За твою дадут больше. Беги, хан!

Салтан-Гирей задумался и долго молчал. Но вот встал он и стал ростом выше себя на целую голову.

— Малай!—сказал он гневно.—Кто должен бежать? Я воин, а не баба! Я—хан! Кто продаст меня? Уже воины отца моего отходят к Оренбургу. Их восемьдесят тысяч! Только две дороги башкир еще не пристали ко мне, и они будут наши! Русский

начальник лжет, что война с турками кончена, и двуглавый урод с гяурского знамени своими крыльями не заслонит полумесяца на зеленом знамени пророка!

Еще за несколько мгновений до того я готов был убить Салтан-Гирея, теперь я отдал бы за него три жизни, если бы аллах даровал их мне. Нож выпал из моей руки. Передо мной стоял не раб бухарского купца, — это был большой батырь.

— Карагуш!¹ — сказал я. — Хан башкир!.. — И я опустил глаза в землю.

Кара-Сакал усмехнулся.

— Я карагуш, а ты мой младший брат. Подыми свой нож.

Он взял лук. Долго выбирал стрелу в колчане. Наконец выбрал лучшую, вышел из коша, натянул тетиву до отказа и спустил первую вестницу Азраила в лагерь гяуров. А я крикнул:

— К оружию! К оружию!

Мы сражались. Это был первый бой с русскими, и они отошли назад.

В эту ночь к нам прикочевали с женами и детьми еще три юрта башкир — Табынский, Кубеляцкий и Катайский, и еще приехали вестники от двух юртов — Киргизского и Дуванского — и сказали, что вот освободятся дороги от воды и они придут к нам.

Сила наша росла. Но вскоре пришел конец нашим победам.

Хотя урусы и лгали про мир с турками, но у гяурской царицы было много воинов. Она прислала на нас казаков с Яика² и с Днепра — реки, которая течет у самого заката, и она прислала много солдат и пушек, и вот еще не успели очиститься дороги от

¹ Карагуш — орел.

² Яик — ныне река Урал.

воды в горных лощинах, еще не везде растаял снег, а победа изменила нам.

Велик аллах в гневe и в милости!

Русский начальник Языков напал на нас с казаками и солдатами, начальник Арсеньев помог ему, а нас оставил аллах.

Нам оставалось отойти назад и ждать, пока придут две оставшиеся дороги. Чтобы отойти, надо было идти по пути на Свибинский юрт через крепость Чабайкул, но собаки русской царицы, изменники тарханы, заняли эту дорогу.

Хан советовался со мной. Мы решили скрыться в лесу при истоке Усень-идель, где много гор и камней. Но гяуры не дали нам дожидаться, пока реки войдут в берега и воды успокоятся; они окружили нас крепко, как кольца аждаги¹. И вот от нас уехала целая толпа трусов и изменников к тарханским собакам, и они звали с собой остальных и кричали Кара-Сакалу, что он обманщик и самозванец.

Их было около ста человек. Когда уехали они, хан, опустив голову, долго сидел в коше, потом позвал меня.

— Нельзя, чтобы урусы узнали, что у нас нет согласия, — сказал он. — Ни один из изменников не должен дойти до «верных», ни один из них не должен остаться в живых... Делай, как знаешь!

Я понял хана. Я собрал пятьсот человек; из них было двести с ружьями. Мы сели на коней, и еще до заката, обогнав изменников по самым трудным дорогам, хотя погубили в пути лошадей, заняли ущелье, где лежал их путь. И мы поступили с ними, как раньше поступали с войсками старшины Булара; разница была в том, что из них мы ни одного не

¹ А ж да га — сказочная змея, олицетворение зла.

оставили живым; мы убили также бывших с ними семнадцать женщин и много детей. Так поступили мы. Добили всех раненых, и никто не узнал от изменников, что среди нас есть несогласие.

Когда я рассказал хану, он вздохнул.

— Мы поступили неверно, Юлай! — сказал он. — Разве можно завтра убить тысячу человек, если они захотят оставить нас?

Ворона клюет живую крысу, а блохи, которые жили в ее шерсти, боятся и убегают!

На нас напали в первую же ночь после этого русские начальники Арсеньев и Языков. Мы бежали так поспешно, что оставили коши наши и едва успели уйти за Кызыл-идель¹.

Татарин Торбей шел с тысячью казаков против нас из Верхнеозерной крепости. Гяурский князь Урусов, большой начальник, шел с полдня от Сакмарска.

Хан был прав. Прошло три дня после первой измены, и снова от нас бежали многие, но, боясь, что постигнет их та же судьба, бежали ночами, тайно, чтобы никто не знал, и передавались гяурам.

И вот пришел день: гяуры собрались вместе.

Аждага, сестра шайтана², крепко сжала кольцо. Хан говорил с воинами. Он сказал:

— Аллах поможет нам победить. Будьте смелы. Если же видно будет, что не устоять нам против урусов, бегите за Яик, там ждет мое войско, восемьдесят тысяч воинов.

Тогда один башкирин засмеялся громко, и многие закричали:

— Обманщик, а не хан!

— Надо тебя выдать урусам!

¹ Река Кызыл теперь в Зилаирском кантоне БАССР.

² Ш а й т а н — дьявол.

— Мы будем сражаться, потому что все равно нас казнят теперь!

— Изменник!.. Убьем его!..

В этот же миг из леса раздались выстрелы: гяуры опередили нас и напали первые.

Урусы были страшны громом ружей. Многие наши кони были только что взяты из табунов, и они пугались стрельбы. Нужно было сойтись врукопашную, и тогда еще неизвестно, кто бы победил. Хан бросился первый навстречу выстрелам и прокричал как призыв имя аллаха.

Мы ринулись за ним сквозь деревья. Кони наши спотыкались о корни и разрывали груди ветвями кустарника. В безумии отваги мы не заметили хитрости гяуров, мы не поняли их обмана: никто не отступал перед нами, никто не шел нам навстречу; мы сами отдали себя во власть врага. Он был на деревьях. И, думая, что мы идем навстречу ему, мы оказались под дождем пуль, хлынувших на наши макушки из вершин леса. Для того чтобы стрелять вверх, мы должны были подымать голову кверху и получать заряды в лицо или в горло, не прикрытое саутом¹.

Аллах отступился от нас. Хитрый начальник гяуров батырь Павлуцкий поймал нас в сети.

Гяуры спрыгнули с деревьев и оказались внезапно со всех сторон вокруг нас. Их конница подходила из речной долины с двух сторон. Перед нами лежал путь в горы или в степь.

Убегать всегда хочется под гору, и мы под выстрелами бросились вплавь через Яик в степи.

Несколько дней в беспорядке, смятенные, мы уходили от воинов Павлуцкого. Солдаты и казаки преследовали нас до реки Тобол, не давая нам передышки.

¹ Саут — панцырь.

Усталые воины наши становились слабы сердцем, как женщины, и, покидая войско, сдавались в плен гяурам или разбегались по степи, чтобы отдаться кайсакам.

Имя аллаха славно! И сам пророк бежал от врагов своих, и год бегства его из Мекки свят. От него же ведется исчисление лет правоверными¹.

Мы бежали.

Начальник гяур послал кайсакам грамоту, чтобы нас поймали, и обещал им за то подарки и милости.

И вот, когда уже урусы из-за усталости лошадей не могли гнаться за нами, когда мы считали себя в безопасности и спокойствии и стали на ночлег на реке у подножья Улькиям-Бан-тау, ночью напали на нас, сонных, кайсаки Букен-Бай-батыря и, связав нас, взяли, а многих убили.

Салтан-Гирей, отбиваясь, вонзил в грудь одного кайсака свой кинжал, а кайсак ударил его ножом в плечо и ранил. Я тоже был ранен. Мы ожидали, что нас поведут к урусам и там казнят, но Кара-Сакала выкрали ночью его кунаки из киргиз, а нас, оставшихся, кайсаки предпочли продать в рабство хивинским купцам, пришедшим с караваном.

Я год жил в плену у хивинского купца. Я был рабом. Рабство тяжело башкирину, но нельзя рассказать все муки сразу. Я не стану сегодня говорить об этом.

Когда через год я с караваном шелков пришел в Нагайскую орду, я бежал от своего хозяина и стал пробираться на Урал.

Я шел через Джюнгарскую землю. В это время джюнгары воевали с кайсаками, и меня поймали кайсаки, говоря, что я соглядатай. Я сказал, что не

¹ Год бегства Магомета из Мекки в Медину. Бегство — по-арабски «геджра». С этого гола ведется летоисчисление магометан, как у христиан — от рождества христового.

джюнгарец, но башкирин и бежал из Хивы, но они не поверили и тогда хотели попытаться.

Меня вели на веревке, за шею привязанного к седлу, когда встретился богато одетый всадник.

Кайсак, который вел меня, сказал:

— Вот брат джюнгарского хана. Скоро он прогонит его и будет царствовать, а та собака, теперешний царь джюнгарцев, которому ты служишь, будет казнен, как ты.

Я взглянул на будущего хана джюнгар и узнал его: у него не было носа и одного уха, и у него была большая черная борода.

Я крикнул ему:

— Кара-Сакал! Брат! Я—Юлай! Вели отпустить меня!

Хан узнал меня. Он подъехал и сказал:

— Я знаю этого человека, пусти его.

А когда кайсак снял с моей шеи веревку, хан велел ехать с ним. Он угостил меня мясом и кумысом. Он расспрашивал меня о судьбе и уговаривал идти в его войско, говоря, что скоро будет ханом. Я сказал, что скучаю по Башкирии, и он отпустил меня.

— Аллах экбер!¹

Больше я не видал этого человека и не слышал о нем.

Когда я пришел домой, мой отец готовился к смерти. Он заявил меня бежавшим из плена от кайсаков. Русский начальник долго выпрашивал меня и отпустил.

Велик аллах!

Прошло двенадцать лет, и вот я старшина юрта.

Вот я был батырь, а теперь старик. И нет больше батырей, и смирились башкиры.

¹ Аллах экбер — «велик госпо-ь».

Сам я уже не натяну дедовского лука, который натягизал в юности, да и кто из нас натянет его?!»

Юлай замолчал. Молчали и окружающие.

Старший сын Юлая, Ракай, вынул из рукава курай¹, послюнявил камыш у клапанов и, приложив его в угол рта, загудел медлительную, как мед, и дикую, как степной табун, бессловесную песню.

¹ Курай — свирель.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Мурадыму подобен коль хочешь быть,
Время юности проводи славно.
За облачную гору Нарс,
Если хочешь, рысью помчись.*

(Из песни Мурадыма)

Светало. Из горной теснины, где рвалась и клочкотала между камнями речка, подымался клочьями бородатый туман, цеплялся за скалы, тянулся по лапам уродливых сосен и ползал по долине с правого берега.

Лошадей не было видно. Если бы не знать, что по берегу ходит табун, их можно было принять за сказочных зверей, обросших туманом, как шерстью.

Айгир¹, сторожко шевеля ухом, остановился и поднял голову. Айгир — султан табуна. Он знает, что никто не силен, как он, его грудь шире груди других жеребцов, его копыта сильнее, его грива длиннее и гуще.

Под самой мордой Айгира нырнула в высокой росной траве собака. Жеребец фыркнул, почуяв знакомый запах, и спокойно стал щипать траву. На этот раз опасности не было — собака не волк; жеребец густо и бодро заржал. Молодые жеребчики вторили весело и криливо.

За собакой вышел ее постоянный спутник, человек. Человек напевал тонко и протяжно. Он принес аркан.

Айгир зашевелил ушами, но, снова почуяв зна-

¹ Айгир — жеребец, вожак табуна.

комый запах, фыркнул и махнул хвостом. Он знал, что его не коснется ненавистная петля: табун нельзя оставить без вожака, значит, поймают и уведут не его, а какого-нибудь молодого жеребчика или кобылу.

Человек потолкался между лошадьми, выбрал одну из них и ловко накинул ей на голову веревку.

— Тпру, стой!.. Не лошадь, а чорт. Стой, несчастный верблюд!

Жеребчик вскинул голову назад, рванулся, но, затянув себе крепче петлю на шее, растерянно стал. Маленький человек возился уже возле морды и, торопливо взнуздав, схватился за прядку гривы и, еще перекидывая ногу через хребет, свистнул.

Жеребец было взметнулся на дыбы, сделал несколько несуразных, капризных скачков и, дрожащий, разгневанный, присмирел.

— Айда, пошел, пошел скорей! — подбодрил его всадник, и жеребец, подчиняясь спокойному голосу и крепкой руке, ровно и глухо забарабанил копытами в сторону леса, проехал мимо кочевки и по крутой тропинке стал подниматься в гору. Всадник прислушался. Впереди шла лошадь, но ее не было видно, хотя здесь не было тумана — туман остался внизу.

— Кинзя! — крикнул всадник.

— Вот я! — откликнулся голос. — Салават, ты? Айда живей!

За поворотом всадник нагнал второго. Оба они были мальчишки лет по четырнадцать. Они были почти одинаково одеты — в сермяжные кафтаны, обшитые красным, в лисьи шапки и белые с сермяжными голенищами сапоги. За плечами у того и у другого было по луку и полиому колчану стрел, но ехавший впереди был не по-детски толст и приземист, а второй, которого звали Салаватом, строен и высок.

— Долго ты спал нынче, как старик. Я думал, ты всю охоту проспичь, — укоризненно ворчал толстяк.

— Не просплю... Пока солнце не взойдет, старики все равно в гнезде будут — не подойдешь... Я не мальчишка, чтобы торопиться, когда не нужно, — важно ответил запоздавший.

— Ты старикан, — ответил со смехом первый, — какой же ты мальчишка? И труслив, как старик. Кабы ты не трусил охоты, так, небось, поспешил бы, а то спал целые сутки, думал, что птенцы оперятся да улетят и охотиться не на кого будет.

Толстяк снова сам засмеялся своей шутке.

— Сам ты трус! — обиженно воскликнул Салават. — Я не боюсь стариков, а не хочу зря с ними драться, а вот пусть-ка прилетят домой, я еще погляжу, кто первый удерет.

— А вон и Хамит едет, — перебил толстяк.

Вперед действительно горячилась и танцевала серая кобыла с таким же маленьким ловким всадником. Приятели пустили лошадей рысью и быстро догнали третьего своего товарища.

— Ты чего рано вскочил, Хамит? — крикнул Кинзя.

— Камырска-май искал, — ответил приятель таинственно.

Он был одет беднее обоих друзей, и было видно, что камырска-май для него богатая добыча.

— Чего искал? — не понял Кинзя.

— Муравьиное масло.

— Ты что же, муравья доил?

— Джуляр¹, — презрительно бросил Хамит. — Это все знают: «Табдырень камырска-май, булырсинг зур бахетле бай»². Это в муравьиной куче бывает такое

¹ Дж у л я р — дурак.

² Найдешь муравьиное масло, получишь большое счастье — богатство.

белое масло. Кто его найдет, самый богатый будет. Тебе не нужно, а мне надо, а то меня дядя кормить не будет и продаст гяурам. Там меня крестят и никогда не пустят к своим... Если бы ты был сирота, как я, ты бы знал, зачем нужно камырская-май!

Кинзя дернул повод, его товарищи сделали то же, и все три лошади побежали быстрее.

— И много муравейников ты раскопал? — спросил Хамита Салават.

— Сегодня — шесть, а всего — пятьдесят три в эту неделю.

— Ты бы лучше почаще ездил за орлами да ястребами, вот бы и богаче был.

— Я и так езжу чаще всех. Только это какое же богатство?!

Мальчики подъехали к подножью огромной скалы, взгромоздившейся на горную вершину. Ехать дальше было невозможно. Они оставили лошадей внизу, а сами стали карабкаться вверх. Скоро доползли до скалистой площадки.

— Ну, теперь надо решать, кто куда. Гнездо вправо, чуть-чуть пониже нас. Там два птенца. Одному из нас надо остаться здесь, а двоим лезть. Веревки у вас крепкие? — спросил Хамит.

— Крепкие, — ответили в один голос товарищи. — Кто же берет на охоту плохие веревки?

— У меня плохая. Мне дядя не дает хорошего аркана, — ответил Хамит.

— Ну, значит, ты останешься здесь, — сказал решительно Салават, — с плохой веревкой страшно: вдруг оборвется?

— Я бы украл хорошую веревку, если бы не было, — засмеялся Кинзя, — а то подумают, что трус и нарочно оставил себе плохую веревку, чтобы не лезть в гнездо.

Хамит покраснел.

— Я никогда не был трусом! — крикнул он. — Давайте бросим жребий.

— Правильно, — сказал Салават. — Кто полезет в гнездо, тому хорошую веревку!

Мальчики выбрали себе три травинки: две короче — чтобы лезть в гнездо, одну длиннее — оставаться на страже.

Длинная досталась Кинзе.

— Ну, давай свою веревку Хамиту, — сказал Салават, — внизу можно и с плохой веревкой.

— Не дам, — заупрямился Кинзя. — Я сам полезу!

— Да ведь досталось не тебе, — возразил Хамит.

— А я не дам аркан!

Сказав это, Кинзя всё же протянул веревку Хамиту, но Хамит отвернулся.

— Ну, так возьми мою, — предложил Салават. — Я сильнее тебя, и мне будет не так страшно с плохой веревкой. — Он тоже протянул веревку Хамиту.

— Ладно, я с плохой полезу. Что я, нищий, что ли, чтобы выпрашивать?

Оба охотника быстро опоясались веревками, привязали их за ствол сосны и скрылись за камнями.

Кинзя остался один на площадке. С края ее было видно гнездо орлов в большой трещине. До него было почти невозможно добраться. Прошло много времени. Если бы не шевелились веревки, привязанные на площадке, можно было бы подумать, что оба охотника пропали. Но вот они наконец почти одновременно показались над гнездом. Осторожно карабкаясь, стали спускаться. Кинзя снял с плеча лук и вынул стрелы. Он знал, что половина дела зависит от него.

В гнезде было два птенца. Они могли поднять крик, а если бы и не подняли, то все равно старые орлы могут возвратиться сами: они уже давно улетели за

добычей. Надо было во-время убить подлетевшего орла, и тогда можно поручиться, что птенцы будут пойманы и охотники целы.

Туман над рекой уже почти рассеялся. Небо ясное, голубое. Солнце начинало палить, хотя еще стояло низко на востоке. Кинзя осмотрел горизонт. Орлов не было видно.

Салават в это время достиг гнезда и почти висел на веревке около него, только одной ногой упираясь в выступающий камень.

Если упасть — будет мокро, но веревка крепкая, она выдержит даже самого толстого батыря.

Хамит медлил и, не надеясь на свою веревку, боялся повиснуть.

Из гнезда крикнул птенец. Хамит заторопился, скользнул и повис, веревка повернулась два раза, раскручиваясь. Салават помог ему укрепиться около гнезда.

Оба птенца в гнезде громко кричали. Охотники о чем-то совещались. Вот Хамит вернулся на свое прежнее место, выше гнезда, а Салават скрылся в трещине, и тотчас возвратился снова, неся орленка, обвязанного кушаком. Птенец кричал громко и резко. Хамит взял его одной рукой, развязал свой пояс и протянул Салавату. Салават снова скрылся в трещине. В это время Кинзя заметил на краю синего неба черную точку. Он крикнул.

— Карагуш!

Охотники не расслышали слова, но Хамит понял опасность и стал что-то кричать Салавату. Салават не показывался из трещины.

Темная точка в небе стала уже ясно видимым орлом. Старик возвращался, неся ягненка. Кинзя наложил стрелу и медленно стал подымать лук к уровню глаза. Орел, видимо, услышал крики птенцов, он как бы застыл в воздухе и вдруг быстро, раз за разом,

взмахнул крыльями. Тетива тенькнула под рукой Кинзи, и стрела вонзилась в ягненка. Хищник бросил добычу, защитившую его от смерти, вскрикнул и ринулся к гнезду. Навстречу ему прозудела в воздухе стрела Хамита и потонула где-то в долине, у подножья горы. В это время Салават появился из щели, неся связанного детеныша. Орел ударом крыла задел его по лицу и вышиб из рук птенца. Сам Салават пошатнулся и чуть было не соскользнул с обрыва.

— Вот проклятый! — выругался он. Ему некогда уже было вынимать стрелу из колчана. Он схватился за кинжал, висевший на поясе. Сталь блеснула под солнцем. Орел увернулся от удара, взлетел выше и напал на Хамита, не успевшего наложить второй стрелы. Он ударил мальчика в левое плечо клювом.

Хамит покачнулся, испуганно схватился за веревку и выпустил из рук лук.

— Хамит, ножом его, ножом! — закричал Салават из щели, готовясь к новому нападению птицы.

Кинзя, видя опасность, грозящую товарищам, прикрепит свою веревку к той же сосне и со стрелой, наложенной на тетиву, стал карабкаться к ним, потому что выступ скалы мешал ему вступить за них издали; к тому же он боялся, промахнувшись в птицу, попасть стрелой в одного из охотников. Он был уже близко и следил за ходом битвы, когда внезапно над самой его головой простерлась широкая черная тень. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он вскинул лук кверху и, не целясь, спустил стрелу. Раненая им орлица-мать метнулась с криком прочь, но не успел он наложить второй стрелы, как она уже дважды ударила его клювом в голову.

— Ай, ай, мама! — закричал Кинзя. Он бросил лук и стрелы и растерянно закрыл руками раненую голову. Орлица ударила его клювом в кисть правой руки.

Толстяк поскользнулся, упал. Птица снова клюнула его до крови в шею, под самый затылок. Он вскочил и, отбиваясь от нее подвернувшейся палкой, едва не плача, вскарабкался обратно на площадку и скрылся под широкие ветви молодого сосняка, поросшего по склону горы.

Хамит почти висел над обрывом, кинжалом отбиваясь от орла. Салават выбрал стрелу, оправился, и только было выглянул из щели, где скрывалось гнездо, когда услышал крик Кинзи. Он сразу понял, что на товарища напала орлица. Одна из его стрел бесполезно скользнула в воздухе мимо разъяренной самки, гнавшей под кусты бедного Кинзю. Салават наложил вторую стрелу, но в это время связанный кушаком птенец, трепыхавшийся у его ног, пронзительно крикнул. Торжествующая победу над Кинзей орлица откликнулась ему с покровительственной яростью и в одно мгновение была около гнезда. Стрела Салавата угодила ей в грудь, но она не упала; ее когти впились в шею стрелка, как железом разрывая тело. Салават бросил свой лук, выхватил кинжал и всадил его в грудь птицы по рукоять.

Он радостно вскрикнул, но в то же мгновение мимо него сверху вниз с возгласом ужаса скользнул Хамит и мелькнула ширококрылая тень орла-самца. Салават позабыл про боль и кровь, струящуюся по одежде, схватился снова за лук и заглянул с обрыва вниз. Хамит висел на веревке, медленно раскручивавшейся. Ему не за что было ухватиться, он поворачивался, молча закрывая лицо левой рукой от ударов орла, а правой рукой стараясь нанести удар ножом птице, но благодаря тому, что, защищая лицо, он закрыл глаза, его удары падали в воздухе и только угрожали веревке, на которой он висел, и без того некрепкой. Салават наложил стрелу, но орел кружился

и метался настолько близко к охотнику, что, боясь ранить или убить товарища, Салават опустил лук. Он растерялся на миг и не знал, что делать. Сердце его билось изо всех сил, и кровь гудела, как водопад, в глазах темнело. Кровь, закапавшая камни, скользила под ногами. Салават приложил ладонь ко лбу и вдруг, сообразив, швырнул птенца вниз с обрыва. Птенец, падая с криком, нелепо и неуклюже замалхал крыльями. Но еще не успел он упасть, как старик-орел, оставив Хамита, подхватил детеныша на лету.

— Так вот тебе! — крикнул Салават, и стрела, спущенная им, вонзилась в шею орла, упавшего тотчас на землю вместе с детенышем. Он ухватился за веревку и, изо всех последних сил напрягаясь, втянул Хамита в трещину, где было гнездо, и оба охотника, взявшись за руки, несмотря на усталость и боль, весело засмеялись.

— Четыре орла! — сказал Салават.

— Два орла и два птенца, — поправил его Хамит. И снова оба засмеялись, хотя были так слабы, что не могли без отдыха влезть обратно на гору.

Отдохнув, оба мальчика по веревкам стали карабкаться наверх, неся с собой одного птенца и убитую Салаватом орлицу.

Кинзи не было на площадке. Они сначала было испугались.

— Он упал! — воскликнул в испуге Хамит.

— Он кричал, — подтвердил Салават, — но ведь он был привязан!

Тут взгляд его скользнул по стволу, к которому были привязаны их веревки. Веревка Кинзи, ослабевшая и спокойная, змейкой вилась под ветви соснового молодняка.

— Вон он! — крикнул Салават и, пробираясь сквозь ветви, подбежал к лежавшему на земле товарищу.

— Что с ним?—спросил Хамит.

Кинзя был весь в крови, и сразу сказать, что с ним, даже жив ли он, Салават не решился. Он наклонился над лежащим, тронул его за руку и услышал мерное посапывание. Он рассмеялся.

— Спит он.—И, нагнувшись к самому уху спящего, он крикнул по-орлиному:

— Анам! Анам!.. Кш-ш... кит... А-ай, анам!..¹—закричал испуганно проснувшийся толстый Кинзя.

Оба товарища его хохотали.

— Ну, ну, не плачь, батырь! Не плачь! Сейчас мать придет и соску даст!—весело кричал Салават.

— Вставай, зимний барсук, лето уже. Вставай, пора! Кинзя протер глаза и, видя смеющихся приятелей, нахмурился.

— Бросили вот меня одного,—сказал он обиженно,—а здесь налетели десять джинов², отняли у меня лук и стрелы и все унесли.

— Чем же ты защищался?—спросил насмешливо Салават.

— Ножом.

— Значит, твои джины без крови, потому что нож у тебя вовсе чистый,—еще насмешливее вставил Хамит.

— А я палкой,—поправился Кинзя. Он показал палку, которой отбивался, когда бросил лук и стрелы. Салават посмотрел на палку.

— У тебя почему-то на ней орлиные перья,—сказал он.—Так вон в чем дело! Ну, так мы твоих джинов убили, только не десять, а четыре.

— Я и сказал четыре,—снова поправил Кинзя. Мальчики захохотали.

¹ Мама! Мама!.. Кш... уходи!.. Ой, мамынька!..

² Д ж и н ы — черти.

— Ну, врешь. Двоих ты не мог видеть—они не летают. Один-то жив, а другого надо внизу подобрать.

Видя, что его храбрость и ловкость сомнительны для товарищей и что над ним оба смеются, Кинзя надулся.

— Я ведь говорил, что полезу в гнездо, а раз не мне жребий пал...—ворчал он.

— У тебя свое дело было,—возразил Салават.— Что же ты орла к нам допустил?

— А он ягненком закрылся,—слабо, но защищался еще неудачник.

— Хитрая птица орел!—Сказал Салават. Оба приятеля Кинзи рассмеялись. Толстяк покраснел.

— Ничего,—шутливо ободрил Хамит,—зато никто на свете, кроме Кинзи, ягнят на лету не стрелял, а он летучего ягненка убил—это тебе не то, что летучая мышь!

Все трое рассмеялись весело и дружелюбно.

Колчан и лук Кинзи, «украденные джинами», пришлось поискать в кустах. Наконец все было найдено, и мальчишки спустились вниз.

— Огонек, Огонек!—громко позвал своего коня Хамит.

В лесу слышался хруст, и Хамитова кобыла прибежала рысью.

Кинзя вложил в рот два пальца и резко свистнул. Издалека слышалось ржанье, и резко выбежал черный аргамак.

— Ну, а моего не позовешь—не пойдет!—сказал Салават, но горячий жеребчик сам не стерпел разлуки со своей послушной человеку подругой, серой кобылой Хамита. Он заржал игриво. Она откликнулась. Он выбежал из леса. Хамит сидел уже в седле. Салават передал ему свой аркан, и через минуту аргамак стоял

заарканенный, и кожа на его шее раздраженно дергалась под ласковой рукой всадника.

Мальчики подобрали убитого орла и недалеко от него птенца, живого и невредимого, нахохлившись сидевшего между камнями. Они стали спускаться ниже и вдруг натолкнулись на забытого всеми «летучего барана», пронзенного стрелой Кинзи.

— Вот и твоя птица! — закричал Салават. — Ею мы и попользуемся прежде всего. Можно его испечь.

Кинзя обрадовался, что баран будет съеден, по крайней мере его минуют насмешки в деревне.

— Конечно, — сказал он радостно, — зачем же аллах дал человеку барана?!

— Летучего барана! — поправил Хамит, принимаясь его потрошить.

Кинзя выкопал яму, выпотрошенного барашка сунули туда, засыпали сверху землей, а сверх земли разложили костер из набранных Салаватом дров.

Пленные орлята не желали клевать отданные им ягнячьи кишки.

Ягнячьим жиром мальчики вымазали свои обмытые в соседнем роднике раны. Салават остался следить за костром. Хамит и Кинзя быстро уснули, разморенные зноем. Дым распугал больно кусающих оводов и докучную мошкарку. Высокое жаркое пламя теряло свой блеск в полуденных солнечных лучах и казалось прозрачным. Раскаленный над костром воздух, колебля горы и леса, струился вверх, словно леса и горы виднелись сквозь прозрачные волны чистой воды.

Салават сам засыпал, думая о своих утренних приключениях. И в голове его, как часто это с ним бывало, слагалась новая песенка.

Трое сильных батырей,
поднялись мы в горы —

пропел Салават. Ему понравилось.

Пошли мы втроем на гору,
а назад вернулись богатыми...

Ему представилось, как встречает их аул и каждый несет подарок за избавление от хищника: одни — яйца, иные — лепешки, иные — гуся или утку, а богатые баи — по ягненку. Конечно, это целое богатство... Если бы все это Хамиту, его дядя тогда в другой раз не пожалел бы для него крепкой веревки.

Салават следит за орлятами: они сидят нахохленные и злые. Костер их удивляет и пугает, путы на ногах мешают ходить, а летать они еще не умеют. Один из птенцов неумоимо, почти непрерывно клюет Хамитов кушак, связывающий его ноги. Когда устает, поднимает голову и со смешной надменностью оглядывает все вокруг. Вся злость его породы видна в его взоре, когда он взглядывает на Салавата. Убитые отец и мать лежат тут же, невдалеке от костра. Коричневое мощное крыло отца широко откинута. Салавату не раскинуть так широко рук.

— Батыр кыш! Смелая птица! — говорит Салават и с восхищением глядит на крыло, — Кочле кыш! Сильная птица...

Песня продолжает слагаться, и незаметно для себя Салават снова поет:

Трое молодых храбрецов
взяли четырех злых птиц.

Песня снова понравилась ему. Он почувствовал, что засыпает, и встал. Шея, разорванная когтями орлицы, болела. Салават подложил сучьев в костер и, ощутив голод, с удовольствием подумал, что под костром жарится ягненок — «летучий баран».

Вспомнив его название, он улыбнулся и, снова впадая в дремоту, подумал о том, что сейчас он мог бы

съесть и десять нелетучих, самых тяжеловесных баранов.

Готовьте тяжелых баранов,
четыре злых птицы погибли —

пропел он конец.

— Баран готов? Эй ты, певец! — крикнул Хамит. — Готов, что ли, баран? Нам песен мало — нам мяса надо!

От крика проснулся Кинзя и, широко зевнув, тоже спросил:

— Готов баран?

— Готов. Я уже съел и кости проглотил, пока вы спали.

— Я тоже проглотил бы кости, если бы мне дали барашка, да, пожалуй, и шерсть бы съел, — засмеялся Хамит.

— Да ведь мы же не ели с утра, а теперь полдень, — сказал Кинзя.

— Это не грех, Кинзя, как говорит твой отец? — весело спросил Салават, раскидывая костер.

— В этом деле голодный понимает лучше, чем мулла, — ответил Кинзя. — Отец не лазит за орлятами, а я сам думаю, что не поесть сейчас — большой грех!

Салават раскидал костер. Земля под ним была черная и от нее подымался легкий пар.

— Сейчас мы будем есть батырского барана, — важно сказал Салават.

— Почему батырского? — в один голос спросили Хамит и Кинзя.

— Когда батыри идут в поход, у них не бывает котла, для того чтобы варить салму¹, и они всегда так пекут барана, в яме. Этому научил людей Аксак-Темир². Он был большой батырь и никогда не ночевал

¹ С а л м а — национальное кушанье башкир.

² Тамерлан.

нигде, кроме как в походе, — пояснил Салават. — Теперь надо убрать сверху землю.

Он вынул кинжал и скинул тонкий пласт золы и земли, прикрывавший барашка. Вкусный, дразнящий пар вырывался из ямы огромным клубом.

— Готово! — крикнул Салават.

Охотники принялись за насыщение. Хамит ошибся, когда хвастался съесть барана с косточками и с шерстью. Даже втроем они, не доев ягненка, до того почувствовали тяжесть в животах, что тут же снова уснули.

Когда они проснулись, занималась вечерняя заря. Кружились с пением жуки. Орлята спали, прижавшись друг к другу.

— После «батырского барана» я выпался, как батырь! — сказал Хамит, потягиваясь.

— Эх, если бы от него и вправду стать батырем! — мечтательно протянул Кинзя. — Настоящим батырем, про которого поют песни!

— Я буду батырем, — сказал Салават убежденно, — только не от барана. От барана батырем не будешь! Я и песни про себя сложу сам.

— Да ты и сейчас можешь сложить песню, на это ты мастер, а батырем и от песни не станешь! — поддразнил Кинзя.

— Вот еще, не стану!.. Конечно, не от песни. Я сильный. Разве кто из вас со мной справится? Я буду большим батырем!..

Салават уставился на закат. Там подымалась темно-синяя гора облаков.

— Нарс! — указал он на облака. — Гора Нарс. До нее может доехать только самый смелый. А я доеду!

— И я доеду! — задорно выкрикнул Хамит.

— Я тоже доеду до горы Нарс и даже дальше... — лениво потягиваясь и зевая, сказал Кинзя. — А пока едем домой. Пора.

Разыскав коней, мальчики быстро помчались к дому.
— Я сложил песню про нас, — похвалился Салават.
— Ну, спой, — попросили его товарищи. — Спой!..
— Вот так складно! — когда он спел, восхищенно воскликнул Хамит.

— А я научусь, и не хуже! — ворчливо добавил Кинзя. — Салават, — сказал он, — твой отец самый богатый. К первому поеду к нему за орлиным ясаком.

Подъезжая к кочевке старшины Шайтан-Кудейского юрта Юлая, мальчики запели вновь сложенную сыном Юлая, Салаватом, песню:

Трое ушли мы в горы,
богачами вернулись назад.
Трое молодых батырей —
взяли мы четырех орлов.
Готовьте жирных баранов,
четыре злых птицы погибли.

Маленькие братья Салавата выбежали навстречу и восторженно завизжали:

— Салават орлов убил! Салават орлов везет, атам!¹

Старшина Юлай показался из коша. Он весело улыбнулся мальчикам, везущим, как знамя юности, добычу, своей охоты.

¹ Атам — отец мой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сколько лет Салавату?

Зеленая шапка на его голове...

Если спрашиваешь о годах Салавата—

Четырнадцать лет он стал богатырем.

(Из башкирской песни)

— Есть ураза, есть большой байрам, есть малый байрам, и на каждую неделю есть своя пятница. Вот данные аллахом дни!

Каждый праздник знает свое начало, и каждый праздник свят от аллаха.

Что есть сабантуй? Такого праздника не давал аллах. Какое начало его? Этот праздник не знает святого начала.

Что есть свадьба плуга? Живое живет родами и множится и умирает. Но кто видал брачущимися железо и камень? Разве мертвое, созданное человеком, может плодиться?

Масальян, только язычники, нечистые, не знающие аллаха, в безумии своем возмечтали о браке Сабана с землею.

Идола создали они себе из земли, которая сама создана аллахом и по единому слову его распадается в прах.

Жягани, масальян!¹ Правоверные, не празднуйте нечистого праздника!..

Так говорил мулла Сакья башкирам Шайтан-Кудейского юрта, и все собравшиеся слушали его, и те, что

¹ Жягани и масальян—арабские слова, имеют значение «итак», «например». Эти слова любят употреблять муллы, иногда и не к месту, чтобы подчеркнуть свое знание арабского языка и вообще ученость.

стояли впереди, опускали глаза и молчали, те, что были позади, дальше от муллы, усмехались; когда же мулла обращал лицо свое на одного из стоящих, замеченный им тотчас кивал головой и бормотал: «Шулай, шулай!..»¹

Мулла кончил, и все разошлись.

Старшина Юлай подошел, задумавшись, к кружку детворы, сидевшей перед кошем. Это были его младшие дети, племянники и старшие внуки.

— Я завтра яйцо понесу зубами и не выроню. Вот уже десять дней учусь, сегодня целые сто шагов пронес! — говорил один из мальчиков.

— Я тоже понесу!

— А Ахметка скорей принесет, он тоже не роняет, а зубы у него такие твердые, что он самые крепкие бараны мослы разгрызает, и теперь тоже носит яйца, а у вас зубы устанут! — поддразнил ребят тут же сидевший Салават. Он стругал и отглаживал стрелу для лука.

— Никто завтра не победит с яйцами, — заговорил Юлай, — мулла Сакья-агай не велит сабантуй играть. Говорит: аллах запретил, большой грех будет...

— Мулла дурак! — брякнул, не подумавши, Салават и тут же спохватился. Крепкие, как капкан, пальцы отца сжали ему кончик уха. — Ай, атам, я не буду! — закричал мальчик. — Правда, не буду, это не я, это язык мой!

— А ты знаешь, что гяуры делают с такими языками? — спросил строго отец. — Не знаешь? Ну, вот погоди, когда отрежут тебе, — узнаешь!

Юлай выпустил ухо. Салават, как ни в чем не бывало, принялся снова за стрелу.

— А я гяурам языки вырежу! — буркнул он. — Я гяуров за языки повешу и стрелять в них буду!

¹ Верно, правильно.

— Ну-ну! — снова сурово и угрожающе крикнул Юлай. — Потрещи еще, сорока!

Салават обиженно замолчал. Юлай молча пошел в кош. Когда отошел, ребята еще несколько минут помолчали, потом снова заговорили, обращаясь к Салавату как к старшему:

— Салават-абзы¹, как ты думаешь, это он нарочно про сабантуй?

Салавату нравилось, когда младшие называли его, как взрослого, прибавляя к имени слово «абзы». Он важно кашлянул.

— Может, нарочно, а может, и не нарочно. Мулла все может, он — как хан. Не велит — и не будет праздника.

— А как же призы? Как же подарки? Кому же полотенце? Кто же тюбетейки получит? — встревоженно загалдели ребята, потому что каждый из них рассчитывал на состязаниях получить приз из вещей, собранных со всего юрта нарочно для этой цели.

— Не знаю, — задумчиво протянул Салават. — А это можно узнать у Кинзи, мулла ему отец; он, небось, все знает.

— Салават-абзы, съезди к Кинзе! — стали просить ребята.

Салават не сразу согласился, он дал себя попросить, хотя ему и самому не терпелось узнать, что же станет с подарками и не пошутил ли Юлай о запрете праздника. Он ожидал получить два приза — и за борьбу, и за скачки, а если будет бегать взапуски, то, пожалуй, и за бег.

Не только сам он был уверен в своей победе, — и его сверстники уступили ему первенство без спора; они рассчитывали только на состязание за вторые и третьи

¹ Абзы — дядя, дядюшка

призы. Салавату больше всего хотелось принять участие в состязаниях со взрослыми. Он был высок ростом, ловок, силен, и, хотя ему было только четырнадцать лет, он был во всем, как взрослый, даже легкий пушок уже начал покрывать его лицо, как лицо девятнадцатилетнего парня.

Он знал, что победит подростков в любом состязании, и поэтому оно было ему почти неинтересно, а принять участие в состязаниях взрослых он не мог по своему возрасту. Однако Салават хотел посмотреть, как будут состязаться другие, и хотя бы из-за этого зрелища ему было жаль, что праздник может не состояться. Когда ребята слишком расшумелись, упрямившая его поехать к Кинзе, он наконец согласился. Он быстро оседлал лошадь и двинулся к кошу муллы Сакьи, лежавшему неподалеку в степи.

Кинзя ехал ему навстречу.

— Салават-батырь, якши ма! — выкрикнул он, как всегда, насмешливо.

— Кинзя-бай, якши, якши! — откликнулся также насмешливо Салават. — Это хорошо, что ты встретился. Мне надо поговорить с тобой без муллы.

— А что такое? — заинтересовался Кинзя.

— Верно, что мулла не велит праздник устраивать?

— Сабантуй — языческий праздник, — заученным тоном ответил Кинзя, но тут же сам чуть-чуть улыбнулся и, передразнивая своего отца, сказал: — аллах не велит праздновать сабантуй!

Салават засмеялся и спросил:

— А кому подарки и призы?

— Верно, не нам уже, абзы, на чужой кусок рот не разевай.

— А если мулла очень помолится, может, аллах простит грехи? — спросил Салават товарища серьезно.

Кинзя лукаво подмигнул.

— За молитву большой хаир¹ давать надо. Отец подарки любит.

— А если его попросят большие парни? — робко спросил Салават, и на лбу его появились мальчишеские глубокие и смешные морщинки, показывавшие большую озабоченность.

— Это что — парни. Ты отца попроси, пусть он со стариками придет и хаир за молитву не забудет, — возразил ему Кинзя.

— Ты думаешь, тогда мулла согласится? — так же озабоченно выпрашивал Салават.

— Не знаю. Кто его знает? Я не мулла. Я — в мать, у меня мать башкирка, а отец татарин, он башкирские праздники не любит. Он всех вас не любит, — с внезапной откровенностью закончил сын муллы.

— Ну и жил бы он в Казани, — проворчал себе под нос Салават.

Он повернул коня и поехал к кошу Юлая.

Соскочив с седла, Салават не пошел в кош: он побаивался отца и предпочитал сначала посмотреть, чем тот занят. Салават знал в задней части коша дырку в войлоке, сквозь которую всегда подглядывал. То, что он увидел на этот раз, его обрадовало: в коше отца сидели пятеро взрослых башкир и говорили о запрете муллы. Мальчик еще не успел как следует вслушаться в разговор, когда в кош с селямом вошли еще трое башкир. Оказалось, что весь юрт был встревожен: ко многим к празднику приехали кунаки из соседних и дальних юртов, к иным даже с других дорог, и вот вдруг мулла обрушился со своим запрещением. Башкиры жаловались. Один из них, жирный, как выхолощенный баран Муртаза, говорил тонким и плаксивым голосом:

¹ Хаир — плата за молитву.

— Я барашков резал, кобылу резал, мед варил, гостей звал... Как я теперь гостей гнать буду?

Юлай качал головой и разводил руками:

— А я что знаю! Мое дело — сказать, что русский начальник велел, мое дело — чтобы ясак платить, мое дело — закон знать, а я с аллахом не разговариваю! Я старшина; мулла знает лучше, что аллах велит.

На лбу у Юлая сощлись такие же, как у Салавата, морщины.

Салават пошел ко входу в кош, но при всех заговорить с отцом он не посмел, поэтому он незаметно из-за войлочного полога поманил восемнадцатилетнего брата, сидевшего со взрослыми. Брат вышел.

— Послушай, Сулейман, я не смею, скажи ты отцу: если хаир для муллы собрать, он разрешит праздник и грех замолит.

Брат засмеялся.

— Ишь ты, батырь, что выдумал!

— Я правду говорю, я с Кинзей говорил. Он сын Сакьи, знает он.

— Кинзя мальчишка, как ты. Что он понимает?! — запальчиво возразил Сулейман.

— Побольше тебя понимает! — крикнул Салават. — Сам ты мальчишка!

Сулейман покраснел. Он знал, что обидные слова Салавата были слышны в коше. Наедине он снес бы обиду, но при чужих не мог. Подражая в движениях Юлаю, он схватил крепко за ухо Салавата и ударил его по лицу. Тот увернулся, вырвался и, схватив брата за шею, сильным рывком бросил его на землю.

— Что, попало?! — крикнул он и побежал за кош.

— А, свинья! — закричал брат, бросаясь в погоню.

Салават схитрил: обежав дважды вокруг коша, он сделал вид, что устал, подпустил брата и, круто остановившись, подставил ему ногу. Сулейман упал. Сала-

ват, разгоряченный, почти не помня себя, сел верхом на распростершегося противника и крепко впился пальцами ему в горло. Сулейман покраснел и беспомощно дергал ногами. Руками он старался отнять братнины руки, но не мог осилить.

— Эй, воробышки, кши! — окликнул братьев вышедший из коша отец. — Что за драка? Салават,пусти его.

Салават заупрямился. Он пускал руки настолько, чтобы не задушить брата, но как только тот пытался вырваться, снова сжимал пальцы, и Сулейман хрипел.

Старшина, видя бесплодность своих окриков, зашагал к сыновьям.

— Пусти, Салават! — строго окликнул он.

— Не пушу! — прошипел тот и взглянул на отца суровыми злыми глазами.

Юлай наклонился и схватил сына за руки; Салават стиснул пальцем горло Сулеймана. Юлай попробовал оттащить его; мальчишка не разжимал пальцев. Юлай ударил его по голове; он взвизгнул, вскочил на ноги, ударом головы в живот сшиб с ног отца, помчался, запыхавшись, к табуну, вскочил на рыжего жеребца, того самого, на котором ездил за орлятами, и поскакал в горы.

Он ехал долго: то быстро, то медленно. Он потерял знакомые тропинки. Ветер дул ему то в лицо, то в спину, то с одного, то с другого бока. Рогатая луна танцевала вокруг него со всех сторон. Едыган¹ на небе вилял хвостом. Жеребец несколько раз пугался шорохов и тресков сучьев в лесу, кожа его дрожала от усталости или от страха, он тревожно водил ушами. Уже далеко позади был кош Юлая, когда Салават спохватился, что, кроме ножа на поясе, при нем нет

¹ Едыган — созвездие Большой Медведицы.

никакого оружия. Лес кругом становился все дичее и глуше. Салават устал. Гнев, распаливший его кровь и заставивший румянец биться под кожей, утих.

«Хоть бы какой-нибудь кош попался», подумал мальчик, но не было в лесу никаких признаков человека, тропинки исчезли.

Салават въезжал на горы, спускался в лощины, переезжал ручьи, расщелины и уже не знал, в какой стороне лежит кош Юлая. Ему стало страшно. Чтобы подбодрить себя, он запел:

Карангы урман.
Жянган Едыган...
Якши урманда екларга
имянагач блян жягетка¹

Так напевая, мальчик спустился в долину небольшой речушки. Он опустил повод. Жеребец остановился, пощипывая траву и фыркая, потом сделал несколько шагов к воде. Беглец опомнился. Он соскочил на землю и привязал жеребца к дереву.

— Не торопись пить, выстынешь — сдохнешь, — уговаривал он. — Стой смирно да жри.

Сам Салават тоже чувствовал голод, но у него не было с собой ничего. Он огляделся.

— Рогатый чорт! — выбранил он луну. — Когда надо, так у тебя и огня нет, поганая лучина!

В темноте он долго выбирал место; нашел наконец приземистый, склонившийся почему-то набок дуб и в развилине двух широких ветвей лег, сжавшись от холода, как щенок.

Салават думал о том, что он ударил отца и теперь не посмеет вернуться домой.

¹ Темен лес.
Горит Большая Медведица...
Хорошо в лесу ночевать
вместе с дубом юноше.

«Не жить же вечно в лесу! Что теперь делать?»

Сначала ему стало жалко себя, но мало-по-малу мечты, самые завидные, всколыхнули его самоуверенность, и он воображал уже, как, став большим, знатным батырем, он приезжает в деревню и все с почетом встречают его.

Салават уснул.

Проснулся он на рассвете от испуганных выкриков жеребца.

Он открыл глаза и замер: от реки шел медведь, медленно и спокойно, но направлялся прямо к тому месту, где был привязан жеребчик.

«Пропал конь!» подумал Салават, в первое мгновение забыв о себе самом. Через миг однако он уже подумал и о своем спасении, и вместо того, чтобы притаиться там, где сидел, он мгновенно спрыгнул и, выхватив нож из ножен, побежал к жеребцу, чтобы перерезать привязь и ускакать. Но было уже поздно: жеребец взвился на дыбы и отчаянно рвал веревку, а зверь остановился, заревел и поднялся на задние лапы.

— Стой! — крикнул Салават. — Стой! Назад!

Но медведь не привык подчиняться мальчишеским выкрикам. Продолжая реветь, он шел теперь на Салавата, видимо, решив, что мальчик менее опасен, чем лошадь.

Туман застилал глаза мальчику; он не видел больше ни жеребца, ни поляны, ни зверя. В последнее мгновение он сообразил, что в руке его нож, и, ощущая на лице звериное дыханье, ударил раз и второй раз, уже чувствуя, что задыхается и что грудь его сжата, а спина переломлена пополам...

Салават очнулся. Над головой его было темноглубое небо.

Некоторое время он лежал, не пытаясь шевельнуться и испытывая наслаждение от одного только

созерцания голубой дали, просвечивающей сквозь сеть листвы. Постепенно к нему вернулось сознание, и он ощутил тяжесть и ломоту во всем теле и наконец, только попытавшись шевельнуться, почувствовал шерсть на щеке: на нем лежал мертвый зверь. Салават стал выбираться из-под убитого. Жеребец заржал рядом, видимо, испугавшись, что зверь, так долго лежавший неподвижно, встает.

Салават почувствовал страшную боль в спине. Он освободился из-под убитого медведя, сел и разглядывал своего мертвого противника и самого себя. Весь он был в крови. Сначала он подумал, что все это медвежья кровь, но, облокотившись на руку, чтобы встать, убедился, что он ранен и по крайней мере одна треть крови, запятнавшей траву и одежду, была его собственная.

Было яркое утро. Салават вспомнил, что сегодня сабантуй.

— Первый приз мой, — сказал он. — Я поборол!

Невзирая на боль, он встал, подошел к жеребцу. Тот недоверчиво фыркал. Салават погладил его, жеребец тонко и пронзительно заржал. Мальчик вздрогнул от неожиданности. Он отвязал жеребца и, не выпуская повод, повел его к реке.

Конь снова заржал, и вдруг откуда-то из-за реки послышалось ответное ржанье. Жеребец снова ответил веселым криком. Ржанье за рекой повторилось. Салават обрадовался: если близко лошади, значит близко и люди. Пока жеребец пил, он сбросил одежду и вошел в речку. Вода была холодная. Возле Салаватовых плеч в воде показались темные кровавые струйки; он оглянулся через плечо, как в зеркало, в воду: левая лопатка была разодрана когтями, больше не было ни одной царапины. Он засмеялся. Откликнулось эхо. Тогда он громко крикнул:

— Батырь Салават!

Горы ответили гулом, в котором слышалось повторение тех же слов. Салават вышел из воды, оглядел свою окровавленную одежду. Оделся, подошел к мертвому зверю и поставил ногу ему на голову. Жеребец в это время, отойдя от воды, жадно щипал траву у берега. Салават наклонился над зверем, осмотрел его раны и из второй вынул свой глубоко засаженный нож.

Он вскочил на жеребца, переехал речку и с ближайшего холма увидел табун. Невдалеке от табуна стоял человек. Салават окликнул его.

Человек оказался музыкантом, ехавшим на сабантуй к шайтан-кудейцам.

— Где мы сейчас? — спросил его мальчик. — Я заблудился.

— Здесь кончают кочевать кудеи и тамьяны. Там, — человек показал обратно за реку, — кудейский юрт, а тут — тамьянский. А тебе куда надо?

— Я — сын Юлая Салават. Мне надо домой. — Он помолчал и с внезапной хвастливостью прибавил: — Я убил медведя.

Курайче¹ взглянул на него недоверчиво.

— А где же шкура? — спросил он. — В кармане?

Охотник надменно вздернул голову, как гулевой жеребец, которого хотят взнуздать.

— Шкура не снята. — Он помолчал и, смущаясь, прибавил тихо: — Я не умею снимать шкуру... Это близко. Ты поможешь?

Курайче, видимо, поверил.

— Помогу. Вот погоди, моя лошадь покормится. — Он кивнул в сторону буланой кобылы, бродившей по берегу в стороне от табуна.

— Хочешь есть? — предложил курайче.

¹ Курайче — музыкант, играющий на курае.

Салават с жадностью поел.

Когда лошадь курайче покормилась, Салават вместе с встречным переехал речку и без труда нашел зверя.

— Хороший зверь! — одобрительно воскликнул курайче, помогая мальчику снимать шкуру. — Хороший зверь. Ты легко отделался, что остался жив. Это, небось, первый твой медведь. Сколько же лет тебе?

— Четырнадцать, — ответил мальчик гордо. — Лет уже довольно, чтобы стать батырем!

Курайче несколькими поворотами ножа кончил дело.

— Ну, батырь, — сказал он, — бери свою добычу да едем. Если впредь убьешь зверя, должен сам снимать с него шкуру. Четырнадцать лет — возраст достаточный, чтобы уметь снимать шкуру с медведя. Подставляй-ка спину! — прибавил курайче и намазал раны Салавата медвежьим салом.

В полдень подъехали они к кошу Юлая. Возле коша стояли чужие лошади. Мать Салавата хлопотала у очага. В стороне толпились подростки и юноши. Повсюду по степи ехали ярко и празднично одетые всадники. С разных сторон от кочевков слышались звуки курая и кобыза¹.

— Значит, мулла снял запрет, — сказал Салават. — Это хорошо.

У коша Юлая курайче и Салават сошли с лошадей.

— Я не пойду в кош. Вышли сюда отца, — попросил сын старшины спутника.

Курайче, войдя в кош и сделав селям, сказал:

— Юлай-ага², тебя спрашивает какой-то молодой батырь.

¹ Курай и кобыз — национальные башкирские музыкальные инструменты; первый — род свирели, второй напоминает окарину.

² Ага — частица, соответствующая слову «господин»; выражает почтение.

Юлай вышел из коша и увидел Салавата. Он нахмурился. Салават не дал ему сказать слова.

— Атам, я привез подарок тебе, — он указал на шкуру. — Я убил медведя в лесу. Шкуру возьми себе, атам. Я виноват перед тобой!

Юлай сурово глянул на сына.

— Таких, как ты, щенков не пускают в дом, — сказал он, — да ладно уж... Праздник сегодня. Мулла разрешил... Мы ему хаир собрали...

Юлай хотел уйти.

— Отец, возьми подарок, — повторил Салават, — это тебе.

— Неси в кош, — сказал Юлай и вошел к гостям.

В душе он был рад. Он был горд сыном. Еще никто в четырнадцать лет простым казачьим кинжалом не убивал медведей. Юлай потому и поторопился уйти, чтобы Салават, увидав радость на лице его, не перестал думать о своей вчерашней провинности.

Салават отпустил жеребца и, взвалив на спину тяжелую шкуру, вошел в кош.

— Селям-aleyкум! — сказал он, скидывая шкуру на землю.

— Это откуда? — спросили в один голос гости.

— Где ты взял это? — забыв о вчерашней ссоре, спросил Сулейман, удивленный странной ношей брата.

— Это я ободрал барана, — насмешливо ответил Салават. — В лесу их много пасется.

Гости засмеялись находчивости мальчика.

— Ну, батырь, расскажи, — сказал незнакомый старик-гость.

Салавату и самому не терпелось рассказать, он с радостью и десять раз рассказал бы о своей победе, но Юлай возразил:

— Не пристало почтенных гостей тревожить мальчишеской болтовней! Салават еще молод, чтобы раз-

говаривать со старшими. Ему только четырнадцать лет. Пусть он идет на женскую половину.

Салават весь залился краской и вышел за занавеску. Ни горячий, жирный бишбармак, ни сурпа¹, ни чек-чак², ни мед, ни кумыс не прельщали его. Обида заставила его отвернуться от еды. Сидя за занавеской, он слышал, как восхищались шкурой убитого зверя и сидевшие в коше гости и вновь приходившие. Салават слышал, как приезжий курайче рассказывал о встрече с ним.

Мать Салавата тоже рассказывала женщинам о его ночной победе и, дав ему переодеться, то и дело подходила и спрашивала, очень ли больно ему. Она видела обиду сына и жалела его.

Салават сидел молчаливым истуканом. Он ничего не пил и не ел.

Он слышал, что в соседней половине смолкли голоса, и вышел из коша.

Солнце опускалось. Уже скоро должны были начаться скачки, и Ракай, и Сулейман, и даже Абдрахман поедут, а Салават никуда не поедет и будет, как маленький малайка, сидеть с бабами.

В степи, у арбы, стоявшей без дела с закинутыми оглоблями, собиралась молодежь. Тут были все три старших брата Салавата, двоюродные братья его и несколько чужих подростков, приехавших вместе с гостями.

Юлай дал им для забавы дедовский лук, тот самый, о котором он сам говорил, что не может его натянуть, и все по очереди старались и пыхтели над ним, но тетива легко и тонко тенькала и срывалась из-под пальцев.

¹ Сурпа — особый мясной напиток: бульон с примесью тертого сыра.

² Чекчак — сладкие шарики из теста, вареные в меду.

Салават с завистью поглядывал на забаву подростков. Раз отец прогнал его к женщинам — значит он наказан. Салават не смел подойти, хотя ему не терпелось испытать и свои силы. Молодежь натешилась. Поговорив о том, что прежние батыри были сильнее, Юлай с насмешкой понес лук в кош. Салават отвернулся и сделал вид, что ему все равно. Молодежь направилась к месту, где должны были начаться скачки. Чтобы никто не видел зависти в его глазах, Салават перевел взгляд на небо. Почти над самой его головой кружился орел. Салават вскочил, чтобы побежать за луком и стрелами, и в несколько прыжков догнал Юлая; он забыл, что в руках у отца знаменитый дедовский лук.

— Атам, дай-ка скорей, орел!

Он схватил, почти вырвал из рук Юлая лук и колчан, быстро наложил стрелу.

Шедшие на скачки подростки остановились с раскрытыми ртами, глядя на него. Салават почувствовал боль в левой лопатке, разодранной медведем; от боли он разозлился и побледнел.

— Тор!¹ — крикнул он птице.

Орел, как бы послушавшись крика, на мгновение застыл в воздухе, распластав крылья, и в тот же миг тетива непокорного дедовского лука тенькнула, и оперенная стрела, взвившись в небо, пронзила птицу.

— Ма, — сказал Салават, подавая отцу лук, — мин белекай, малай!..² — С этими словами Салават бросился прочь.

— Стой, стой, вернись, Салават! — кричал старшина, но мальчик уже скрылся в кустарнике возле реки.

Он забрался в ивовую чащу и не вылез даже для того, чтобы взглянуть на скачки, борьбу и бег. Спина,

¹ Тор — стой.

² На — я маленький мальчик!..

разодранная медведем, сильно болела. Когда смерк день и у кошей в степи горели костры, от которых слышались пенье и музыка, он вылез из своего убежища и в сумерках пошел к кошу отца. «Сколько лет Салавату? — напевал он. — Зеленая шапка на его голове... Если спрашиваешь о годах Салавата — четырнадцати лет он стал богатырем».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В Оренбургской губернии, в Уфимской провинции, по Сибирской дороге, в Шайтан-Кудейской волости, на земле отставного старшины Шигабая Бурчина найдено ими удобное место для построения железно-действующего завода на реке Симе.

(Донесение Бергколлегии ¹)

Салават сидел у костра и вырезал клапаны в камышовой трубке: он делал курай. Сделать курай, звучный, как медь, просил его брат красавицы Гульбазир — Хамит, и хотя Салават только недавно женился, но Гульбазир нравилась ему не меньше, чем взятая им Амина. Правда, был слух, что ее отдадут замуж за богача в аул Юнусов, однако Салават не раз уже думал о том, что хорошо бы взять Гульбазир второй женой. Он не смел сказать об этом отцу. Старик ответит, что он еще молод, да и товарищи будут смеяться, что Салават, как настоящий бай, сразу женился на двух бабах.

То, что Салават женился, сразу подняло его на голову выше: при нем вели уже важные разговоры, и Юлай и старики не умолкали и не прогоняли его, если он приходил, а сам он удивлялся, что все понимает в делах старших и совсем не надо привыкать быть взрослым; когда все разговаривают, Салават чувствует себя так, как будто всегда был женатым и будто всегда его мнение выслушивали на ряду с другими.

¹ Бергколлегия -- горное управление того времени.

Так и теперь. Юлай говорил со старшими сыновьями:

— Стоило мне двадцать лет жить и выслуживаться до старшины, если от этого нет пользы! Что такое старшина? Кусок мяса для каждой собаки. Башкиры говорят: «Ты старшина, тебе урусы верят, ты все напоказ для начальства делаешь». А урус говорит: «Ты старшина, должен в мире с нами жить, а не подавать простым башкирам бунтовской пример». А что мне делать? Твердышов-бай землю купил — обманул меня, а теперь и совсем покупать не хочет. Нехватило ему, старой земли — он новую самовольно без денег берет... Кому жаловаться? Всюду подавал, и ответа нет...

— Ты царице не подавал, атам, — вставил Ракай. Братья засмеялись. Юлай насупился.

— Нечего смеяться, — остановил он сыновей, — если из Исетской¹ канцелярии не дадут ответа, пошлю царице просьбу.

— Нечего посылать! Что царица сделает?.. Гнать надо гяуров!.. Только позволь, мы прогоним всех! — горячо забормотал Салават. Он ударил по сапогу камышом так, что с трудом сделанный курай треснул.

— Молчи, Салават! — остановил отец. — Сам знаешь, что посылал я людей. Против урусов нельзя ходить с голыми руками. У них порох, а у нас его нет!.. Это прежде мы были сильнее, когда порох и ружья у нас были, когда кузнецам не запрещалось жить у нас и делать любое оружие. А теперь, Салават, сын мой, мы не можем итти против гяуров! Что сделаешь ты со своей стрелой против ружья?! Я купил тебе к свадьбе кинжал; но если бы увидали гяуры, что я купил его, они посадили бы в тюрьму и казака, который продал, и меня сместили бы, и я бы не был больше старшиной.

¹ Исетская провинциальная канцелярия находилась при Челябинской крепости, ныне город Челябинск.

Салават, видя красное, напряженное лицо отца, еще краснее ставшее от блеска пламени, уже пожалел о начале разговора. Юлай ушел в кош, ворча, что башкиры живут, как собаки, что вот еще придет день... Но никто не слышал, про какой день говорил он, потому что кашель сдавил грудь старика и войлочный полог коша заглушил его последние слова.

Салават с жалостью поглядел на треснувший курай, переломил его пополам и бросил в костер. Ракай молча усмехнулся, встал и пошел в свой кош. Сулейман, средний брат, заметил:

— Ты, Салават, вечно кипишь, как бишбармак на огне. Пора бы стать постарше — ты женат!

Он пошел в сторону от костра, а Салават еще долго глядел в потухшие угли и слушал ночную степь. Он встал. Звезды были тусклые и редкие. Было темно. «Вёдро будет», подумал Салават и пошел в кош отца. Он еще не отделился от Юлая, хотя и женился.

На кошмах в глубоких мягких подушках спала маленькая жена его Амина.

Салават лег. Амина уже спала, и он не тревожил ее сна. Давние любимые мечты о подвигах волновали его и не давали заснуть, но, даже когда заснул Салават, во сне видел он войну и бешеную скачку в погоне за урусами и кричал ночью, пока Амина не растолкала его.

— Салават, Салават, тише! Салават!..

Он очнулся.

— Ты кричал, Салават, и стонал, — объясняла жена, — скрипел зубами, мне страшно стало...

— Спи, спи... Это, верно, джин прилетел и мешал мне спать спокойно. Спи, все прошло!

А когда заснула Амина, Салават снова долго не мог заснуть и слушал храп отца, матери и Амины.

На рассвете по степи застучали копыта коня. Несколько склонившийся набок всадник промчался по

дну широкого лога, проскакал стремительно по степи и остановил коня у кочевки старшины Юлая. Здесь он соскочил с седла. Разбуженный топотом, вышел сонный Юлай и зажмурился от первых слепящих лучей утреннего солнца, прыснувших ему в лицо.

Он поздоровался с приезжим.

— В чем дело, Жяганур? — спросил Юлай. — Что опять случилось, что прискакал в такую даль?

— Где твоя бумага из Бергколлегии?

— Какая бумага? — не понял Юлай.

— Из Бергколлегии, от горного начальства... Ты ведь получил бумагу, что на твоей земле Твердышов не может строить деревни?

Юлай покачал головой.

— Горное начальство ничего не говорит, и Исетская канцелярия молчит. Теперь мои бумаги у губернатора... А тебе зачем?

— Я проезжал мимо завода из Уфы и видел, что опять там вышли строить... Собирай людей, старшина, мы пойдем на гяур... Наша земля, не дадим строить!.. Довольно, что тебя обманули на продаже заводских земель!

Юлай молчал. Два раза уже посылал он людей, и два раза была драка на месте постройки подсобных деревень Сюмского завода¹. Твердышову и заводам нехватало уже места на купленной у Юлая земле. Завод расширялся, и надо было строить рядом деревни, а между тем Твердышов не хотел покупать землю: он знал, что однажды обманутый Юлай не продаст уж так дешево, как в прошлый раз, а еще на этой новой продаже захочет возратить потерянное в первом торге. Юлай колебался — послать ли снова людей. В это

¹ С ю м с к и й — то же, что Симский завод, от реки Сюм, теперь — Сим. С ю м — буквально: глубокий.

время из коша высунулась голова второго сына, Сулеймана.

— Пошли, атам! И я пойду, нападём, как волки!.. Пусты, мы разгоним необрезанных и разрушим постройку!

— А что скажут старики? Все будут попрекать меня: Юлай за свою землю губит нас. Какой он старшина, когда из-за своей земли не жалеет башкир?! — Юлай пожевал губами конец бороды.

— Ты не посылай, ты позволь мне собрать народ! — разгорячился приезжий. — Ты поезжай в горы, к соседям... Нет ли у тебя каких-нибудь приказов? Поезжай, узнай, как исполняют волю начальства, а мы без тебя самовольно пойдем... Кто что сделает?

Юлай колебался.

— Ты совсем трусом стал, старик, — продолжал приезжий. — Говорят, когда был молодой, ты был смел, как сокол, а теперь ты, как старая крыса.

— Ну, ну! — рассердился Юлай. — Я тебе вот покажу крысу! Вас же жалею!

— Не нас, гяуров жалеешь! Позволь так сделать!

— Молчи! — сказал Юлай. Сам он тоже молчал. Он думал и взвешивал. Наконец решился: — Ладно. Я уезжаю в гости к Давлету, ты мне ничего не говорил, ни о чем меня не спрашивал, делай, как знаешь... Я тебе ничего не позволил...

Юлай еще не успел окончить фразы, как Жяганур снова сидел в седле, и только хвост его быстрого вороного коня мелькнул перед Юлаем и Сулейманом.

Через час Юлай выехал из дома. Проехав немного, он встретился со старшиной Имит-баем.

— Юлай-ага, якши-ма! Куда едешь?

— Якши. Как ты, сосед? Еду в гости к Давлетке, давно не был у старика...

— А что у тебя за волнение?.. Молодежь куда собирается?

— Жягетляр? Кто знает, агай, отчего горяч огонь? Может быть, на охоту собрались. Молодежь всегда кипит... Прощай, Умит-бай!

Юлай поехал дальше и скоро исчез из вида своих кошей. Между тем Жяганур не дремал. Он собрал еще с полсотни башкир, почти все молодежь. Кое-кто из бывалых в боях стариков, искалеченных палачом, тоже пошли с ними. Лошади играли под ними, у многих всадников были луки и стрелы, иные набрали крупных камней вместо оружия. Они уже тронулись и отъехали с версту, когда сзади послышался топот. Шестнадцатилетний Салават торопился следом за ними.

— Еще детей не хватало!—невольно воскликнул брат Салавата Сулейман.

— Не вздорь, Сулейман!—одернул его Жяганур.— Салават такой же ребенок, как и ты... Раз он женат, какое уж он дитя?

— Молчи, Сулейман! Ты же знаешь, что если Салават услышит тебя, тебе будет плохо! Все мы знаем, что он сильнее взрослых!—остановил Сулеймана безносый Назар-бай.

Салават наконец догнал всадников.

— Якши-ма!—крикнул он звонко.—Что же вы так уехали?.. Все знают, что мои стрелы вернее многих!

— А что сказал бы Юлай?.. Мы уехали, чтобы он не знал. Как было звать тебя? Ты хоть и женат, но ведь ты не ушел от старшины в отдельный кош...

— Когда юноша женился две луны назад, как звать его на драку?!—так оправдывались башкиры.

Несколько времени всадники ехали, перешучиваясь о мальчиках, взявших первую жену, потом это надоело всем. Солнце стало высоко. Языки увяли. Салават затянул песню:

Для настоящего батыря
охота милей жены,
для башкирина война
не страшнее охоты.
Сотня джягетов выехала поутру
охотиться на заводских волков..

В полдень башкиры подъехали к Сюму. Невдалеке от завода услышали они звон пилы.

— Стой! — скомандовал Жяганур. — Со мной пойдет десять человек, остальные останьтесь здесь. Мы им просто скажем убираться, не грозя оружием, а когда услышите, что нужна помощь, — выезжайте к нам.

Десять человек вместе с Жягануром отъехали от отряда и скрылись за деревьями. Цепкий и ловкий, как рысь, Салават взлез на дерево — на высокий осокорь, поднимающийся много выше окружающего мелкого кустарника уремы.

— Подъезжают... — сообщил наблюдатель стоящим внизу. — Подъехали... — сказал он, и в то же мгновение в лесу стихли пилы и топоры, только кто-то один из урусов, видимо, не заметив башкир, продолжал одиноко долбить топором.

— Говорят! — сообщил опять Салават. — Урусы обступили наших кружком... Жяганур говорит... Урусы говорят...

Все оставшиеся башкиры услышали, что урусы «говорят». Громкая брань послышалась с той стороны, где несколько минут назад мирно перекликались топоры с пилами.

— Жягануркина лошадь испугалась! — крикнул Салават с дерева. — Бьют, бьют!.. — закричал он громко. В это время грянули один за другим два выстрела. Салават мгновенно соскользнул с дерева. Из-за кустов уже слышны были крики, призывающие на помощь. Башкиры дружно ринулись в сторону стычки, и не

прошло минуты, как очутились перед дерущейся толпой. Десяток башкир, с Жягануром во главе поскакавших вперед, отступал, щетинясь на пути стрелами: около ста человек мастеровых с дубинами, камнями и ружьями их преследовали. Перед глазами Салавата мелькнул Сулейман, отставший от товарищей и теперь окруженный мастеровыми. Над головой его взвилась веревка, петля охватила его и стащила с лошади.

— Салават! — успел еще крикнуть брат, падая в руки врагов.

— Хазер! Тизь киям!..¹ — крикнул Салават. Он натянул поводья. Конь перепрыгнул через сваленный на пути бунт бревен, сбил двоих мастеровых. Салават рукоятью лука со страшной силой ударил по голове третьего мастерового, тащившего Сулеймана, и вырвал из рук четвертого ружье. Вся толпа теперь окружила Салавата. Освобожденный Сулейман снова вскочил в седло.

— Салават, назад! Иди сюда! — кричали ему башкиры, но Салават хоть слышал, — не понимал, что заставляет их так настойчиво звать его. Между тем на помощь мастеровым спешили еще твердышовские люди, работавшие неподалеку группами человек по десять и теперь услышавшие крик. Всех набралось человек полтора. Многие башкиры были поранены дубинами и камнями, у первых десяти, выехавших вперед, были изранены лошади, у одного из коней дубиной были переломлены обе передние ноги. Видя, что башкир немного, мастеровые решили бить лошадей, зная, что конь удесятерит силы каждого башкирина.

Салават остался один среди разъяренной толпы, в руках его оказалось ружье, но превосходно владевший луком мальчик не знал применения этого гяурского

¹ Сейчас! Скоро иду!

оружия. Единственное, что смог он сделать, — обратить его в тяжелую железную дубину, и, как мясистые дыни, лопались под его ударами головы гяур.

— От кобель, молодой, а дюжий какой! — крикнул высокий старик и бросил в Салавата топором. Топор врезался в спину жеребца, в то же мгновение раненое животное скакнуло в сторону старика, и старик свалился под ударом ружейного приклада. Но жеребец упал. Салават запутался в стремях, и уже несколько жестоких ударов обрушились на его спину и голову, и он потерял сознание.

— Упал Салават, упал! — крикнул отчаянно Жяганур, и снова ватага башкир ринулась вперед, растоптала, смяла и отогнала мастеровых. Салавата перекинул к себе на седло Жяганур и помчался прочь, а за ним остальные башкиры, преследуемые камнями и выстрелами, изредка оборачивавшиеся, придерживавшие коней и пускавшие в преследователей две-три неверных от поспешности пернатых стрелы.

Преследователи отстали. Башкиры, избитые, раненые, на раненых и усталых конях возвращались к кочевью.

— В первый раз этот жягет в битве... Какой горячий... До сих пор его звали сандугач¹, а теперь, верно, придется назвать ласын²! — сказал Жяганур.

— Боюсь, что лучше никак не называть его. Лучше сказать, что умер, не то ему придется на семнадцатом году побывать в остроге, да еще ладно, коли не на веревке, — ответил-безносый Назар-бай.

— Куда же его девать?

— Отдайте мальчишку мне, — предложил Кильмяк-батырь, — я сумею спрятать так, что никто не узнает.

— Кстати ты и лекарь искусный! — поддержал Жяганур.

¹ С а н д у г а ч — соловей.

² Л а с ы н — кречет.

— Здесь большого лекарства не будет нужно, — возразил Кильмяк, — а вот вам бы следовало не только о Салавате, и о себе подумать: урусы будут искать всех, кто ездил... Кто может уехать куда-нибудь в гости, все уезжайте!.. Ну, мне сюда, прощайте. Жяганур, давай парня!

Взвалив к себе на коня все еще бесчувственного Салавата, Кильмяк свернул на боковую тропинку, ведущую к лесу.

Через несколько минут Кильмяка догнал Сулейман Юлаев.

— Как быть, Кильмяк-ага, что сказать его бабе?

— Скажи, что умер.

— А отцу что?

— Чудак ты, — конечно и отцу так же!

— Но ведь все видали... Разве обманешь всех? Слух пойдет...

— Если башкиры долгоязыкие бабы, тогда пойдет слух, а если нет, то... Поезжай-ка домой!

— Ладно, поеду... Скажу, что умер... — Сулейман повернул назад.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

А буде по обнаружении сего указа... которые люди и крестьяне в должном у помещиков своих послушании не останутся и в противность 2-й уложенной главы 13-го пункта недозволенные на помещиков своих челобитные, а наипаче ее императорскому величеству в собственные руки подавать отважатся, то как челобитчики, так и сочинители сих челобитных наказаны будут кнутом и прямо сошлются в вечную работу в каторгу, с зачетом их помещикам в рекруты.

(Указ сената 22/VIII 1767 г.)

Коли в Русь побегу, то с женой, а если без жены, то хотя в Сечь Запорожскую.

(Из разговора Пугачева с зятем)

— Розыск делают начальники, потому лучше убираться тебе, Салаватка, куда глаза глядят. Бегали отцы наши хуже, оттого делались батырями, домой приходили! Беги к киргизам, к казакам, до них закон гяурский не достанет... Я послушал... Я думаю: человек старый, знал он, и я побежал. Вот и ушел к тебе.

Татарин, хозяин постоянного двора, слушал хмуро.

— Ладно, для отца твоего, малай, оставайся, только помни — для отца! Из молодых ты, да ранний. Не люблю я, когда воронята на баранов зарятся... Паспорта нет у тебя?.. Узнают — умет¹ мой разгонят, самого пытать будут, детей сиротами оставят.

¹ Умет — постоянный двор.

Салават встал резко и побледнел.

— Что же, Салтан-абзы, коли ты боишься, прощай. Я дальше пойду. Меня не присылал отец, а Кильмяк сказал, что тебе всю правду сказать можно... Верно ведь, паспорта нет у меня. Ты лучше возьми себе теленка в доме жить, за него урусы ничего не скажут. Хошь!¹

Салават пошел к двери.

— Стой, стой, жягет. Куда ты? Осень на дворе! Куда пойдешь? Ишь, гордец какой! Я тебе сказал — оставайся... Ты что думаешь, что я необрезанный? Куда бежишь? Позор хочешь на мой дом бросить?! Будешь жить здесь. Будешь мой племянник, из-под Казани.

Гордость Салавата боролась с желанием пожить наконец спокойно. Три недели мотался он от умета к умету, от двора к двору, ночуя где попало, голодая, пробираясь к содержателю постоянного двора татарину Салтану под самую Оренбургскую крепость. И вот теперь татарин оказался трусом: он твердит, что придется ему отвечать за гостя перед русским начальством, боится принять его без паспорта.

— Ну, кому говорю?! Гляди — моя борода седая, а ты обижаешься на меня! Не пристало на старика в обиде быть... Оставайся, племянник, а если не понравится, я тебя к другому дяде отошлю, он в Тал-Кала² лавку содержит. Будешь в торговле помогать.

Салават еще колебался.

Салтан встал, взял его за руку и вернул в чулан. В это время во дворе заскрипели ворота.

— Приезжие гости зашли. Сиди здесь, не показывайся им, а смотри, если спросят тебя, Ахметом зовись. Теперь твое имя Ахмет будет.

¹ Хош — прощай.

² Тал-Кала — «Земляной город»: бывшее название Верхне-Уральска.

Салават сел на нары.

— Я тебя запру, чтобы никто не пришел, — сказал старик. — Сиди.

Он вышел, и беглец услышал, как снаружи он навесил и запер замок.

По густой грязи зачвокали конские копыта, въезжая в ворота, закрипели колеса телег, с трудом переехавших, видимо, многие броды и смывших деготь с осей.

«Видно, дальние, — услышав пронзительный визг колеса, подумал Салават, — или клажа велика, что так стерли смазку».

Во дворе слышалось несколько голосов, говоривших по-русски, потом зашаркали сапоги о ступени, видимо, очищая налипшую грязь; наконец все затихло.

Салтан не приходил. Салават, не раздеваясь, сидел на нарах, так же, как и раньше. Он с завистью думал о том, что во въезжей избе за стеной пьют, верно, теперь чай.

«Небось, тех, кто с деньгами приходит, кормит и поит Салтан, а не так, как меня, принимает», думал Салават угрюмо. Он почувствовал, что голод острее и острее, что он почти не может сидеть от голода. «И кобыла, верно, голодна, — продолжал он думать, — а этот старый козел, небось, и не накормит?»

Беглец встал с лавки и прошелся по кладовой.

В сенях возле двери заговорили тихо на непонятном русском языке; по-русски Салават знал немного слов и плохо понимал связную быструю речь. Замок грохнул. Дверь отворилась, и в комнату вошел Салтан, сопровождая какого-то высокого, широкоплечего человека с повязкой, закрывавшей нос на лице.

Войдя в полутемную горницу, безносый заметил Салавата и отшатнулся.

— Не бойся, это мой племянник, — успокоил его Салтан, — он даже ничего по-русски не смыслит, пер-

вый раз дальше свой деревня гулял... Брат живет бедно, детей много, дома есть нечего...

Быстрые черные глаза безногого сверкнули.

— Что ты мне врешь, Салтанка! И врать-то ведь не умеешь. Где это виданно, чтобы работников из дома отпускали, когда есть нечего?.. Это «дите» еще, гляди, и тебя, да и меня одолеет. Видно, ты думаешь — я дурак, не смекаю ничего? Ты это всегда племянников в амбаре на замок запираешь? Я, выходит, тоже племянник?

Салтан смутился.

— Парень только пришел, — сказал он, — его Ахметом зовут.

— Опять врешь! Да что, я тебя нешто спрашиваю, как звать его? Ладно... Ты вот лучше нас с «племянником» угости с дороги.

— Ладно, ладно, сейчас угостим! — Салтан суетливо выскользнул из двери, и снова снаружи захрустел замок.

Салават молча глядел на безногого; он знал многих башкир, искалеченных так за мятежи, но в первый раз видел гяура, побывавшего в руках палача. В полумраке амбара оба добровольных узника внимательно разглядывали друг друга.

Безносый молча опустился на скамью против Салавата. Вошел Салтан, неся что-то под полой. Затворил плотно за собой дверь и поставил на нары чашку с мясом. С одной из полок, тянувшихся вдоль стен амбара, достал он каравай хлеба и положил перед гостями.

— Ахмет, псак бар-ма?¹ — обратился он к Салавату.

— Бар, бар, — не сразу встрепенулся Салават: в первый раз Салтан назвал его этим новым именем, которое, кто знает — надолго ли, должно было заменить звучное и привычное «Салават».

¹ Ахмет, нож есть?

Безносый усмехнулся.

Салават вынул из чехла кинжал и подал Салтану. Татарин с восхищением осмотрел богатое, красивое оружие и с видимым сожалением стал им резать принесенное мясо и хлеб.

— А как у тебя, молочка нет ли? — спросил хозяина безносый и, смеясь, добавил: — От бешеной коровки.

— Сам знаю, — ответил торопливо хозяин. — Когда надо, чтобы не видали, как в амбар угощение таскать?

Он снова вышел. Молча Салават и безносый приступили к еде. Еще через минуту вошел Салтан, принес неполный полуштоф водки и ковш квасу. Квас поставил перед Салаватом, водку — перед безносым.

— К ночи еще зайду, — сказал он и вышел.

Несколько времени гости ели молча, наконец безносый прервал молчанье.

— Водку пьешь? — спросил он по-татарски.

— Исьме!¹ — ответил решительно Салават.

— Ну, потом будешь, — «успокоил» безносый. — Верно, молод ты еще, да ничего, подрастешь!

Салават не ответил. Он с жадностью жевал соленую конину и глотал хлеб, запивая квасом.

— Плохо тебя дядя кормит! Наш брат, урус, этак своих племянников не содержит, — сказал безносый.

— Ничего, с меня хватит... А ты ешь да хозяина не брани. Разве хорошо бранить того, чей хлеб ешь? Безносый засмеялся.

— Эх ты, чудак, это же я нарочно: я узнать хотел, как ты говоришь, вот и узнал. Какой ты ему племянник, когда ты по языку башкирец? Разве так в Казани говорят?

— Моя мать башкирка, — сказал Салават и снова замолчал.

¹ Исьме — не пью.

Безносый выпил водку, доел мясо. Оба они молча сидели на лавке.

— Послушай, Мухаметка, — начал опять безносый, — нам с тобой, может, месяц тут прожить придется вместе, неужто же ты все время молчать будешь? Так мы оба от скуки издохнем!

— А что говорить?

— Ну, сказку, что ли, скажи, а не то Расскажи, как к Салтану попал.

— Я что видел? — возразил Салават. — В деревне жил... Ты Расскажи сам.

— Я-то, брат, Расскажу! Много видал, всего понюхал — вон видишь, от понюшки и нос весь вышел. А я говорю тебе, Ахметка... Как тебя звать-то? — внезапно спросил безносый.

— Сам говоришь! — возмущенно воскликнул Салават, поняв ловушку.

— Ну, ладно, ладно! — засмеялся безносый. — Не сердчай, мне что? Ахметка, так Ахметка, а меня вот Хлопушей звать — тоже кличка. И у собаки у каждой своя!.. Так вот и говорю я. Чай, тебе асайка¹ говорила сказки? Нешто же ты все позабыл? Чай, помнишь?.. Расскажи ты свою башкирскую, а я тебе Расскажу нашу русскую сказку.

— Бельме... Ничего не помню...

— Врешь, помнишь. Я, брат, привязчивый, я не отстану!

Салавату надоело препираться.

— Ну, слушай, — согласился Салават, — ладно. Про щуку и про медведя:

«Шел медведь домой один раз и подошел к Юрузень-идель², повыше нашего коша... Стал реку пе-

¹ А с а й — бабушка.

² Ю р у з е н ь - и д е л ь — теперь река Юрюзань. По-башкирски «юр-узен» — коварное течение, идель — река.

реходить, а щука тут как тут, высунула морду и спрашивает:

— Куда ходил, кунак?

— На джиин¹ ходил в степь.

— А какие дела джиин решал?

— Умника выбирали.

— Кого же, кунак, выбрали?

— Человека, — говорит медведь.

— А что же он вам посулил?

— Да не за посул, мы так, по чести выбрали, думаем: он, мол, голый да нежный, порода у него благородная, кому, как не ему, умным быть, а наш брат и без ума проживет — одной силой. По совести выбрали, как аллах велел. А чо тебе надо? Ты и так сыта своим братом, мелкой рыбешкой!

— Ну, а все-таки ведь что-нибудь обещал человек?

Медведь сконфузился и признался:

— Обещал: вы, говорит, меня на ум посадили, и я вас за то одних на стол к себе возьму, а других на плечи.

— Ну вот и дураки! И возьмет он теперь меня на стол себе — в уху, а тебя на плечи на свои нежные — на шубу! — рассердилась щука и ушла в воду».

— Хороша сказка!.. А ты, значит, с Юрузени родом? Я ведь сразу так говорил, — усмехнулся Хлопуша. — Видно ведь, что ты не татарин. Ну, да не красней, кто виноват? Сам сказал. А я здесь при чем?.. Сказка твоя вот хороша, складна! А знаешь, про кого она сложена? — спросил Хлопуша, помолчав.

— Ну, про кого? — неохотно буркнул Салават; он уже боялся говорить лишнее слово безносому Хлопуше, чтобы не попасться на чем-нибудь снова.

Хлопушу, наоборот, занимало ловить мальчишку.

¹ Джиин — народное собрание.

— Сложена она, — поучающим тоном сказал безно-
сый собеседник, — про тех умников, что нас с тобой
хотят не на стол, так на плечи свои взять, а мы с то-
бой — медведи... Мы умников над собой поставили, а
теперь от них житья чет... Понимаешь, джигит, про
кого речь, или глуп, не поймешь?

— Не так глуп, понимаю: про Твердышова! — с жа-
ром воскликнул Салават. — Про того, кто землю чу-
жую забирает от Юрузени до Сюма, кто житья не
дает людям!..

Хлопуша захохотал.

— Ах ты ирод, ирод! — бормотал он по-русски. —
Ах ты, дубина стоеросовая!..

— Чего ты? — удивился Салават.

— Вот я тебе что скажу, — успокаиваясь, ответил
Хлопуша: — горячий ты парень, боевой, коли с этих
лет хорониться должен, а только если ты этак со
всеми встречными говорить станешь, не на долгое
время схоронишься. Ты же опять сказал про Тверды-
шова!.. Вот ведь ты дурак-то какой! Да казанские
татары про Твердышова и не слыхивали!.. Пропа-
дешь ты парень, так по уметам шатаясь, время нынче
неспокойное, на Яике бунт в казаках — не хотят они
тоже, чтоб над ними «умники» правили. Много всякого
смутного народу по уметам ходит, а за смутным на-
родом и сотники, и урядники, и ярыги, и посадни-
ки... Иди-ка ты лучше, малый, ко мне в лес жить,
житье у нас привольное!

— А ты разве в лесу живешь?

— В лесу, брат, в лесу... Где больше жить такому,
как я? Видишь, как меня изукрасили?!

— А чего ты в лесу ешь?

— Всякое, дружок, бывает. Когда пусто, когда и
густо, когда и нет ничего! Живем мы в лесу — и волю
знаем, выйдем из лесу — пропадем. Нет в дубраве у

нас ни старшин, ни сотников, ни господских приказчиков...

— Что же там, охотничаете?

— На красного зверя охотничаем: с одного, бывает, до десятка шкур снимешь иной раз.

— Не бывает таких зверей, — отрезал Салават. — Вот теперь, абзы, ты попался. Сам соврал!..

Хлопуша снова захохотал:

— С нашего зверя, парень, иногда и сотню шкур снимаешь!.. А иной раз за свою шкуру дрожишь, за последнюю; только тем и спасаемся, что все охотники о двух головах...

— Опять врешь!.. Где же у тебя другая голова?

— В кабаке лежит, у целовальника заложена, — усмехнулся Хлопуша. — Расскажу-ка теперь я тебе сказку про храброго охотника — Ваньку-Каина, тогда поймешь.

«Жил он, Ванька-Каин, в наших лесах и охотился на красного зверя: где на купца, где на воеводского казначея, где на архиерея проезжего; архиерей — это вроде вашего хазрета. Подъезжает бывало к городу, шлет к воеводе посланца: выдать, мол, приказываю вина да сахару, ружей да пороху, да сукна цветного, да медную пушку. Испугается и выдаст воевода все, что велено, и пойдет атаман Ванька-Каин останавливать корабли купеческие, грабить проезжие караваны да боярские поместья. Только однажды ехали из Китая солдаты и везли царице золото. Ванька-Каин поставил пушку, бабахнул раз, солдат разогнал и золото забрал. И послала Лизавета-царица против него несметную силу, и настигла та сила царицына атамана, да в бой пойти не посмела и выслала к Ваньке генерала — штаны красные, а мундир золотой, — и говорит генерал Ваньке Каину:

— Зовет тебя царица служить к себе, вот велела

передать тебе на водку тыщу рублей, да рассказывает, что чин большой даст, только ты-де брось воровать, а иди ей служить верой и правдой, а не пойдешь — наша сила великая на тебя ударит.

Ванька-Каин засмеялся только и говорит:

— А где, генерал, твоя сила?

— Тут вот, за лесом, дожидается, — говорит генерал.

— Нету там твоей силы, барин: вся твоя сила моими ребятами связана, и у каждого солдата в рот варежка засунута.

— Врешь! — говорит генерал.

— Ан, не вру!

Пошли, проверили, глядят — связана сила. Генерал было на колени пал, а Ванька-Каин и говорит:

— Всякой жизни я пробовал, а генеральской не знаю. Не бойся, старик, пойду я с тобой в Петербург, попытаю царскую службу.

Прощался он со своими ребятами, велел солдат развязать и поскакал в столицу.

В Петербурге царица Ваньке-Каину графский дворец пожаловала и ленту дала ему через все брюхо — графский знак такой. Стал жить Ванька во дворце, за обедом индюшек ест, пряниками заедает; одних рысаков у него пятьсот было, и все с колокольчиками.

Вот пожил он так год и другой, а на третий — зовет его царица.

— Так и так, господин граф. Никто, кроме тебя, наших лесов не знает, а в лесах ребята твои озоруют, надо их переловить, а то честным людям житья не стало.

— Слушаю, государыня Лизавета! — повернулся Ванька и вышел из дворца. Сел на лучшего рысака, захватил с собой двух генералов с войсками — и в лес.

Оставил он генералов позади.

— Погодите, — говорит, — я сначала один пойду, услежу, а потом уже мы вместе дернем и захватим всех. — И вошел в лес.

Идет Ванька знакомой тропинкой, а с ним каждый куст и травка разговаривают:

— Где ты был, Ванька? Что делал? Давно тебя не видавали!..

А Ванька тянет носом вольный лесной запах и радуется, и кровь в нем закипает, и чинность от него отходит графская. Дошел он до любимого дуба, да как гаркнет:

— Эй, ребята, я, Ванька-Каин, зову!

И вся его шайка сбежалась.

— Не хочу, — говорит Ванька, — больше я в городе даровой хлеб есть, надоело мне по-ихнему честным человеком быть! Давайте мне, ребята, волю молодецкую да широкий разгул.

И пошел Ванька в набеги на Волгу, а генералы с войском ждали его, пока все довольствие вышло, тогда назад к царице вернулись».

— А потом что? — спросил Салават.

— Чудак, — что потом? Так и жил... Видишь, брат, какая жизнь-то наша, — ее и на генеральскую жизнь не променяешь!

— А коли поймают? — опасливо спросил Салават.

— А коли сейчас тебя словят, тогда что? — поддразнил Хлопуша. — Ну, пойдешь с нами?

Салават не успел ответить, потому что в амбар вошел Салтан, неся плошку щей.

— Ну-ка, ешьте. Ешь, Мухтар, — обратился он к Салавату.

— Ахметкой ведь его зовут! — поправил Хлопуша. Старик смутился.

— Ну, да, Ахметкой, это у него младший брат: я их все путаю — очень лицом похожи...

— Ладно, ладно! — Хлопуша махнул рукой. Он вытащил из-за сапога ложку и стал жадно хлебать щи.

— Ешь, Махмутка, казачью пищу, — добрым атаманом вырастешь!

— Ашам, ашам!..¹ — проговорил с набитым ртом Салават, не отставая в проворстве от собеседника.

Салтан задержался у порога и опасливо прошептал:

— Ну, ешьте да потише сидите, не услышал бы кто!

— Ладно, тихо сидим, — успокоил Хлопуша, а когда старик вышел, он с жаром снова обратился к Салавату: — Ну так что ж, пойдешь со мной?

— Да зачем я пойду? — осторожно пытался Салават.

— Так, приглянулся ты мне, вот и зову!

— А что ты за человек, я разве знаю? — продолжал мальчик.

— Вот тебе на! Сам видишь — не пристав я и не сотник... На Руси человеку некого бояться, кроме начальства, а станишники у нас самый честный народ — не из господ, не из хвостов господских, а все крестьяне да несчастные каторжники беглые, а которые из солдат убежали... Да ты-то сам почему из родного дома убежал?

Салават насторожился.

— Я не убежал — я к дяде ушел...

Внезапно Салтан распахнул дверь:

— Солдаты паспорта смотрят! На Яике опять бунт был, как зимой. Теперь беглых казаков-бунтовщиков ловят...

Салтан сказал это по-русски. Салават не успел поэтому понять, в чем дело, но Хлопуша не дослушал. Он схватил за руку Салавата и пробормотал в испуге:

¹ Ашам — ем.

— Бежим!.. Айда, айда тизь кияк! ¹ — добавил он и почти силой увлек Салавата мимо обалдевшего от страха Салтана в конюшню, через двор; там наскоро оседлав своих лошадей, выехали они верхами и в виду солдат, кричавших: «Стой, что за люди?!», пустили лошадей вскачь.

¹ Айда, айда живей!

ГЛАВА ПЯТАЯ

*О, горе нам, холопам, от господ
и бедство!*

*А когда прогневишь их, так
отнимут и отцовское наследство.*

*Что хуже в свете челозеку сей
напасти?*

*Что мы сами наживем — и в том
нам нет власти.*

(«Плач холопов» — народный поэт
XVIII в.)

Около двух лет уже бродил Салават с Хлопушей с места на место. Не всегда — в лесу, не всегда — на большой дороге. Он побывал вдоль по Яику до самых калмыцких степей, тех самых, где когда-то Юлай встретился последний раз с удалым башкирским ханом Салтан-Гиреем; побывал у калмыков и киргизов и, обратно возвращаясь, посетил казачьи станицы и городки, и везде вместе с Хлопушей, у которого были повсюду знакомые, у которого были везде либо «свои» люди, либо просто «добрые» люди, дававшие и ночлег и пищу. Эти «добрые» люди попадали и среди содержателей уметов, где собирались разные беглые люди, и среди жителей городков и пограничных крепостей, и среди торговых и полевых казаков, и в городах — мелкие лавочники, и даже дьячки и кладбищенские сторожа, и заводские рабочие, и казачки-вдовы. Случалось ночевать и по киргизским кибиткам, и у бурлацких костров, и в лесах, у разбойников.

И за все это время немало наслышался молодой странник о жизни разных народов «под рукой» рус-

ской царицы, и не только наслышался, — немало и видел такого, что сама рука тянулась за пояс к кинжалу, чтобы дружно вместе с острой сталью вступить за слабого, обиженного и забитого нуждой, будь то татарин, кайсак, калмык или даже гяур... Да и гяурам жилось не хуже ли, чем другим?

У чувашей отнимали их веру, калмыки платили ясак, у башкир отрезали клочок за клочком широкую степь и богатый лес, а у гяур, у которых нечего было уже отнять, отнимали последнее — волю: ими торговали, как лошадьми, их продавали... Не раз у ночных бурлацких костров слышал Салават разные страшные рассказы беглых солдат и каторжников о том, за что их послали в каторгу, почему бежали они от солдатчины.

За два года тоска по родным кочевкам одолела Салавата. Теперь ему шел девятнадцатый год, и за это время он окреп и возмужал. Черные брови его гуще почернели и ближе сошлись между собою на лбу, еще больше окреп голос и шире стала крепкая, широкая грудь.

Конь о конь ехал он с Хлопушей вдоль Иргиза, еще не вполне вошедшего в берега. Быстро вечерело.

— Стой, Салават, верно, придется нам здесь ночевать, — сказал Хлопуша. — Вода высока, а до станции далеко. Если кони не пройдут, то плыть придется — вымокнем, а сушиться ночью в степи не того... не сподручно...

— Ну, что же, не в первый раз, — отвечал Салават. — А где станем?

— Вот сейчас будет дом — рыбаки живут.

Некоторое время спутники ехали молча. Рыбачьего домика не оказалось.

— Али его Иргиз унес? — задумчиво выговорил Хлопуша. — Велик он был в эту весну.

— А вот баркас! — обрадованно крикнул Салават, указывая на берег, где стояла большая рыбацья лодка с каютой, в которую в дурную погоду укрывался рыбак.

Они подъехали к лодке и, спутав коней, стали раскладывать костер. Неподалеку, в камнях, Салават разыскал кусты мохнатого мха для растопки, и вот побежал-затрещал в степи маленький живой огонек. Закусив тем, что было, оба странника растянулись на земле, выправляя уставшие от езды ноги.

— Вот уже два года мы с тобой ездим, Хлопуша, — начал, помолчав, Салават, — и все время ты про себя ничего не сказал. Зачем не рассказываешь? Моя ведь доносить не хотим.

— И рассказывать, чудак, нечего!.. Ты вот теперь по-русски научился понимать, — сколько слышал разного от добрых людей, и от солдат, и от каторжников, и от беглых крепостных. Наша жизнь, брат ты мой, вся подневольная да страшная, ни светлого часочка не видать, когда не сбежишь в лес ли, в горы ли, в степь ли гладкую! Оттого нас, бегунцов, и народились экие тучи. Как саранча, ведь, множимся!

— Ну за что твой нос калякал? — добивался Салават.

— Чудак ты! Не «калякал»; а калечили, — это мы вот калякаем с тобой, а то говорят — калечили. Да, брат, и калечили и увечили, и кнутом и щипцами, и до петли недалеко было... Не дай бог кому, и триста лет живучи, такое испытать!

Хлопуша нахмурился и глядел в костер. Он снял повязку с лица, и его страшно разодранные ноздри чернели дырами. Казалось, смотрел живыми глазами череп. Глаза отражали пламя костра.

— Никому не говорил я, парень, про свою жизнь, а зато ни с кем и не сдружился этак и ни с кем не ходил безотлучно по два года. — Хлопуша глубоко

вздыхнул и продолжал:— Отойдешь ты в коши свои, вот и позабудешь меня и ничегошеньки про Хлопушу не услышишь— где ему, слуху, дойти через столько гор! Только я тебя вот чему научу: больно ваши башкирцы нас ненавидят, а за что, про что— не знают и сами! А ты послушай. Может, тебе моя сказка на пользу пойдет, паренек ты мой милый!

Родом я из-под Тамбова. Крещенный, конечно— прежде у меня даже имя христианское было, да за-памятовал нынче.

Были мы прежде государственные мужики— одно слово, царские, и никто, кроме самого царя, не владел нами до Лизаветы, а как села на царство эта баба, так все и пошло прахом. Отдала нас царица одному князю. И с тех пор стали мы крепостными. Конечно, сказать верно, и в царевых мужиках жилось несладко, а тут прямо не стало жизни. Завел князь свои порядки. Что ему именем заниматься, к чему ему мужичье жито? Он нас на оброк пустил: живи, как хошь, а денежки давай!

Да кабы деньги только! А то наедет в имение и пойдет разделявать дела. Пуще всего до баб охотник был, а еще пуще до девчонок.

Тут у меня с ним и вышла тяжба. Я жениться хотел на девчонке, на Серафиме— хороша девка была: белорусая, румяная, в кудрях, коса толстая, а глаза си-инющие, как небо!

Я— к барину: так и так, мол, дозвоьте, ваша милость... Серафимку, мол... «Ладно,— грит,— пришли Серафимку, погляжу».

Послал я ее к барину, она пошла, да так ее и не отпустили из барского дома, слышу, говорят, что ее барин в чулан запер. А я по плотничному делу был мастер. Думаю: выпилю ночью доску в чулане, возьму девку, да и убегу куда глаза глядят: к ляхам,

мол, либо к Ваньке-Колокольчику в лес (это атаман у нас в лесах жил — Ванька-Колокольчик). Да... Крадусь я с пилой, с топором. Подкрался к чулану, слушаю — тихо. Я стал полегоньку пилой водить, и Симка услышала, шепчет сверху: «Ты, мол?» — «Я», говорю. «Родименький, — говорит, — скорее добирайся, боюсь, он придет!» Только сказала — слышу, он и пришел, и что он там заговорил, не слышу, только Симка заплакала, этак-то жалобно отвечает, а у меня сердце колотится, руки дрожат. Слышу, в чулане возня пошла. Симка меня зовет. Как я крикну: «Бегу, Серафима!» — да через балкон, через перила, стекло рукой выдавил в окне да в горницу, да с топором, а дома не знаю, как в чулан пройти, — не бывал. А тут дворецкий со свечей увидал, что руки у меня в крови, что — топор, и крик поднял.

Связали меня... Я и сам вроде силу потерял.

Утром меня связанного на завод свезли, приписали к заводу... Два года я жил. Медь плавил... На заводе все чужой народ был, не было тамбовских — рязанские были. Я позабылся уж, да сызнава перетасовка пошла — отозвали у нас с завода наполовину людей и новых пригнали, и тут тамбовские были, из нашей деревни кой-кто пришел тоже. Стали сказывать, что Серафиму в город увез князь. Разбередилось во мне горе, как язву расколупали ногтем... Про жизнь рассказали: как все по разным заводам приписаны, как на дорогу туда-сюда все время уходит, и отработать некогда, и хозяйство гибнет: иные у нас далеко от завода хозяйство держали — в неделю не доедешь; там семья, там и земли. Пока обернешься на завод, отработываешь положенное, пришел назад, а ко всякой страде уж поздно. Лавки, как теперь же, заводские были, хлеб ли, одежину ли — в заводской лавке втридорога продают, инструмент какой — за свои же деньги

берешь... Да что я говорю — и теперь так же, чай, сам ты видывал!.. От всего этого вышло замешанье на заводе, и для разбору сам князь приехал.

Я в замешаньи не был, потому что не из дальних, тут же и жил при заводе.

Приехал князь, нас судил, порку назначил, кнутами да палками битье. А потом незамешанных велел собрать. Собрали нас. Меня мастер литейный как первеющего работника выставляет — самый, мол, работающий! А я стою, одурел от вида княжеского, и только у меня Серафима на уме. Князь подходит ко мне и что-то в похвалу, верно, говорит, а я не слышу ничего и думаю только: «Где Симка? Где Симка?», и в голове у меня мутится, в глазах темно, и не помню, как было, только сказывали, что я его за грудки взял да в харю ему кулаком тычу и все кричу: «Где Симка?» Четыре зуба выбил, говорят... Потом секли меня — тоже не помню, а сказывают, тысячу ударов принял, на меня как туман нашел, а очнулся я от тумана в колодке — сдали меня в солдаты. Ну, я не дошел до солдатчины: колодку разбил и ушел. Недельку целую в лесу жил, наконец осмелился и вышел в село... Как вышел, тут меня и поймали и опять в колодку забили, да уж не в солдатчину, а в соляную копь на работу послали, да прежде морду окалечили: голову выбрили, ноздри вырезали, а на лоб, вон видишь, какую красу выписали каленым клеймом?

Соль копал. Целый год соль копал. Солдаты нас оберегали от побега, крепко берегли, как заморский товар. — Хлопуша помолчал. Салават был так захвачен рассказом, что тоже не вымолвил ни слова. — Ан, не уберегли! — с азартом выкрикнул Хлопуша. — Не смогли уберечь — ушел! Ушел в лес, тут уже не в дубовой колодке — в железах ушел. Месяц по лесу маялся с железами; ладно, лето было: ягода выручила да

гриб, да трава, а зубы по настоящей пище скучать стали, так что ты скажешь — кору глодал, а на люди не мог выйти. Тут и встретился я с одним, с атаманом Серегой — из беглых попов он. Отрекся от церкви и в раскол ушел. Его в монастырь присудили, в Суздаль, на покаяние, а он в лес ушел каяться! Помнишь, я тебе про Ваньку-Каина сказывал — вот и был он в Каиной шайке, а после свою шайку водил. Он с меня колодки снял... Дружной был с ним — хоть в огонь, хоть в воду... А когда его в Самаре повесили, то ушел я с Митькой... Ну, Митьку ты сам видал — нечего про него баять... Еще меня два раза ловили да в Сибирь ссылали, — опять же улег. — Он помолчал. — Вот я тебе и баю, — заключил он: — зlobятся ваши башкирцы на нас, не любят, а за что? Ты вот сам посуди: ведь признаться, урус-от самая разнесчастная тварь — во всем неволен, как скотина.

Хлопуша умолк.

Оба они лежали перед костром. Ночь была теплая, и лодка ни к чему не понадобилась им.

— Надо уж овсом кормить! — сказал Салават и поднял тяжелые торока с земли. Он свистнул; в стороне заржала сначала одна, потом другая лошадь. Салават отошел в ту сторону, откуда слышалось ржанье. Хлопуша подбросил сучьев в костер. Степь затанцовала в ветряных языках огня странными длинными тенями, залегающими вдоль речного берега.

Салават раскрыл мешки с овсом и смачный хруст здоровых зубов и фыркaньe примешались к спокойному плеску реки и треску костра.

Хлопуша и Салават оба молча глядели в костер. С дороги, по которой они подъехали, слышался топот коней и голоса, но, не доезжая до костра, видно, путники остановились — топот смолк.

— Эй, — слышался голос, — кто тут есть? Люди добрые, каков нынче брод?

— Не знаем. Сами в ночную пору опасались пытаться, вот уж поутру разведаем, — ответил Хлопуша.

— Ну, пошел! — слышался тот же голос, и двое всадников подъехали к костру.

— Здравствуйте, люди добрые! — сказал один из них, соскочив с седла.

— И ты здоров будь! — ответил лежа Хлопуша.

— Пустите к вашему огню?

— Садись. Огонь божий, на всех хватит! — Хлопуша закрыл рукавом свое обезображенное и на этот раз случайно незакрытое лицо.

— Эй, Хлопуша, да ты ли, брат? — воскликнул тот же всадник.

Хлопуша вскочил на ноги и схватился за кинжал. Салават, увидав его движение, тоже сжал рукоять ножа.

— Да что ты, чортов сын, не признаешь, что ли? — отступая от него, проворчал пришелец.

Хлопуша взгляделся внимательно и выпустил кинжал.

— Ванька! Здорово!

— То-то, безносый дьявол! А то за перо ухватился!.. Как живешь?.. Где пропадал столько?

— Как живу, где пропадал?.. Ты погоди допрашивать, прежде скажи, куда едешь?

— К Челкару-озеру еду, — ответил всадник, — и ты со мной поедешь.

— Ну, еще это посмотреть надо, что за дело: стоит ли твоя овчина, чтобы ее выделывать!

— Ай да Хлопуша, — всплеснул руками казак, — словно купец, расчетлив стал! Ты вон послушай, что тебе его милость скажет! — показал он на своего спутника, сидевшего все еще недвижимо в седле. — Да слезай, сударь, — обратился он к всаднику и, придерживая его лошадь одной рукой под уздцы, другой взялся за

стремя. — Видно, и нам ночевать здесь придется, вишь, бывалые люди пристали, опасаются брода пытаться в мороке-то!..

Спутник его, чернобородый мужчина, слез с лошади.

— Что за человек? — спросил Хлопуша.

— Торговый человек, гость, — ответил казак. — Ты послушай-ка, что рассказывает он про всякие дела.

— Слушивали мы торговых людей, — ответил Хлопуша запальчиво, — они у нас тонкими голосами разговаривали. А иные и песни певали!

— Ну, врешь, Хлопуша, это мой гость! — оборвал казак.

— Я его у тебя и не отнимаю. Сам живи со своим гостем и басни его слушай! — огрызнулся Хлопуша.

Черный опустил ся у костра и усмехнулся.

— Чего ты лезешь, Чика, со своим гостем? Не для всякого уха речи мои! — сказал он. — Зря языком не люблю трепать — не баба! Что за помощь от этого человека? Стар уж он, да и трусоват, видно.

Хлопуша смолчал.

Салават провел мимо костра лошадей к реке.

— А это что за парень с тобой? — кивнул в его сторону казак.

— Так, башкирец, ловкий парень, вострый, сметливый, силен, как лошадь, и смелый, — похвастал Хлопуша достоинствами друга.

— Куда вы едете с ним?

— В башкиры, на Юрузень пробираемся мы, у него кош там.

— У него кош, а у тебя что? — удивился Чика.

— А мне все равно, где жить, была бы пища, а и кровля-то не всегда надобна.

Салават, напоив и стреножив лошадей, снова вернулся к костру, расстелил подседельник, под голову положил седло и накрылся кафтаном.

Чика и черный спутник его закусывали салом с чесноком. Хлопуша молча глядел в костер. Салават уснул.

Проснулся он от громкого спора.

— Да что ваши казаки? Обабились, присмирели, свиней развели да закисло, как тесто в квашне. Нешто посмеют они сызнова подняться?

— А нешто не посмеют? — возражал Чика. — Под бабьей рукой, гляди, что случилось, — в скудость все пришли: что заводчина, что крепостные, а бояре все не смиряются! Нынче уж за челобитную на изверга дворянина холопьев в каторгу приказано слать!

— Ну, так что?

— Дак то! Если народ взбунтуется, — а тому есть приметы, — нешто казаков пошлешь на усмиренье? Знаешь, отчего в запрошлом году бунт вышел, за что генерала Трауберга убили? За то, что против калмыков посылали, а не то, чтобы против своего брата¹. Из нынешних казаков, почитай, десятая доля сама барщины нюхала да из барщины бежала!

— Ну, ладно, пускай твоя правда, что на усмиренье не пойдут казаки, да ведь сами они не зачнут бунта? Для бунта знамя нужно, а где оно?

— И знамя есть у народа! — вставил спокойно и веско чернобородый.

— Что за знамя? — спросил Хлопуша.

— Государь Петр Федорович! — ответил торжественно черный и продолжал, понизив голос: — Ведомо ли вам здесь, странный человек, что государь Петр Федорыч не помер? Сказывали про это в твоих странных местах?.. От Москвы до ляхов, от ляхов до Сечи, от Сечи до Кубани этим слухом земля полонее, а где слух идет, там народ, как пчелы в колоде, гудит...

¹ Казачий бунт и убийство ген. Траубенберга в 1772 году.

В Царицыне¹ поймали его вороги, да убер он заботой купца — часового купец за семьсот рублей подкупил, — а теперь снова под чужим лицом государь по Руси ходит и уж проявлялся достойным, а как всю землю обойдет да уверится, что за ним народ, так и ударит по врагам... А с кем, как не с казаками, ударить ему? На кого положиться?

— Может, и верно, — ворчливо возразил Хлопуша, — только смекаю я так: доведись государю и вправду проявиться в народе, сейчас бояре на-двое разделятся: одни за него, другие супротив, и которые за него — обкружат его и скроют от народа. А нам что? Нешто нам не все равно, какой боярин от нас царя закроет? Пуще всего они, злодеи, того страшатся, что царь в доступность холопам придет и все неправды видеть будет. Покончит он тогда ихнее привольство. А не допустят его до простого народа!

— Да как не допустить, когда он сам уже в народе и на себе все неправды воеводские и боярские испытал? — загорячился Чика.

— Сейчас испытал, а как сядет на трон, так они, как вороны, трон облепят, и опять он, свет, скроется от народа.

— А как в здешних краях, ждет ли народ государя? — спросил черный.

— Как не ждать — слухом земля полнится! — подтвердил Хлопуша. — Вот уже десять лет, как подуфимские попы в опалу за молитву о здравии государевом попали... Отовсюду бежит народ: из дворовых холопов, из солдатчины, от заводов — нигде нет житья! А вот знамя... Да чем не знамя имя государево? Знамя! Только вот не замешкался бы государь Петр... Тяжело уж народушку-то! — горестно закончил он.

¹ Ц а р и ц ы н — теперь город Сталинград.

— Пойдем-ка, Хлопуша, к реке сойдем, я тебе слово скажу, — медленно расставляя слова, вымолвил Чика.

— Пойдем, коли дело скажешь.

Казак и Хлопуша спустились к реке. Салават слышал удаляющиеся по песку их шаги. Он выглянул из-под кафтана. Чернобородый глядел в костер и, прищуря глаза, улыбался в бороду. Небо светлело. Серая, тяжелая, как свинцовая, река Иргиз несла мерно поток воды.

Хлопуша и казак возвращались назад к костру.

— Салават, вставай, ехать пора, заря в небе! Слышь, Салават?

— Я не сплю, — отозвался Салават под кафтаном. Ему не хотелось вылезать из тепла в речной сырой холодок.

— Ну, вставай, дело есть до тебя!

— Какое дело?

Хлопуша сел возле изголовья Салавата.

— Встретился я с давним знакомцем — с приятелем. Зовет он меня на Челкар — дело там есть... Коли ты мне доверишься, — идем с нами, только — не во гнев тебе — до время ничего не расспрашивай. А не веришь или по дому невтерпеж скучаешь — вваливай себе домой, я тебе не попутчик!

— Зачем так сказал, абзы? Как не верю?! Я тебе, как брату родной, верю... Только не серчай тоже... В наша деревня гулять хочу... домой пойду... — Салават говорил как бы виноватым тоном. — Мала-мала домой гуляю, потом назад идем.

— Ладно, ладно, гуляй! По бабе скучаешь, видно? Ну, до полудня мы с тобой еще попутчики. Айда, седлай!

В полдень Салават попрощался с Хлопушей.

— Айда в наше место гуляй, кумыс пить будем, лежать в наш кош айда... как брат родной... А может,

я сам назад гуляю... Тогда к Салтанке в умет зайду. Ты ему говори, где будешь.

Салават хлестнул коня и свернул влево на Стерлитамак; трое спутников его повернули вправо, на Яицкий городок.

Долго ехал Салават молча по холмистой равнодушной степи, пока не показались вдали горы. Тогда он запел:

Благодатный Урал мой,
пою про тебя мою песнь,
славлю твое величье, Урал мой!..

Усталый конь пошел тише. Юноша не понуждал его. Закат отбросил последние лучи, и в небе блеснули редкие звезды. Из-за отдаленных гор показалась луна.

Твои гребни, Урал мой,
близки к небу...
Когда ночью месяц встает,
на землю глядя,
твои головы прекрасно светят
чистейшим серебром...
Когда утром солнце встает,
на землю глядя,
твои верхушки, как огнем пожаров,
облиты золотом...
Вокруг тебя, Урал высокий,
растут леса,
как мохнатые бархатные ковры,
разостланы травы...

Маленькая речушка преграждала Салавату путь. Он остановил коня.

— Будет на этот день, — сказал он. — Стой, аргамак. Еще два дня нам ехать к кошу отца.

Салават стреножил коня и пустил у реки на открытом месте. Переезжать реку он не хотел — на том берегу ее был лес и, как знать, может быть, и звери.

Засыпая, Салават думал о доме, о красавице Юрузене, о маленькой жене Амине, об отце.

«А вдруг узнают и поймают раньше, чем доеду до отца?» подумал Салават, но тут же с усмешкой погладил пушистую бороду, покрывавшую теперь лицо:

— Пусть-ка узнают!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Далекое и близкое знает безжавший
рысью.*

(Из башкирской песни.)

Салават, только что приехавший, и Юлай сидели в коше и шопотом разговаривали.

— Где же ты был до ночи? — спрашивал Юлай.

— Так и кружился по лесу. Степи, лесам и горам Юрузену — всем селям отдал, потом пришел тебе отдать.

— Узнаю все. Как быть теперь? — трусовато говорил отец.

— Может быть, хочешь, чтобы я снова ушел? — спросил Салават, вспыхнув.

— Что ты, Салават? Я твоего совета спрашиваю: как быть?

— Разве ты не старый человек, что спрашиваешь меня?

— Я старый, а ты бывалый, — лукаво возразил отец.

— Ты тоже не домосед, атам... Знаешь люди... У тебя есть табуны, дай сотнику кобылу, а земскому двух, — тогда будут молчать урусы. Соседнему старшине подари двух кобыл и жеребца, так замолчат соседи-башкиры. — Салават усмехнулся невесело, глядя в огорченное его предложением лицо старика.

— Где моя Амина?

— У тестя. Ведь Жяганур сказал, что ты умер. Где же быть Амине? У нее сын... Рыса-баев молодчик сватал ее, да тесть не отдал.

— Рыса-баев Бухаирка и прежде непрочь был взять ее! — засмеялся Салават. — Ну, так ты согласен, атам? Не пожалеешь кобыл в подарки?

— Как пожалею? Сын ведь ты мне!

— Ну, рахмат... Прощай! — проговорил сын, уже выходя из коша.

— Ты куда же? — удивился старик.

— К тестю, сына смотреть.

Салават вышел. Ночь и быстрый жеребец из Юлаева табуна быстро донесли его до тестева коша.

— Эй, Бурнаш-агай! — с порога громко сказал Салават.

— Ким-шунда?¹ — сонно спросил тесть.

— Узын кораляс!² — попрежнему громко ответил Салават.

Старый Бурнаш поднялся с подушки, кряхтя, подошел ко входу, где стоял Салават. Салават вышел в полосу, освещенную луной.

Бурнаш взгляделся в его лицо и забормотал:

— Шайтан... шайтан... джин, кит!..³

Он испуганно попятился прочь.

— Не шайтан я — Салават. Что ты, тесть?!

Тесть сел в подушки почти на голову жены своей, которая, ничего не слыша, мирно всхрапывала.

— Салават умер, — бормотал он. — Ты чорт!

— Да верно же, Салават я, Бурнаш-агай, — уверял его Салават.

— Где же ты был, Салават?

— В разных местах был, всюду гулял: у гяур был, у татар был, у джунгар был, у черкес был, у казак был! — Салават привирал несколько: до черкесов он не доходил, но его подмывало даже сказать, что был у арабов. Разве чему-нибудь могли теперь не поверить из его слов?

— А зачем пришел? — простодушно спросил тесть.

¹ Кто здесь?

² Сам гляди.

³ Дьявол, дьявол, нечистый, уйди!

— Жить домой пришел. Бабу видеть, сына увидеть.

— А-а-а!—уже спокойно протянул старик, как бы уверившись этими словами в том, что перед ним действительно не шайтан. И, совсем уже придя в себя, позвал:—Амина, иди-ка!

Амина, проснувшаяся уже от разговора в коше, но еще не понявшая, о чем идет речь и кто говорит, высунула голову из-за занавески.

— Ну, что там?—проворчала она и, взглянув на освещенное луной лицо Салавата, показавшееся ей бледным, как у выходца из могилы, отскочила в дальний угол, закричала и забилась дрожью. Бурнаш зажег светец.

Проснулась старая Золиха, мать Амины, и тоже испугалась и села с раскрытым ртом на подушку, потом уже, увидя Амину и поняв ее испуг, бросилась к ней, позабыв свой собственный страх. Салават, смущенный переполохом, не знал, куда деться. В это время заплакал где-то в углу за занавеской ребенок. И не замеченный ни Золихой, ни Бурнашем, хлопотавшими возле Амины, Салават проскользнул туда.

Амина затихла наконец и смогла слушать отца и мать. Она в ужасе спросила шопотом:

— Как пришел мертвец?

— Салават жив, кызым¹. Жив Салават,—успокаивала ее мать.

В это время услышала Амина за своей занавеской:

— Кышкырма!.. Кышкырма! Хазар/инакай кия! Хозер тизь кия!..²

— Салават мой!—крикнула Амина, вбегая за занавеску.—Салават пришел!..

— Я, Салават, я пришел, пришел, Амина моя...—бормотал юноша.

¹ Кызым — дочь моя.

² Тише, тише!.. Сейчас мамка придет. Сейчас, скоро идет!..

Маленький Рамазан испугался; он не понимал, испугалась ли мать пришельца или она рада, но, видя, что пришедший мужчина схватил обеими руками и сжал его мать, Рамазан заплакал.

— Уйди! Уйди! — кричал он.

Салават и Амина стали утешать его.

Плачет мальчик,

плывет месяц.

Темная ночь ползет в кош —

запел Салават тоненьким голоском.

А-аа-а-аа-а...

Аа-а-а-а —

затянула без слов Амина.

Рамазан успокоился. Амина и Салават, крепко взявшись за руки, сидели возле него и не могли наговориться. Амина расспрашивала, как он избавился. Салават рассказывал, но, не давая договорить, снова Амина его перебивала вопросами. Рассказывала сама, как сватался за нее Бухаир и как она не пошла за него. Салават рассказывал, как много он видал разных людей, как много ходил и ездил...

— А вот Гульбазир ты не возьмешь уже второй женой, — с сочувствием сообщила Амина.

— Почему не возьму?

— Гульбазир отдали за бая в Юнусову...

— Я ее и оттуда возьму! — уверенно возразил Салават.

Амина не ревновала. Гульбазир была ее лучшей подругой прежде, и, зная, что все равно не миновать необходимости делить Салавата с другой женой, она и сама предпочитала иметь соперницей молодую подругу.

— Правда? — огорчилась и, видимо, все же обрадовалась Амина. — Возьми ее, Салават. Не бери другой жены, лучше возьми Гульбазир.

И снова перебивали один другого вопросами. Снова Салават не успевал отвечать, как Амина спрашивала о другом. Амина не успевала сказать вопроса, как Салават уже сам рассказывал совсем об ином.

— Почему ты так долго не приходил? Я так скучала без тебя! Столько плакала, плакала, что убит Салават.

— Я не мог притти, Амина, гяуры, поймали бы меня.

— А теперь не поймают?

— Как знать... Теперь много времени прошло... Собака лаять устанет, а волк ходить не перестанет!.. Отец обещал всем начальникам подарить по кобыле и по две...

— А Рыса-баю, Бухаирке?

— Ну, этим — по целому гурту овец... Да и то не успокоятся — и овец возьмут и злости не уменьшат!

— Как же быть, Салават? — вдруг, опечаленная, спрашивала Амина.

— Ничего, если будет опасно, опять уеду, а потом снова приеду, только ты больше уже не пугайся меня так.

— Нет, теперь уже не буду. Не испугаюсь теперь — знаю, что жив. А то ведь все думали, что умер.

— И Гульбазир думала?

— И она, Салават. Она бы ни за что не пошла к Иштубаю, если бы знала, что ты жив.

— А она плакала? — допытывался Салават.

— Она гордая! Разве Гульбазир помогут слезы?

— Горе и гордость сломит — значит, не горевала, — возразил Салават, и в голосе его дрогнула обида.

Оба помолчали. Наконец Амина дернула Салавата за край рубахи.

— Салават мой!

— Ну, что, ласточка?

— Салават, не люби Гульбазир больше, чем меня, не надо. Ты хоть так же люби ее... Знаешь — поровну...

— Хорошо, птичка, тебя я больше люблю, только накажу. Гульбазир: я ее отобью у Иштубая, возьму в жены, а потом на нее и глядеть не стану.

— Ладно! — почти обрадованно воскликнула Амина, но, помолчав, добавила: — А ты ее все-таки немножко люби, Салават, а то ей плохо будет. Чуть-чуть меньше, чем меня... Хорошо?

— Хорошо, — засмеялся Салават. — Ласточка, милая моя, как ты скажешь! Мать Рамазана моего. Я сложу для тебя самую лучшую песню!

— Сложи, Салават, я люблю песни... Помнишь, я была девушкой, ты сложил мне песню про цветок на вершине Урала?

— А теперь сложу про цветок, что вырос под твоим сердцем.

— Это наш Рамазан — цветок?

— Рамазан — цветок, а ты сад мой...

Амина засмеялась.

Разбуженные смехом и шопотом, за пологом ворочались и шептались старики. Снова позвал мать Рамазан. Амина засмеялась.

— Цветок пищит, — сказала она, вставая.

Целый день в кош Бурнаша ходил народ. Все говорили с Салаватом, явившимся внезапно, для всех он был героем. Юноши приходили, чтобы поглядеть на него, и те из них гордились, кого он называл по имени и с кем радостно здоровался, как со старыми кунаками.

Старики расспрашивали его о слухах, ходящих по свету, о людях, которых встречал.

— Говорят, в Имян-Кала¹ русский бог серчает... Как они в церкви молитвы запоют, он гудит наверху... Раз бог ихний отступится — значит плохо, конец их власти и силе.

¹ Имян-Кала — «дубовый город», старинное название г. Уфы, произошло от дубового тына, которым была обнесена крепость Уфы.

— Старый человек, что говоришь? Какой русский бог?

— Нет бога, кроме бога! — остановил набожно Салават.

— Алла, иллаги алла, — повторил старик. — Ну, если не русский бог, тогда бог правоверных, — кто-то гудит же в куполе церкви... Может быть, это Азраил, витая в храме, задевает мечом за стены? Может быть, это меч его звенит? Что бы ни звенело — это знак...

— Что бы ни звенело — знак!.. — повторил Бурнаш.

— Шул-шулай... Верно... Знак! Знак! — бормотал и Рыса-бай, тоже пришедший в кош Бурнаша.

Рыса-бай был старый враг Юлая; ни он, ни отец не были замешаны в бунте и всегда были «верными» русским царям тарханами, потому Бухаира и назначили как гяура, писарем к старшине Юлаю, чтобы следил за всеми делами.

Когда Юлай пришел из Киргиз и отец Азналла объявил, что он был в плену, Рыса-бай написал донос, но здесь вышел манифест, по которому всех бунтовщиков прощали, и Юлай остался на воле.

Когда выбирали старшину, Рыса-бай думал, что выберут его, но его не выбрали, а выбрали Юлая. Сын Рыса-бая, Бухаир, хотел взять в жены Амину, но Салават перебил ее. Потом Салават погиб, а когда Бухаир сватался к его вдове, опять воскрес Салават. Рыса-бай был разозлен, но отдавал внешние знаки удивления возвратившемуся домой батырю; вместе с тем он подслушивал смутьянские речи и молча пожевывал свою седую бороденку, все запоминая, чтобы при случае донести. Многие боялись его. Молодежь при нем молчала, старики же, которым нечего было бояться по старости, не стесняясь, высказывали самые заветные бунтовщицкие речи.

— Шулай, шулай... Правильно, так, так... — бормотал

Рыса-бай, слушая всех говоривших. — Ну, а что у казаков, Салават?

— Ты был в казачьей стороне? — спрашивали Салавата знавшие о казачьем бунте позапрошлого года.

— У казаков опять неспокойно, — сказал Салават. — Я был в казачьем собрании, — приврал он. — Там говорили, что казакам житья нет. Казаки так жизнью недовольны, так недовольны, что если где бунт — их нельзя даже на усмиренье послать...

А еще говорят, — Салават понизил голос, — говорят, что мертвый царь ожил или вовсе не умирал.

— Как ты, верно? Шул-шулай... Бывает, бывает!.. — вставил Рыса-бай.

— Да... Может быть, как я, — подтвердил Салават. — И вот говорят казаки, что скоро он на царицу народ подымет, и тогда все казаки встанут и все гяуры...

— А мы тогда к турецкому, — начал какой-то юноша, но, взглянув на Рыса-бая, он смолк.

— Шулай, шулай... Это дело!.. Если гяуры встанут, тогда самое время к турецкому султану пойти... Верно, верно, — бормотал Рыса-бай, пожевывая бороденку.

Целый день до вечера сидел народ, и, только когда пришло время вечернего намаза, все разошлись.

После молитвы сел Салават на коня и помчался к Юнусовой. Не доезжая до кошей, въехал он глубже в лес, шагом пустил коня по лесной тропинке и запел:

Гульбазир, земная ты гурия,
если б ты знала, как мое сердце
к тебе любовью горит;
в твоих глазах я вижу небо,
в твоих глазах я вижу звезды,
вижу тихую красавицу-луну.
Это глубокий океан необъятный,
земная гурия или отражение рая...
Гульбазир, как тебя люблю,
люблю, но как сказать — не знаю,

потому что не нахожу слов.
Слаб язык мой и слаба мысль,
чтоб тебя восхвалить,
восхвалить, как ты достойна того,
земная гурия — Гульбазир...

Увлечшись песней, он слишком близко подъехал к кошу Иштубая, мужа Гульбазир. Почувяв чужого возле коша, завывала громко огромная привязанная собака.

— Вот шайтан, не дает петь! — выругался Салават. — Кагар сукры! ¹

И снова громче запел:

Если бы знала ты, земная гурия,
какой огонь пожирает сердце мое,
какой холод от очей твоих сковывает
мысли мои и язык мой...

— Эй, жягет! Этот холод ум твой сковал — я вижу, потому что кто же, кроме дураков, ходит дразнить чужих собак? А почему он не сковал твоей глотки? — грубо и насмешливо крикнул Иштубай.

— Тише, Иштубай, кышкырма!.. Ты пожалеешь, что оскорбил мертвеца! — крикнул Салават, подъезжая ближе.

— Разве ты мертвец? — начал было Иштубай, но, увидев Салавата, раскрыл рот и так застыл.

— Какой же холод сковал твою глотку, Иштубай? — строго спросил Салават, наезжая на него конем.

— Аллах велик!.. — пробормотал Иштубай, отступая в глубину коша. — Аллах велик! — С этими словами зацепился он за камень ногой и опрокинулся головой в кош.

Салават повернул аргамака к лесу.

Земная гурия, Гульбазир,
слаб мой язык, чтобы достойно хвалить тебя!

¹ Будь проклят!

Так пел он, уезжая.

Но неудача не смутила Салавата. Он решил, что не отстанет, пока не увидит Гульбазир. Привязав коня в лесу, неподалеку от коша, он снова возвратился. Собака, привязанная у коша, загремела цепью и заворчала. Салават кинул ей кусок хлеба, взятого с собой, и, пока она ела, подойдя вплотную, дал ей другой кусок из своих рук. Пес взял хлеб и благодарно лизнул руку. После этого он уже не рычал на Салавата. Салават придвинулся вплотную к кошу, разыскал дырку в кошме и приложил ухо. Из коша слышался храп Иштубая. Салават почти ползком подобрался ко входу.

— Гульбазир, Гульбазир, пойдй сюда! — позвал он шопотом.

— Кто здесь? — испуганно, но шопотом же выронила еще не спавшая Гульбазир.

— Это я, Салават.

— Кто? — не веря ушам, переспросила Гульбазир.

— Салават.

Гульбазир не ответила, но, едва Салават успел отшатнуться, из коша мимо его головы пролетел тяжелый сукмар¹. Вслед за тем вышла Гульбазир с ножом в руке.

— Ты чуть не убила меня, — сказал Салават тихо.

Гульбазир молча подняла с земли сукмар и отошла в сторону. Ростом под рост Салавата, стройная, как сосна, с булавой в одной руке, с ножом — в другой, стояла она, освещенная луной. Салават мгновенье любовался ею.

— Выходи сюда живо, — сказала она, угрожающе подняв сукмар, — я тебе покажу, как называться именем Салавата, я тебе покажу, как ночью вызывать чужих жен.

Салават встал и вышел к ней. Они стояли друг против друга, глядя один другому в глаза.

¹ Сукмар — род булавы.

Сукмар и нож упали из рук Гульбазир.

— Салават, это ты? — прошептала она.

— Я, Гульбазир, я, гурия пророка...

— Сукмар не задел тебя? — выговорила Гульбазир.

— Как сукмар, брошенный женщиной, заденет Салавата? Я вернулся.

— Я так испугалась... Откуда ты?

— Не бойся, не из могилы, — смеясь уже, ответил Салават. — Я вернулся домой и не могу жить без тебя.

— Я замужем, Салават. Иштубай — мой муж.

— Он не будет твоим мужем, — возразил Салават, подымая с земли упавший из рук ее сукмар и сжимая его так, как будто он хотел разбить голову Иштубая.

— Тише, тише, Салават!.. Как не будет? Он уже мой муж!.. Я думала, ты убит...

— И скорее утешилась Иштубаем?

— Неправда, Салават: я вышла замуж всего полгода назад, а тебя уже два года нет в живых.

— Бедная, целые полтора года терпела!.. Как ты не умерла от нетерпения?!

— Ты бы ведь не ждал даже столько, если бы я умерла, — возразила запальчиво Гульбазир.

— Конечно не ждал бы, я бы умер сам тотчас за тобой, так я люблю тебя! — тотчас нашелся Салават.

— Не обманывай меня, Салават... Иштубай дал за меня большой калым... Он бы ничего на свете не пожалел для меня...

— Еще бы! А разве я пожалею ради тебя свою голову? Или я забыл твой нрав?! Разве не знал я, что ты бросишь в меня если не сукмар, то просто казан? Твой удар не хуже удара любого батыря... Однако я не побоялся... Если не пойдешь добром, я увезу тебя силой к себе, — убей меня тогда как оскорбителя.

— Оставь меня, Салават... Я так не ждала тебя, так не ждала... Дай мне привыкнуть к мысли, что ты жив...

Вот ты стоишь, а мне страшно, чтобы ты не прикоснулся ко мне: вдруг у тебя, как у мертвого, холодные руки... Я сдерживаю свое дыхание: вдруг от тебя повеет могилой...

Салават схватил ее за руку, обнял и поцеловал в губы.

— Пусти, Салават!— почти крикнула Гульбазир.— Оставь меня.

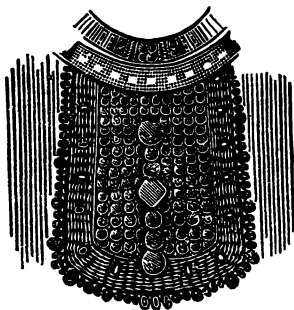
— Разве я похож на покойника?— спросил он.

— Я сама стану покойником, если ты будешь так,— прошептала Гульбазир.— Уходи... Прошу тебя, уходи!.. Я сама приду к тебе.

— Ну, прощай,— тихо вымолвил Салават.

— Прощай!— Она уронила полог, скрывший ее.

Салават развязал коня и повернул его обратно к кочевью тестя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Того плута с его согласники изловить и прислать в Оренбург.

(Из указа)

А что такими людьми действовать и в войну их посылать, то лучше потому, что хотя и пропадут, то и дома не нужны.

(§ 17 из проекта о тарханах оренбургского губернатора Кириллова XVIII столетия)

Кинзя вошел в дом Бурнаша.

— Салават дома?

— Дома,— ответила Амина. — Салават! — позвала она.

Салават вышел из-за занавески.

— Арума¹, Кинзя.

— Ару-ару, здравствуй, Салават!.. Я по делу к тебе...

— Разве я тебе не рад без дела, толстый друг?..

Лицо твое — как солнце, затылок — как луна. Я рад, что светила неба приходят ко мне!..

— Не смейся, Салават, не до шуток!.. Ты знаешь, что отец — кунак Рыса-баю?

— Мулла всегда баю кунак, а Рыса-бай — самый богатый, как же твой отец не будет приятелем ему? — Салават был весел. — Я расскажу, тебе не в обиду, сказку про муллу.

Кинзя знал, какова будет сказка, но он хотел показать, что больше привязан к Салавату, чем к муллетцу, и, чтобы Салават не подумал, что он обиделся, согласился коротко:

¹ А р у м а — здравствуй.

— Ну?

— Один раз тонул мулла в озере. Его увидел человек. Прибежал, протянул руку. «Господин, — кричит, — дай мне руку, я тебя вытащу!» Мулла смотрит на него, кричит и тонет. Человек понял, в чем дело. «Мулла не любит давать, он любит брать», подумал человек. «Господин, возьми мою руку, я тебя вытащу!» крикнул он. Только тогда мулла ухватился за его руку и спасся.

Амина за перегородкой, куда она ушла, засмеялась; ей вторя, засмеялся маленький Рамазан. Кинзя тоже усмехнулся.

— Так я хочу сказать... — начал было он.

— погоди, — перебил Салават. — Я и говорю: с Рыса-бая есть что взять, потому твой отец с ним и приятель.

— Ну да, — наконец нетерпеливо перебил Салавата добродушный и спокойный Кинзя, — в том и дело, что приятель. Не мешай мне, сорока. Я говорю, что он писал для Рыса-бая донос... Они думали, что меня нет, а я лежал просто...

Салават захохотал громко.

— Всегда ты лежишь, Кинзя. И как у тебя бока не болят?

— Замолчи наконец! — крикнул вдруг повелительно Кинзя.

Салават никогда не слышал у него такого тона и смолк, удивленный.

— Я говорю, — разгорячился Кинзя, — что донос на тебя, ишака. Понимаешь? Донос губернатору, что ты убил твердышовских рабочих, а сам жив... Понимаешь, дубина? Надо тебе бежать. Понял, дурак ты этакий? Я донос украл, теперь им снова писать его надо, а пока они пишут — время пройдет еще.

Амина высунулась из-за перегородки, не закрывая своего исхудалого лица с широко открытыми глазами.

— Что ты говоришь, Кинзя? Бежать Салавату? Куда бежать? — Голос ее уже дрожал.

— А что же мне, что ли, бежать за него? — не успокоившись все еще, выкрикнул Кинзя.

Салават, сначала было побледневший от страшной вести и слушавший серьезно, опять захохотал.

— Бежать этому кульку с овсом? Нет! — смеялся он, и смех мешал ему говорить. — Как же это такой жирный мешок побежит?

— Совсем ишак! — безнадежно махнул рукой Кинзя.

— Ну, я не буду, Кинзя, а то у тебя лицо стало грустное, как черствый блин без масла, — сказал Салават. — Я тебя люблю ведь, мешок ты мой!

Дверь распахнулась, и вошел Юлай.

— Салам-алейкум! — с порога приветствовал он. Он был взволнован и тяжело дышал.

— Алейкум-салам! — ответили почти враз оба парня.

— Новости, Салават, — сказал Юлай, — сейчас привезли бумагу от начальника...

— Обо мне? — встревожился Салават, вскочив с места.

— Сядь, сам скажу, — остановил старик и продолжал, отдуваясь: — под Оренбургом объявился беглый казак. Забыл, как звать его... Казаки бунтуют... Этот беглый себя царем зовет. Русская царица башкир помогать просит. Награду обещает. С нас девяносто пять человек нужно... Я — старик... Сам не поведу... Ты начальник будешь, тогда... и кобыл не надо никому давать! Сам хозяин в коше будешь, никакой донос не испугает!.. Согласен?

Салават не отвечал.

— Ну? — нерешительно торопил старик.

«Можно так бежать... Можно начальником ехать... — взвешивал Салават. — Все равно дома не жить».

— Еду! — сказал он внезапно громко. — Я согласен, атам!

— И я еду, — вставил Кинзя. — Ладно, Юлай-ага?

— Ладно, ладно!.. — невольно улыбнулся Юлай, представив себе, как толстый Кинзя едет на войну. — Завтра будь готов. Салават, ты — начальник, — повернувшись, уже с порога важно произнес Юлай.

За ним вышел и Кинзя. Амина бросилась к Салавату.

— На войну, Салават? Казаки убьют тебя!..

— Не убьют, Амина, никто не убьет!.. Что ты понимаешь в войне? Лучше расти Рамазана как следует. Сын Салавата должен быть батырем.

— Он будет, Салават, будет!

— Анам! — позвал в это время Рамазан.

— Ишь, ведь не зовет отца! И так за три месяца едва научился отцом звать, а не нужен ему я, видно!

— Отец после нужен будет, Салават... Гляди, я какая молочная... Парню уже полтора года, а я все кормлю его молоком! — похвасталась Амина.

— Корми, корми. Моя мать до четырех лет кормила, видишь, вырос какой!

Салават оделся и пошел к отцу.

— Я скоро приду, — сказал он.

У Юлая было много народа. Рыса-бай с острыми глазками и изжеванной бородашкой шнырял в толпе. Тут же были и другие старики и молодые парни. Список почти уже был готов. Писарь Бухаир Рыса-баев важно и медленно выводил под диктовку Юлая фамилии и, написав каждую, любовался словом, как картинкой.

Драгун, приехавший с приказами, словно большое начальство, сидел на скамье, разговаривая с татаринком-переводчиком, взятым им из города.

Салават потолкался в толпе, поздоровался с двумя-тремя парнями и, заметив, что муж Гульбазир Иштубай здесь же, незаметно вышел, вскочил в седло и помчался в сторону юнусовских кошей. Через какие-нибудь пол-

часа был он у коша Иштубая. Цепной пес с лаем бросился на него.

— Гульбазир!—позвал Салават.

Ответа не было.

— Гульбазир, это я, Салават!

Попрежнему не было ответа. Салават, не решаясь идти мимо собаки, зашел с задней стороны коша и, разыскав отверстие, увидел, что в коше нет никого. Он повернул назад. По дороге домой он встретился с Иштубаем.

— Едешь с нами, Иштубай?—спросил, поздоровавшись, Салават.

— Чего я не видел в гяурской драке? Пусть, кому надо, едут... У меня нет вины, чтобы выкупать ее своей шкурой, как другим.

Иштубай побаивался Салавата и в то же время не мог ему простить своего напрасного испуга. Теперь, сказав дерзость, Иштубай ударил нагайкой кобылу и помчал вскачь.

— Гей, гей, поймаю!—со смехом закричал Салават, поняв причину его поспешности.

Иштубай повернулся в седле всем телом и издали погрозил Салавату нагайкой.

Салават подъехал к дому.

Амина, заплаканная, улыбкой встретила его. Слезы лились сами. У нее самое большое желание было не плакать, весело проводить Салавата на войну. Этому ее только что учила Гульбазир.

— Салават, знаешь, кто был без тебя!?

— Кто же?

— Отгадай, Салават, не отгадаешь!

— Старая Суфля ворожила тебе и дала какую-нибудь заколдованную ладонку.

— Нет, ошибся, не отгадал!—торжествовала Амина.

— Ну, кто же был, ласточка?

— Гульбазир была... Она хотела сказать тебе, что ушла к отцу. Она уехала домой, в Калмакову. Ты возьмешь ее в жены, Салават?

— Возьму...

— Только не теперь? Потом возьмешь, когда кончится война? — допытывалась Амина.

— Ну да, потом. А что?

— А то, что сегодня я тебя никуда не пущу! Сегодня ты не пойдешь к ней.

Салават засмеялся.

— Нет, нет, никуда не пойду. Сегодня я буду все время с Рамазаном и с тобой.

День, вечер и ночь проскользнули быстро. С утра Салават чистил сбрую, с утра ходил уже одетый в кольчугу, и ему нравилось чувствовать ее тяжесть.

— Вот и чужой уже Салават, — говорила Амина. — Голову приложишь к груди, а грудь чужая — железная.

— Железо лучше сохранит твоего Салавата, — успокаивал он ее.

Долго сам, как дитя, играл Салават с Рамазаном, ласково болтал с Аминой, пока в окно, по тусклому бычьему пузырю, не забарабанила чья-то рука.

— Кинзя приехал. Прощай, Амина. Прощай, не плачь, Амина! — Салават обнял ее, потом наклонился к сыну и не знал, что делать с ним, как приласкать его. Он взял его на руки и стиснул так крепко, что ребенок заплакал. Салават растерялся, отдал его Амине и, выйдя во двор, взлетел в седло.

Быстро он доехал вместе с Кинзей до дома Юлая. Перед домом толпились уже всадники.

Салават пришпорил аргамака и выехал наперед отряда. Зеленая шапка красовалась на его голове, чуть сдвинутая на затылок. Юлай стоял у входа. Многие женщины, пришедшие провожать сыновей, плакали. Сыновья старались быть веселей.

— Все, как один. Вот каких солдат дали царице Шайтан-Кудей, гляди, пристав!— говорил Юлай приставу.

— Гляжу, гляжу— хорошие ребята, вот этот особенно, впереди-то.

Пристав знал, что это Салават. Он хотел польстить старику и притворился, что не знает.

— Это мой сын,— сказал гордо Юлай. — Он всех поведет, начальник будет.

В это время писарь стал выкликать по фамилиям отправляющихся в поход, и те, кого называл он, откликались.

— Салах Рамазанов!— кричал писарь.

— Бар!— отвечали из толпы.

— Сафар Зайнуллин!

— Бар!

— Ахмет Магометзянов!

— Шунда!

Когда все были перечтены и оказались налицо, писарь доложил, что все собрались. Юлай сказал.

— С богом!

— Аллах сохранит вас!— громко произнес мулла.

— Хош!— крикнул Салават.

— Хош! Хош!— стали перекликаться всадники с толпой.

Салават выпрямился в седле и натянул удила.

— Айда!— лихо воскликнул он и тронул коня.

— Айда!— грянула вся ватага.

Они ехали уже часов шесть. Солнце скрылось, сумерки спустились на землю, а они все ехали. Взошла луна и бросала впереди них тени коней и людей. Впереди вставала темная туча, закрывая ровно половину горизонта.

— Под дождь едем!— сказал Салават.

Вдруг он заметил белую полосу в небе, белый столб

справа от себя, отступя от края тучи, и такой же белый столб слева. «Что бы это было?» подумал он и снова взглянул, и уже два столба выросли, соединились, срослись в дугу.

— Радуга! — Салават обернулся назад к воинам. — Радуга! — крикнул он. — Радуга — ворота к победе! — и он протянул руку к «воротам».

Воины изумленно глядели на радугу. Ночная радуга! Как-то никому из них за их девятнадцать-двадцать лет не пришлось видеть ее никогда. Все они приняли ее за предзнаменование, доброе или злое — кто знает? Первым назвал ее добрым знамением Салават, и все поверили. Хотя никто не знал, о какой победе говорит начальник. Меньше всех знал это он сам. С самого того момента, как узнал он, что идет командиром против казаков, ему запала мысль о побеге к турецкому султану. Салават вспоминал рассказы стариков о батырях, о батырше, о Кара-Сакале, о героях, бившихся с гяурами за свободу башкир. Салават думал о том, что, может быть, если казаки побьют царицу, если казачий царь возьмет верх, то и башкирам будет легче. Он помнил разговор на берегу Иргиза о том, что где-то хоронится царь, что скоро он «объявится» и тогда жизнь станет легче. Может быть, это тот самый царь? Салават думал так, отпустив коня самому по своей воле выбирать дорогу.

Бодро ехала сотня всадников.

Под луной впереди заструилась серебром река Сюм. Всадники растянулись в цепь, и, войдя в воду, кони жадно тянули студеную влагу, тянули до отказа. Когда же они напились, снова Салават громко закричал:

— Айда-а!

И, борясь с течением грудями, широкими и сильными, бросились кони резать быструю воду. Несколько минут только хлюпала вода в ночи да фыркали лошади.

Но вот первый аргамак вышел на берег, а за ним и другие.

— Гей-на! — выкрикнул Салават и помчал впереди отряда бодрого от студеной сентябрьской воды коня.

— Гей, гей! Айда-а! — И сотня всадников помчалась вскачь, и ночная радуга вставала впереди них за Сюмом, как светлые ворота в ночь будущего — ворота к победе. Сзади луна освещала путь их.

Ночевали в лесу. С десяток костров раскинулось по лесу. Кучками вокруг костров расположились воины. Салават заметил, что многие оживленно спорят, доказывают что-то и машут руками. Он пытался подойти ближе, вступить в разговор, но все замолкали, как только подходил он. Салават постелил подседельник и лег. Кинзя уже спал рядом.

Салават долго не мог заснуть. Он думал о предстоящей войне, о том, что едет защищать царицу, ту самую царицу, которая помогает во всем Твердышову, которая посылала на каторгу Хлопушу, от законов которой так плохо было жить по всей земле. Помочь ей против казаков? Юноша за время своих скитаний узнал многих казаков. Это были добрые люди и смелые, они всегда давали приют, кормили ухой и не боялись, что гость без паспорта... Царица берет ясак, царица назначила писарем Бухайрку, царица не велит торговать с соседями и брать замуж татарок... Салават не хотел помогать царице, но как сказать об этом другим? Среди воинов, идущих с ним, есть товарищи Бухайра Рыса-баева, сыновья «верных» башкир. Если сказать им, они свяжут и выдадут начальству; если не даться им в руки, убьют исподтишка.

«Чего они боятся меня? Почему умолкают, когда подхожу к костру? Может быть, они заранее подозревают и хотят убить, чтобы не смутьянничал?» С такими мыслями он заснул.

Проснулся он на рассвете; было холодно, и не хотелось вылезать из-под овчинной шубы.

Он лежал, не шевелясь.

— ...А что же, Салаватка не бай, что ли? Как он за нас пойдёт? Погоди, вот после Стерлитамака мы им покажем! — услышал Салават незнакомый голос. Он не пошевелился.

— Тсс! Тише! — остановил другой. — Гляди, этот мешок пытит, сейчас проснется...

Рядом с Салаватом пытел и ворочался Кинзя. Салават тоже зашевелился. Подслушанный обрывок разговора еще больше расшевелил его сомнения. Салават поднял голову, оглянулся. Кругом спали человек десять. Кто-то из них притворялся спящим, но кто — различить было нельзя.

Отряд тронулся дальше. Ехали весь день вдоль берега широкой Ак-Идель¹, к вечеру доехали до Стерлитамакской пристани. Здесь должен был отряд явиться к асессору Богданову.

С песней подъехали башкиры. Местные жители указали им дом, где жил Богданов. Оставив свой отряд у ворот, Салават вошел в дом и толстой бабе передал бумагу, полученную от драгуна.

Его позвали в горницу. За большим столом сидел — обедал — лысый пожилой человек.

— Это ты с песнями пришел?

— Я, ваш благородье! — отрапортовал Салават.

— Значит, от башкирцев послан. Как тебя зовут-то?

— Салаватом зовут, ваш благородье.

— А сколько с тобой молодцов?

— Девяносто пять человек!

Ассессор ел. Салават молча стоял у двери и наблюдал, как «благородье» старался разжевать, видно, по-

¹ Ак-Идель — башкирское название реки Белой с тем же значением.

павшуюся крепкую жилу. Наконец глаза его выкатились, и с некоторой натугой он проглотил трудный кусок.

— Так Салават, говоришь? — с облегчением сказал наконец ассессор.

— Так точно — Салават Юлаев!

— Ну, молодец, Салават Юлаев! Так ты знаешь, противу кого посылает тебя государыня?

— Против Омелька Пугач.

— Правильно, молодец! — засмеялся полковник. — Так что же ты с ним сделаешь, с Пугачом?

Салават усмехнулся в ответ:

— В плен возьму.

Ассессор захохотал.

— Хорошо твои ребята поют... Что ж, ты и сам поешь хорошо? — спросил он.

— Пою мало-мало. Сандугачем дома зовут ведь.

— Это что такое?

— Соловей башкирский, значит. Птишка такой.

Ассессор продолжал жевать и опять засмеялся.

— А водку пьешь, соловей?

— Не пью, ваш благородье.

— Ну, не пьешь, так выпей.

Ассессор приказал денщику налить водки.

— Пей, когда начальство велит.

Салават выпил.

— Ты говоришь, что Пугача в плен возьмешь? Ну, жарь, бери его!

Ассессор ел, чавкал, громко и аппетитно. Салават молча стоял у порога.

— Ты до Бикулова дорогу знаешь?

— Знаю, на Салмыш-Елга стоит.

— У меня еще этаких соловьев девятьсот штук. Ты их прихвати с собой и вваливай!.. Твой отец тархан?

— Тархан, старшина Шайтан-Кудейского юрта, Юлай Азналлин.

— Здорово, сукин сын, рапортуешь!.. Ну, так вваливай. Завтра чуть свет поедешь на Бикулову и всю тысячу соловьев с моей шеи свалишь. Дуй без передышки, пока кони идут! За все про все с тебя спрос будет. Все хорошо исполнишь — ефрейтором станешь. Понял?

— Понял, ваш благородье!

— Ну, поди, утром возьми пакет, генералу Кару отдашь.

Салават вышел.

На Стерлитамакской пристани был умет, куда два раза заходил он с Хлопушей для ночлега. И теперь он зашел сюда. Приветливо встретил его хозяин умета Федор Максимыч и засуетился было, торопливо открывая дверь потайного чуланчика, но Салават с улыбкой тряхнул головой.

— Я теперь сам начальник, Максимыч, мне теперь не надо хорониться.

— Что же ты за начальник? — удивился Максимыч.

— Командир я. Тысячу человек веду башкир и мещеряков в Бикулову.

— К государю ведешь? — понизив голос, спросил Максимыч.

— К генералу Кару иду! — громко ответил Салават. Ему нравилось не шептаться, не хорониться никуда, не скрываться, и его забавляло удивление Максимыча.

— Да он чей, генерал-то? — допытывался Максимыч. — Царицын или государя Петра Федоровича?

— Царицы Катерины генерал. Самый верный генерал, — объяснил Салават. Даже Максимычу не решился он высказывать заветных мыслей, так тревоживших и мучивших.

— А тебе-то чем хороша царица?—спросил Максимыч.—Ну-ка, брат, зайди-ка сюда... Чем тебе царица хороша?—повторил он, вместе с гостем входя в чулан.

— А чем тебе царь хороша?—спросил Салават, не поддаваясь на откровенный тон знакомого.

— Вот дурень! Да царя-то народ ставит, стало, он для народа будет, а за царицу—бояре, так она чью же руку станет держать, как не боярскую?! А ты что за дворянин?

— Какой мой дворянин? Никакой мой дворянин! Наша царица наградить хотел!—продолжал лукавить Салават.

— Цари-и-ица!.. Награ-ди-ить!..—передразнил Максимыч.—Да государь тебя не меньше наградит—это тебе раз дело! А другое дело—государь обещает помещиков и заводчиков перевешать! А еще ты с Хлопушей ходил, а ума-разума и не выходил!

— А Хлопуша где?—спросил Салават.—Сюда не гулял?

— Хлопушу царицыны слуги, этакие, как ты, умники, опять в Оренбурге под караул взяли... Коли голову не срубят, в Сибирь пошлют!.. Ну да что я с тобой забалакался!—опомнился Максимыч.—Ты что, ночевать будешь?

— Нет, не буду, Рахмат!—сказал Салават.—Прощай!—Он вышел из дома и пошел к реке.

Река Ашкадар, холодная и быстрая, спокойно стремилась воды мимо него.

Салават сел над рекой на холодный большой камень. Он глядел в вечернюю воду, куда упали уже несколько тусклых звезд.

Невдалеке от того места, где он сел, лежала еще груда камней, поросшая кустарником. Ветер принес из кустарника голоса:

— Коли под Оренбург пойдем, там по логам уйти можно... Не итти же в царицны полки... Одним баям польза от этого, а ты что за бай? — уговаривал старческий голос.

— Какой уж бай? Не бай, да страшно. Две жены да шестеро ребят дома... Уйдешь к казакам — последнюю овцу возьмут от них.

— А как узнают?

— Да как не узнать? Командир наш на что? Я думаю, Салавата затем и послал отец, чтобы он выслужил перед царицей свою вину. Он теперь первый доносчик будет на всех беглецов.

Салават усмехнулся, слыша эти слова.

— А вот погоди, мы его попытаем, выпросим. Если так, то и ему живым не быть, потеряет голову по дороге. Разве можно на войне узнать, кто убил?

— Ну, другого поставят начальником, опять из баев, опять не слаще будет... Нет, боюсь я. Ты старик, да и один на свете, тебе легче, а я уж пожалею детей.

— С баями пойдешь? С собаками? — гневно спросил старик. И слышно было, как осыпался песок из-под его ног: видимо, он встал. — Коли так, прощай! Зря я говорил с тобой.

Салават притаился за камнем. Мимо него в сумерках прошел человек, другой нагонял его и бормотал что-то, оправдываясь. Все стихло. Только река молча катила воды, слегка плеща в берег. «Царица поймала Хлопушу и отрубит голову, — думал Салават. — Царь повесит помещиков и Твердышова... За царя — казаки, за царицу — бояре!»

Салават никогда не умел думать молча. Его дума всегда была мутной, пока не находила свою песню и только тогда, как песня, ровная и могучая, текла из груди.

Салават сам не заметил, как начал петь:

Несет Ашкадар холодные воды.
Батырь сидит на белом камне,
думает про царицу и царя,
про золото и про дуб.
Если золото бросить в воду,
золото пойдет на песчаное дно.
Если дуб бросить, дуб поплывет к морю..
Думай думу, молодой командир,
думай думу, товарищ!..

С реки прилетел ветер и принес холод. Салаватовы плечи вздрогнули. Он встал с камня. Он решился.

Царь обещал повесить Твердышова,
обещал царь казнить баев.

Салават пел это почти громко, но, подходя к пристани, опомнился и замолчал. Теперь, когда окольным путем узнал он от содержателя умета, чего хочет царь, ему не надо было долго раздумывать. Надо было только решить, как действовать. Слова старика за кустами еще крепче убедили его. Надо было однако узнать, что думают те девяносто человек, которые пришли с ним вместе, и что думают те девятьсот, которые пойдут завтра вместе с ними. Многие ли согласны с этим стариком? Как узнать это? Надо подслушать самому. Надо велеть Кинзе тоже подслушивать и выпрашивать, а там...

— Где ты был, Салават? Куда скрылся? — окрикнул его знакомый голос. Кинзя шел ему навстречу.

— Мне надо сказать тебе, Кинзя... — Салават обрадовался встрече.

— Что сказать?

— Мы не пойдем против Пугача, — сказал Салават, понизив голос.

— А куда пойдем? — удивился Кинзя.

— Мы пойдем против царицы.

— Так велел русский начальник?—спросил Кинзя простодушно.

— Так велел аллах. И река то же сказала мне. И ветер с реки, и белый камень... Так сказала мне песня. Слушай, Кинзя, царь обещал повесить Твердышова... А царица за Твердышова. Я не хочу пойти за царицу!.. — Салават зашептал торопливо:—Нынче ночью ты говори со всеми... Спроси тихонько... Это бунт... Ты тише, смотри!.. Громко нельзя говорить. Завтра утром скажешь мне, что народ думает...

— Ладно.—Кинзя помолчал.—Тебе не страшно, Салават?

— Я разве баба?—вопросом ответил Салават. Но, несмотря на презрительность ответа, Кинзя признался:

— А мне страшно... Большое дело... Страшное дело!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пошли бы мы, братцы, в солдатскую службу и сделали бы меж собою дружбу, чтобы злых врагов семя переводить...

(«Плач холопов» — народный поэт XVIII в.)

Салават почти не спал ночью — он думал о том, что взял на себя. Утром к нему подошел Кинзя.

— Не знаю, Салават. Все боятся. Никто ничего не знает... Кто говорит — надо за царя, кто — за царицу... За царицу хотят — из страха, что жестоко усмирять будут...

Салават велел созывать отряд в дорогу, а сам заехал снова к Богданову. Ассессор только что проснулся и завтракал. Напротив него сидел за столом писарь в очках и сургучной печатью запечатывал конверт.

— А, соловей! — встретил Салавата ассессор. — Входи, входи... Вот тебе пакет. Передашь в собственные руки — слышь, в собственные! Генералу Кару... Вот тебе пакет, — ассессор взял от писаря, осмотрел и зачем-то понюхал сургучную печать. — На дорогу возьми вот эту фляжку. Каждый хороший соловей водку пить должен. Теперь с богом!.. Кругом и марш!.. Нынче же в Бикуловой быть!

— Слушаю. Нынче будем!

Салават вышел за ворота. Вместе с ним вышел ассессор. Отряд стоял на улице.

— Одна сволочь! — сказал ассессор. — Как они драться будут? Давлетов! — позвал он громко. Тептярский

сотник выехал к нему. — Вот тебе начальник, Салават Юлаев. Не гляди, что он молод, зато удал. Он вас поведет куда надо.

— Латна, ваш благородья!

— Ну, с богом, — отпустил ассессор.

Кинзя подвел Салавату лошадь. Салават вскочил в седло и тронул коня. Тысяча коней тронулись за ним, по десять в ряд; с края каждого ряда ехал десятник. Сотня разделялась от сотни, впереди каждой ехал сотник.

Салават был впереди. Проехали мимо пристани. Впереди развернулась степь. Салават дернул поводья и поскакал быстрее. Он не подал никакого другого знака, но за ним быстрее зацокали копыта тысячи коней.

В голове Салавата таились не планы, а лишь мечты. Он думал, что надо все же что-то решить, что-то обдумать. Стягивал в узел непослушную мысль, но, как легкий дым, снова она расплывалась, превращаясь в мечту, и он снова ловил ее уже тогда, когда она таяла, превращая его в батыря и унося высоко в облака.

Но наконец с брызжащими фонтаном и бураном, мятущимися мечтами справился Салават и опомнился, услышав в стороне в лесу выстрел. Как знать, что за выстрел? Может быть, это знак, может быть, окружают? Салават сунул руку за пазуху и сжал пистолет. Несколько минут он был встревожен, но своей тревоги не передал другим. Выстрел оказался случайным и не повторился. Может быть, это охотник с одного из русских хуторов.

Но этот уже безопасный выстрел заставил Салавата подумать о той встрече с войсками, которая ему предстоит через два-три часа. Он остановил лошадь, повернул ее поперек дороги и поднял руку.

— Стойте, жягеты! — крикнул он.

Ряды смешались, кони сгрудились, положи морды на крупы передних. Заржали мордами сошедшиеся жеребцы, загремело разноголосое отпрукивание.

— Тише! Я хочу сказать вам... — крикнул Салават во весь голос, но на последнем слове голос его сорвался, и сердце забилося сильнее. Решено. Теперь уже некуда отступать. Он начал, а как примут его слова? Он был уверен в том, что башкиры послушают его, но мещеряки, тептяри?.. Совсем недавно было, в год рождения Салавата, еще свежа о том память, как тептярями и мещеряками предан восставший Батырша — сам мещеряк и верный мусульманин. Мещеряки и тептяри куплены русскими царями. За свое смиренное подчинение, за вечную верность мещеряки получили в собственность земли, а тептяри, платившие прежде дань башкирам, освобождены от ясака. Отряд был больше, чем наполовину из тептярей и мещеряков. Решившись говорить, Салават вдруг понял, что через несколько мгновений может произойти свадка, что тептяри и мещеряки не послушают его и, может быть, он окажется связанным и как возмутитель будет четвертован в Оренбурге.

Но уже поздно было останавливаться. Салават привстал на стремянах.

— Джегетляр! — крикнул он пронзительно и тонко. — Русский начальник велел нам итти в Бикулову на помощь войскам царицы. Под Оренбургом стоят воины русского царя...

Тихий ропот, возрастая, прошел в толпе. Салават вздрогнул и начал громче:

— Царь и царица начали войну между собой. За царицу идут баи, за царицу — русские помещики. За царя — казаки и весь бедный народ.

Снова в толпе пронёсся гул.

— Царь обещал удавить всех заводчиков и приказчиков, перебить всех заводских командиров!

— Бить их, не жалеть! — крикнули из толпы.

Салават продолжал:

— Царица строит у нас крепости, а если мы поможем войне, все крепости разрушатся, и мы будем жить на воле.

— На воле жить, на воле!.. Как звери!.. — загремели возгласы башкир. — Царь освободит нас от ясака. Все равно баба не справится с царем... Если мы пойдем за нее, нас же потом, когда царь победит, накажут!

— Бунтовать хочешь! — выкрикнул толстый тептярский сотник Давлетев, обиженный еще ранее тем, что Богданов передал начальство над отрядом мальчишке Салавату. — Бунтовать хочешь? — И он, грозя кулаком, направил к Салавату коня, но столпившиеся вокруг своего командира башкиры загородили ему дорогу.

Кинзя подъехал к нему вплотную и, так же как он, вытянул вперед руку со сжатым кулаком. Так стояли они, толстые и громадные, друг против друга, со сжатыми кулаками, сунутыми друг другу под нос. Была самая решительная минута: если Кинзя ударит Давлетева, мещерыки ринутся на башкир; если же первый ударит Давлетев, не смогут стерпеть башкиры.

Все мгновенно подобрали поводья, все замерло, все готовы были по первому знаку ринуться в свалку, тем более страшную, что противники стояли грудь с грудью, что толпа вся уже перемешалась во время речи Салавата, кроме кучки в девяносто человек башкир Шайтан-Кудейской волости, державшейся возле начальника.

Уже жеребцы Кинзи и Давлетева враждебно обнюхивали друг друга. Довольно одному из них куснуть другого — это все равно примут за нападение всадника, и свалки не миновать. Настала тишина, но в тишине грянул вдруг раскатисто веселый хохот Салавата. Сала-

ват прыснул самым безудержным смехом, показывая пальцем попеременно на обоих толстяков.

— Тэкэляр!¹— крикнул он и еще громче захохотал. — Тэкэляр сошлись!

И эти слова вдруг всколыхнули всех. Внезапно все увидали, что перед ними не грозные воины, стоящие друг против друга, а жирные упрямые бараны, застывшие в глупой пугающей позе. Тишина, которая наступила, не могла нарушиться исподволь, напряжение ее должно было прорваться в грозу, в бурю, гром. И она прорвалась. Буря хохота, бешеные широкие раскаты огласили стоянку.

— Бараны! Жирнозады!.. — взлетели из бури отдельные выкрики, и снова колыхало окрестности раскатыстым хохотом тысячи глоток, тысячи здоровенных грудей.

Кинзя и Давлетев поняли, что к ним обращен этот смех, на них глядят острые веселые зрачки тысячи товарищей. Смущенные, они разъехались угрюмо и молча, и вдруг жирный и краснощекий Кинзя затрясся легкой мелкой дрожью, покраснел еще больше, узенькие глазки его еще больше сузились, и он захохотал сам пронзительным и тонким смехом.

— Кышкырма! — крикнул уже Салават. — Тише, вы!

Но этот бешеный смех не так легко теперь было успокоить, он перекатывался по всей толпе с места на место, гремел и грохотал то с одной, то с другой стороны. Смеялись все и даже те, кто не расслышал из-за расстояния возгласа начальника. Наконец сама по себе буря стала утихать. Тептярский сотник Давлетев, смущенный и красный от жирного затылка до рук, сжимавших узду, до рыжей бородки и белков глаз, замешался в толпу немногих сочувствующих.

¹ Т э к э л я р — бараны.

— Все за царя!.. Все на заводчиков!.. — выкрикнул молодой башкирин, проталкиваясь вперед, подъезжая к Салавату.

— Кто за волю? Кто против баев? — крикнул Салават, и теперь уже толпа, слившая свой смех в сплошной гром, в один взрыв соединившая чувства, грянула звучно:

— За волю, за волю!.. За степь, за воды!.. За волю!..

Толпа ревела, как режут звери, как потоки режут, обрываясь с гор и с собой обрывая камни.

— За воду, за степи, за волю!.. Вешать заводских командиров! — кричали в толпе.

Двое башкир раздирали зеленый халат одного из них и, вздев на копье, подняли высоко над собой и громче всех кричали:

— За волю!.. За воду!.. За землю!..

Салават растерялся. Если перед тем он готов был уговаривать, звать, понуждать, то теперь, оглушенный криками, радостный, что все так легко разрешилось, он сам кричал азартно, повторяя призывные слова:

— За степь, за реку, за волю!..

И уже без команды, лавой, толпой, топотом четырех тысяч копыт, криками и ржанием коней, двинулся отряд на ближайший лесок, куда лежала дорога. И только когда проехали час-полтора, когда устали от крика груди, когда разногolosый и нестройный гвалт утихомирился, тогда из выкриков и из накипевшей и вырвавшейся наконец горячей беседы всадников друг с другом, можно стало различить слова:

— А что, коли царица победит, а не царь?

— Что же, казнили нас и прежде, отцы терпели...

— На то и идем, чтоб царь победил!

— А примет ли царь на службу?

— Царь всех принимает!

— Нам бы сейчас на крепость на какую-нибудь...

- Эй, Салават, води на крепость!
- А где пушки? Вот погоди — царь нам пушки даст!
- И пороху даст?
- А я думал — убегу сразу, как увижу казаков —
убегу к казакам,
- И я!
- Я тоже!
- У казаков пушки есть. Вчера стерлитамакские говорили, что казаки много крепостей взяли!
- На Уфу идут царские войска.
- Оренбург едва держится перед царем.
- Говорят, в Белебее чуваши убили попа.
- Приказчиков жгут.

Оказалось, что все знают что-то о восстании, что все собирали слухи и складывали в самые глубокие тайники, а теперь переполнились тайники, и текли новости, текла беседа, не беседа — галдеж, гомон, гам, тысячеголосая боевая радость, грозой кипящее ликование.

Салават выехал вперед на своем аргамеке.

— Стой! — крикнул он. — Слушайте! — И все стихло. — Царицыны солдаты ходят стройно, нападают дружно, а мы забыли порядок. Становись по десяткам! Сотники, вперед!

Когда войско выстроилось в порядке, снова все тронулись вперед, и теперь уже в голове Салавата роились не мечты только. «Теперь мы пойдем на Оренбург мимо генерала Кара. Быть бою! — думал он и старался представить себе, каков будет этот бой. — Только бы не предал Давлетев, не изменили мещеряки, — думал он. — Как быть? Не приставить ли к Давлетеву верных людей, чтобы следили за ним?»

Салават ехал с этими мыслями легкой рысью. Иногда он прислушивался к цокоту копыт за своей спиной, и сознание его радовалось тем, что он начальник их и почти уже герой. Ему нравилось, что сотни бывалых

в боях бородатых воинов ехали за ним и подчинялись ему.

Сколько времени прошло, Салават не знал. Справа мелькнули воды Салмыш-Елги. Салават ударил коня, но взглянул вперед и тут же сдержал поводья. Послушные его движению, как словам, сотни всадников взмахнули нагайками и так же сдержали коней.

Вперед навстречу им двигался отряд.

— Стой! — крикнул Салават.

— Стой! — повторили сотники, и вся тысяча людей стала. Салават обернулся к отряду.

— Это казаки. Это войска царя Петра Федоровича! — сказал он, и в голосе его дрожала тревога. Он и рад был тому, что все решалось само, что не надо было рисковать головой, что не надо было бежать от генерала Кара и трепетать измены Давлетева.

— Поезжай к ним вперед, Салават, говори за нас! — крикнул Кинзя.

— Поезжай, говори! — подхватили башкиры.

— И Давлетев пусть едет! — ответил Салават. — Тептяри пусть едут!

— Не надо Давлетева! Давлетев за баев! — шумно возразили из толпы.

— Пусть едет Давлетев вместе со мной! — повторил Салават упрямо.

— Пусть, пусть едет! — поддерживали из толпы.

— Поезжай один! — кричали другие голоса.

Сотник Давлетев, покручивая ус, выехал вперед.

— Я привык говорить с начальством, со мной-то не бойся!

Салават засмеялся:

— Ладно, с тобой я как в крепости!

Отряд напротив тоже стал. Навстречу отряду Салавата выехали двое людей. Салават наклонился с седла, поднял полу чекменя, вынул кинжал и, обрезав белую

подкладку, воткнул ее на пику и выехал навстречу всадникам. Давлетев ехал важно рядом с ним.

— Что за люди? Куда едете? — спросили, подъехав, казаки.

— Башкиры и тептяри разных дорогах, разных юртов, едем к государю Петру, — ответил Салават. — Вот пакет от русского командира в Бикулову к генералу Кару — его царю даем.

— А какие у вас помыслы, кто вас знает! — сказал недоверчиво казак, беря пакет.

— На служба пойдем! — не понявши как следует, но догадавшись, ответил Салават. — Все хотим служить государственной службе, кроме вот этот сотник, — указал он на Давлетева.

Давлетев покраснел.

— Джадид! собака! — крикнул он, но казак поднес ему кулак к лицу, и он замолчал.

— Сзади нас пойдете к государю, — сказал передний из казаков. — Я его полковник и выслан навстречу всех верных и покорных войск. А этого сотника мы с собой возьмем. Да ближе к нам не можете подъехать, как сейчас едете.

— Ладно, сзади, так сзади, — согласился Салават.

Он снова подъехал к своему войску, уже без Давлетева, которого, упирающегося, грозившего и что-то кричавшего, махавшего отчаянно руками, казаки захватили с собой.

Казачий отряд повернул назад, и позади отряда назад жерлами повернулись пушки, глядя в лицо Салавата и его войска.

Салават понял казачью хитрость и тронул коня.

Башкиры тоже поняли.

— Гяур — всегда гяур! — ворчали они. — Нашему брату нет веры. Гяур хоть отцом будь, и то за спиной топор.

— Нешто казак гяур? — возразил Салават. — Как они нам поверят?.. Погодите, вот прикажет царь, тогда будут верить!

— Предатель, — крикнул один из тептярей, — куда ты дел Давлетева?!

— Бей джадида! — крикнул другой голос.

Сзади слышались крики, возня и удары. Салават смущенно оглянулся; он думал, что началась свалка с тептярями.

— Что там? — крикнул он.

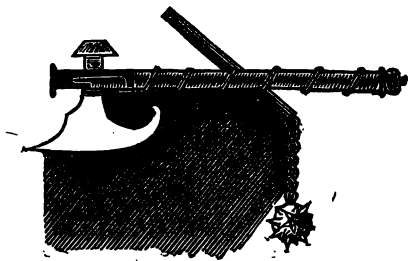
— Он крикнул: «Бей предателя!» — я его и убил, — выговорил тептарь, выезжая вперед и вытирая пучком травы кровавый кинжал.

— Как ты смел убить? — крикнул голос из толпы. — Вот тебя!..

— Так и надо! Шулайта ул ¹, — покрыли этот возглас сотни голосов. — Правильно сделал!

— Опять как бабы! — выкрикнул Салават всей грудью, так что голос его, резко прозвучав, покрыл другие голоса. — Все по местам!.. Сотники, вперед!

И, выстроившись снова, ровно и стройно двинулся отряд за своим молодым вожаком.

¹ Так его!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вот какие люди колебали государством.

(Пушкин. «История Пугачевского бунта».)

В Бердской слободе, отдохнув уже с дороги, в поздний час Салават вышел во двор. В соседней избе горел огонь. Занавеска на окне с краю загнулась, и Салават увидел внутренность избы. За столом сидел широкий чернобородый мужик лет сорока пяти, в красной рубахе с расстегнутым воротом, рядом с ним по одну сторону — молоденький паренек в офицерском мундире, только без эполет, а по другую сторону — одноглазый и зловещий сверстник бородача.

Кто-то дернул Салавата за бешмет. Он подался назад. Перед ним стоял встреченный им еще у въезда в слободу сын татарина Салтана — Ракай, которого узнал он за время своих странствий.

— Уйди лучше, Салават, а то еще кто-нибудь плохо про тебя подумает... Этот вот в красной рубахе и есть царь, — прошептал Ракай.

— Этот? — тоже прошептал Салават. — Ну, погоди... — И он снова почти вплотную прислонился к окну.

В это время чернобородый поднял лицо и взглянул в окно.

Салават отпрянул.

— Я его знаю! — успел только сказать он.

— Кто там? — крикнул, распахнувши окно, бородач.

Салават скользнул в овечий закут. Ракай остался в полосе света один,

— Это я — Ракай.

— Ты чего тут подслушиваешь, Ракайка?

— Я ведь не подслушивал, — отвечал Ракай. — Я нешто знал, что ты здесь? Так я в окно глядел — поздно не спят.

— Ну, ладно, спи иди. О себе лучше заботься! Что тебе о других забота?

— Коней смотрел... У Салавата больно аргамак хорош...

— Ну ии береги, коли хорош. Салаватка — он гость наш, чтобы его коню, как гостю, самый сладкий овес был!

— Ладно, весь сладкий.

— Ну, то-то... А в окна не лазь вперед, а то невзначай приму в ночи-то за лазутчика, да и застрелю по нечаянности из пистолета.

Пугачев захлопнул окно и скрылся.

Ракай пошел прочь.

— Салават! — тихо позвал он, но того не было; он уже лежал на мягкой, взбитой высоко перине и вспоминал свою встречу на берегу Иргиза, когда с Хлопушей ожидал бродя: Бородач, подъехавший тогда с казаком, и был царь.

«А может, похож только? — думал Салават. — Может, не он? Да нет, этот же и голос... А как он ловко тогда купцом прикинулся! — Но тут же ему пришла другая мысль: — А может, это купец теперь царем прикинулся, а не царь — купцом! Ну, ладно, завтра лучше увидим», засыпая, подумал он и сладко потянулся в жаркой перине.

Проснулся Салават от криков на улице под окном. Он вышел и, расспрашивая бывших в толпе, узнал, что из осажденного Оренбурга гарнизон сделал вылазку и многие побиты из оренбуржцев, а троих привели в плен.

Тут же на улице молодому казаку, несмотря на холод и мелкий осенний дождь, сняв рубаху, перевязывали двое товарищей простреленный бок.

Самый вид раненого казака, со страшной руганью сучившего кулаки на Оренбург, и кровь, окрасившая рубаху его, сильно взволновали Салавата. Он сжал кулак, сердце его застучало громче.

«Вот и война начинается», подумал он, и все героические мечты, с детства тревожившие его мысль, вдруг собрались воедино, как бы принесенные каким-то чудным ветром из глубины прошедших годов, и ураганом заструились в голове. Страсть охотника и бойца закипела в нем той же сладкой истомой, какой клотала она при наезде на твердышовскую толпу мастеровых, так же, как и в детстве, когда выезжал на охоту за орлами.

Целый день бродил Салават, как чумной, по улицам слободы; он не знал, чувствовать ли себя пленником или добровольным гостем.

Укрепленный Оренбург будил в нем жажду битвы. Видя множество людей с оружием, подъезжавших со всех сторон к слободе, он не понимал, почему это полководец, их царь, не велит им тотчас же взять Оренбург и позволяет празднично сидеть в кабаках слободы, пьяными шататься по улицам да играть в орлянку.

«Был бы я здесь главным командиром, — думал юноша, — я бы показал гяурским генералам... Я бы не стал дожидаться, пока на помощь Оренбургу придут солдаты, а тотчас бы взял город!..»

Уже в полдень он стал с удивлением думать о том, почему его не зовут к царю. «Разве не нужна ему помощь?» удивлялся Салават. Нетерпенье мучило его. Раздраженный видом казацкой раны, он уже не мог думать ни о чем, кроме сражения.

Он почти не прикоснулся к еде и только, слыша изредка редкие одиночные выстрелы, которыми казачьи разъезды обменивались с осажденным гарнизоном, каждый раз при выстреле хватался за пистолет, заткнутый за пояс.

В томлении от безделья Салават лег на постель. В это время к нему вошел казак и позвал его во «дворец».

Салават, следуя за казаком, вошел на крыльцо избы; в занавешенное окно которой подглядывал вечером. Посреди избы в кресле сидел царь. Салават удивился убранству стен, оклеенных золотой бумагой и придававших внутренности избы торжественный вид.

«Мечеть — вроде не мечеть, а сразу видно, что не простой дом», подумал он. Он почтительно взглянул на царя, сидевшего в кресле.

— Башкирский батырь Салават Юлаев пришел, государь! — доложил казак.

Пугачев взглянул на башкирина.

Юноша смутился, что его называли батырем не в шутку, а всерьез, перед царем. Это его взволновало, но в то же время он не знал, как вести себя, — напомнить ли царю, что он уже встречался с ним на Иргизе, спросить ли про Хлопушу как знакомого, или царь, «объявившись» теперь, уже гнушается такими, как Хлопуша. Голос Пугачева прервал размышления батыря.

— Якши-ма, батырь, здорово! — сказал Пугачев. Он испытующе глядел на Салавата черными блестящими глазами. — Хитер ты, батырь!.. Не ждал я башкирцев так скоро под свою руку... Читали мы пакет богдановский... Ловко ты его обошел! Поднесите-ка ему чарку за наше здоровье, — обратился Пугачев к казакам. — Или ты не пьешь?

— Потом пьем, государь. Прежде надо про дело калякать. Пьяный человек что может? Пить успеем.

— Ах ты, фигура с глазами! Вот, детушки, на кого глядя, учись, — снова повернулся Пугачев к казакам. — Ну, что же, ладно, батырь! «Пьяный какое дело может»... Верно, будь по-твоему — после выпьем!

Два казака принесли табурет, поставили на середину комнаты.

— Садись, батырь, давай про дело калякать, — сказал Пугачев. Салават ему нравился, речь его стала более приветливой и ласковой. — Сказывай про башкирские дела, Салават-батырь.

Салават сел.

«Вот так царь, — думал он, — совсем как простой мужик. Хороший царь... С таким можно дело делать и кунаком быть, только бы не стало, как с нашим ханом, про которого отец говорил». Салават вспомнил рассказ Юлая о Кара-Сакале.

— Что же ты, батырь, сколько ты войска мухамеданцев под нашу царскую руку привел? — спросил Пугачев важно.

— Теперь щать тысяча будет, — ответил Салават.

— Знатный подарок! — сказал Пугачев. — Завтра же и дело им дадим, скажем, куда вести их. — Пугачев погладил бороду. — А много ли казны у тебя?

— Щиво? — не понял Салават.

— Казны, казны! — пояснил Пугачев. — Акща купма?

— А-а, акща! Бар... Купь-тугиль, ну, бар все-таки на наших кудейских по рубля на морда будет!¹

Невзирая на отказ Салавата и видимое согласие с ним царя, два казака хлопотали у стола. Толстая дюжая баба резала солонину и огурцы, расставляла чашки для водки.

— Акща, брат, нужная штука, нам ее копить надо, без нее наших врагов, господ, нам не одолеть, а у

¹ Денег много ли? А-а, деньги! Есть... Немного, но есть все-таки.

них она вся в руках, и наша государская, и ваша народная акща, — поучал Пугачев. — Ты, брат Салават-батырь, молод еще, каши мало ел, не смыслишь всю ее силу... Ты ее копи, казну. Мы тебе прикажем из нашего казначейства пятьдесят рублей на расходы выдать, так ты их на баб да на сивуху не бросай зря, береги, врагов у нас много!..

— На стол постлано, государь, изволь кушать итти, — проговорила нараспев баба.

— Ишь ты, ягода, ласково как зовет, и не откажешься!.. Что же, Салаватушка, дернем, что ль, по чарке, так веселей будет!

— Ну ладно, дернем, што ль, государь-сарь¹ Петра Федырыщ! — торжественно и неохотно согласился Салават.

— Правильно — Петра Федырыч!.. Запомнил ведь, сукин кот! — весело воскликнул царь.

— Как не помнить — большой человек ведь... Туря!²

— Погоди, батырь, мы с тобой еще больше станем... Ну, брат, на вот, бери эту чарку. Сюда, сюда, по правую руку садись, почетным гостем будешь... Ну, со встречей, да погоди, как это... Господа енералы. Мы, государь всея Руси, проздравляем вас с новым союзником, а Салавата-батыря жалуем чином полковника и с чином проздравляем. Будь здоров, полковник, и вы тоже, господа енералы!

— За твое здоровье, государь! — выкрикнул бывший офицер Озерной крепости, ныне придворный Пугачева. Все выпили.

Пугачев не даром торопил всех к столу. Он надеялся, что подвыпивший башкирин будет сговорчивей, чем трезвый. Не в расчетах Пугачева было довольствоваться

¹ Башкиры часто в произношении русских слов заменяют «ц» «с» и «ч» «щ».

² Туря — начальник.

ся пятью сотнями башкир. Много бродивший по Уралу, знал он башкир как самый отважный и отчаянный народ и не на шутку опасался, получивши вчера еще известия со Стерлитамакской пристани, что башкиры высланы против него. Когда же внезапно перешли они на его сторону, Пугачев задумал поднять среди них настоящий мятеж. Потому и не звал он долго башкирина, что совещался со своими любимцами и главарями бунта. Теперь было решено, принявши войска, Салавата обласкать и во что бы то ни стало отправить назад в Башкирию для поднятия одноплеменников. Пугачев опасался только того, что Салават откажется ехать.

В Башкирии в это время уже действовал пугачевский вербовщик, но Пугачев знал, что с башкирами он не ладит миром, а здесь представлялся случай прислать к ним своего же молодца, которому они больше поверят, чем гяуру Грязнову.

— Даем мы тебе, Салават-батырь, наш царский указ, чтобы итти тебе обратно в башкирцы и новую силу собирать, а которую привел, — здесь оставь... Отец у тебя, сказывают, старшина, так и его зови с собой, — говорил Пугачев плавно, несколько даже нараспев. — Царь-де приказал, чтобы, на губернаторские указы не глядя, войска собирать да под Уфу отправлять на помощь нашим полкам, что под Уфой стали, да на заводы, а чтоб заводских людей не обижать, а управителей и командиров заводских вешать, буде против них народ говорит или нашему имени противны... Понимаешь, батырь?

— Понимаю, государь, — подтвердил Салават. — А самого исправника тоже вешать можно?

— Коли зол исправник — и исправника вешать, и дьяков, и писарей... Даже, батырь, и попов вешать можно, и всякого, кто против нашего приказу, против

нашего имя!.. А с православными же мужичками дружба веди. Пуще не вели ребятам своим церкви грабить — оттого между своими замешанье пойти может.

Салават слушал внимательно.

— Ну, выпьем еще, — предложил Пугачев, — чарка делу не помеха...

Все выпили.

В ушах Салавата, почти ничего не евшего за день, от выпитого вина стоял шум.

— А как одолеем воров, — слышал он издалека откуда-то голос царя, — так и живите вы, башкирцы, по вольной воле своей, как ваш обычай велит — как звери в поле, на просторе на вольном.

— Не больно простор ведь!.. Урус больно много пришел в наша сторона, — возразил Салават. — Наши башкиры тебя просят — вели урусам на другой земля гулять!

— Чудак, — возразил Пугачев, — да господ же не станет!..

— Ну, не станет? — полувопросом ответил Салават.

— Ну, так народ заводской на землю уйдет, на родные места... Я тебе указ дам...

Последнее Пугачев сказал необдуманно — он не ждал такой просьбы, но минута была важная: любое чело-битье нужно было уважить, надо было угодить башкирам.

— Все по своим домам пойдут — не удержишь! — вставил одноглазый генерал, вчерашний собеседник Пугачева. — Все уйдут. Наш русак ведь к земле привычный, а у вас и пахать-то нельзя, господин полковник, все урусы уйдут!..

— А если не послушает, не гулят? — опасливо спросил Салават.

— Гулят!.. Чудак ты! Как не гулят, когда мы указ даем? — твердо возразил Пугачев. — Им по заво-

дам не сладко жить!.. Вот видишь, и люди говорят... Одна беда им!.. А которых с собой зови на помощь нам, чтобы в твое войско шли...

— Все встанут, все пойдут!—подтвердил одноглазый.

— Ну, вперед всего ты башкирцев своих подыми, чтобы все с нами шли, и скажи, что я обещал заводы нарушить и всех русаков из вашей земли вывести.

— Ладно, ладно!—удовлетворенно соглашался Салават.

— Завтра поутру тебе приказы дадим наши, письма с собой возьмешь... А теперь вот мы про что тебя спросим: Богданов тебя соловьем в письме зовет насмех, да ты, и все говорят, песни мастер играть, вон и Ракай сказывал то же. Потешь-ка нас с генералами.

— Наша ведь русской песни не знаем... простой башкирский песня поем.

— Валяй, валяй! Мы понимаем! Блям башкирща, блям!¹ Моя в Петербурхе главный мулла учителем был во дворце. Я, брат, всякий язык понимаю, и немецкий, и французский, и башкирский.

— Parlez vous français, mon empereur?—спросил пьяным голосом Войцехович, офицер из Озерной.

— Чего?—не понял было Пугачев.—Ах, да,—спохватился он,—это ты по-немецкому!.. Мы с тобой потом побалакаем. А пока давай Салаватку слушать.

Салават откинулся назад и закрыл глаза.

Э-э-э, э-э, э-э-э, э-э...—

запел он сначала без слов, тихо и печально.

Юрузень, родная река,
по твоим берегам камыши,
по другим берегам камни.
Быстра ты, река, шустра...

¹ Понимаю башкирский, знаю!

Пугачев закрыл глаза и подперся локтем. Генералы легли локтями на стол. У двери стала, пригорюнившись, баба-хозяйка и за ней горкой мал-мала меньше четверо белоголовых ребятишек, раскрывших рты.

Салават пел:

Пришел урус с лопатой,
много урусов пришли с ружьями.
Они копали в горе землю,
они построили у нас заводы.
И твои Юрузень, высокие берега
загадили, напустив свиней...

Салават остановился, передохнул и снова тонко и пронзительно запел, забираясь выше и выше:

Пускай ноздри мои вырвут,
пускай уши и язык отрежут,
пускай очи мои выколют стрелой,
ветер твой сладок будет и рваным ноздрям, Юрузень.
Искалеченные уши услышат плеск твоих вод, Юрузень.
Язык мой не сможет славить тебя,
но и мертвые глаза запомнят красу твою, Юрузень,
а-а-ай!

Голову отрубив, на пику воткнут, пускай.
Руки и ноги, пытая, переломают,
за ребра повесят на железный крюк,
как делали с отцами нашими...

Певец внезапно встал с табурета, набрал полную грудь воздуха и вдруг ставшим, как медный колокол, гулким и громким голосом закончил:

Не отдадим красоты твоей, Юрузень, родная река,
пока воды твои не покроются нашей кровью,
пока с водою кровь наших детей не будем пить!..
Все на войну, седлайте все аргамаков,
и брюхатых кобыл не жалейте — после ожеребятся!..
Девушки, продавайте алмизю!¹
Все на последнюю, на самую страшную войну!..

¹ Алмизю — накладное украшение из монет, монисто.

Салават выхватил из кармана пистолет и выстрелил в потолок. Пугачев последовал его примеру.

— На веревки злодеев наших! Тряхнем Москвой, чтобы зашаталась! — закричал он.

Задремавшие генералы вскочили, испугались. Один из них схватился за пистолет. Ребята на печи заплакали.

Пугачев ударил по столу кулаком так, что забренчала падающая посуда.

— Бик ярар!.. Якши, Салават, якши!¹ Вот это удружил!.. Вот знатно поешь, верно, что соловей, в рот тебе ситного!..

Песня, хоть башкирская, хоть без половины слов, самым мотивом, самой вдохновенностью своей взволновала Пугачева, он даже изменился в лице: стал казаться выше ростом, величавее, и черные глаза его горели, как огни, но ему нехватало этого возбуждения и хотелось песен еще и еще, русских песен.

— Ну, а теперь мы нашу русскую песню споем, — предложил Пугачев. — Ее наш енерал один сложил, царство ему небесное, повесили его третьего дня наши вороги. Споем, господа енералы.

И Пугачев первый, не дожидаясь согласия товарищей, затянул:

Голу-ба-ая степь, леса те-е-мные,
реки быстрые, воды чистые...

КазакИ подхватили нестройно:

Вы укройте, леса, нас, станишничков,
напой, река, беглых каторжников...
А ты, степь ли, степь наша ровная,
ты неси коней глаже скатерти...
Мы задумали дело правое,
дело правое, думу честную:
мы царицу, шлюху поганую,

¹ Очень ладно!.. Хорошо, Салават, хорошо!

приздумали с трону спихивать...
Мы дворян-господ—на веревочки,
мы дьяков да ярыг — на ошейнички...

В напеве, в гуле одних мужских, грубых и могучих
в грубости своей голосов гремел бунт, дрожала на-
стоящая страшная гроза.

Генералы смолкли, снова тянул один Пугачев, от-
чаянно мотая в такт взлохмаченной пьяной головой:

Мы заводчиков — на березоньки,
а честных крестьян — на волю вольную...
А коли придет покориться нам,
сложим головы непокорные,
под катов топор, под страшной удар,
сложим буйные, эх да головушки...

Хор подхватил и яростно, грозно закончил:

Голубая степь, реки чистые,
леса темные, горы крепкие...
Ой жги, бей, жги-говори, говори!
Мы залумали думу честную...
думу че-естну-у-у-у...

Угрюмо и грозно прогудел хор и смолк. Никому не
хотелось говорить.

— Что же, батырь, какова наша песня? — спросил
наконец Пугачев.

— Хороша, государь, больно хороша... Жалко, што
шагира¹ повесили! Кто вешал, кабы поймать, я бы
ему своя рука башку резал! — горячо ответил Салават.

— Погоди, отрежешь еще, — усмехнулся Пугачев.

— Отрежу, совсем отрежу! — убежденно подтвердил
Салават, сверкнув глазами.

— Ну, что ж, господа казачество, не пора ли нам
пора, чего делали вчера? — спросил Пугачев нараспев.

¹ Шагир — поэт.

— Спать ложиться, — добавил один из компаньонов.

— Кому спать, а кому и дело делать!.. Ты, полковник, останься...

Гости стали собираться и, толкаясь, вышли. Пугачев, одноглазый генерал и Салават остались в избе.

— Ну, вот теперь, батырь, скажи, что до вашей стороны слух дошел про меня? — спросил Пугачев, глядя испытующе-пристально на Салавата.

— Дошел слух! Как не дошел, когда против тебя людей собирают, солдаты ездят!.. Только ты не бойся, — успокоил Салават, — ничего они сделать не могут, все равно башкирцы за тебя!.. Мы пришли, другой тоже придет... Ты на Стерлитамак-пристань пошли башкир и казаков, там командир Богданов еще башкирцев да тептярей ждет, опять встречать надо, как нас встречал твой Овчинников.

— Правильно, полковник, встречу надо послать, это мы сделаем, а ты поезжай в башкирцы да там поднимай, чтобы другие уж и не заезжали к Богданову, а прямо сюда, ко мне, ехали да под Уфу, на помощь Зарубину Ивану, что там с полками стоит.

— А что башкирцам обещать, государь?.. Знаешь ведь, чтобы итти, надо знать, какая милость твоя будет... Ты ведь калякал, что урусов из нашей земли гонять будешь... Когда такой надежда дашь, все пойдут с тобой, только без обмана чтоб. Если обманешь — кому верить будем?

— Чудак ты! Наше царское слово верно, только вы подымайтесь, а уж я никого не обижу, у меня собаки, и те обиды не увидят! Нешто царь обманщиком бывает? Заводским мастеровым скажи, что царь их всех вольными казаками жалует, крест и бороду дает, пускай-де живут на воле и господ не знают, а которые землю пахать привычны — землю пашут, а иные без запрета реками, озерами владеют и рыбу ловят, и каж-

дый волен жить, как хочет. А еще скажи: велел-де царь на ворованной купцами земле поставленные заводы жечь, да дома, да службы — тоже, а самим итти на вольные земли в Кунгурский уезд да за Косотур¹, в Сибирь. Чуешь?

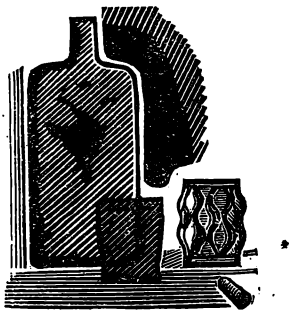
— Чую; государь.

— Утром листы возьмешь про все, а теперь прощай.

Пугачев зевнул и потянулся.

— Прощай, государь! Рахат-екклы!² — ответил Салават, выходя.

Наутро Салават получил от одноглазого царские указы и письмо, получил обещанные Пугачевым деньги и выехал домой.

¹ Косотур — старинное название Златоуста, от хребта Косотур.

² Рахат-екклы — спокойной ночи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*В молодое время беги быстро
подобно промчающемуся по степи
олению. Минет срок, и под старость
лет согнешься, подобно черной змее.*

(Из башкирской песни),

На обратном пути Салават не отдыхал, да и некогда было отдыхать. Кроме того, что должен был он собрать войска, еще тревожила его другая забота: он был уверен в том, что Иштубай вернул себе Гульбазир силой назад из родительского дома, да и старики, конечно, тоже уговаривали ее возвратиться к мужу и пугали гневом аллаха. Мысли Салавата были заняты красавицей Гульбазир.

Подъезжая уже к стерлитамакской пристани, он вышел из задумчивости.

«А что если меня узнают там, схватят, приведут к Богданову?» мелькнула страшная мысль. Но свернуть в сторону было уже поздно. Окольные дорожки остались позади. Из суеверия он не повернул назад, а свернул без дороги и тропинки прямо в лес.

Деревья лохматой толпой обступили его. В небе блеснули первые яркие осенние звезды — четкие и частые, предвестницы ненастья. Кружились бездельники-листья, срываемые ветром. Конь шевелил ушами и слегка вздрагивал. Протяжный, унылый звук встревожил Салавата. Он вынул и осмотрел пистолет, ощупал сукмар за седлом, тронул стрелку в колчане и короче подобрал повод. Конь сильнее прят ушами, и заунывный, как плач, протяжный звук повторился, усиленный новыми голосами: выли волки.

Конь ступал осторожно, боясь повредить копыта сухими сучьями. С плачущим криком мелькнуло почти под копытами белое пятно — заяц.

Лес, враждебный, осенний, ночной лес обступил Салавата со всех сторон и, как цепкие руки, протянул голые черные сучья. Холодно. Вдруг впереди мелькнули два зеленых огонька. Салават снял лук, вынул стрелу из колчана и, не дожидаясь нападения, пустил ее между двумя огнями. Послышался быстрый треск сучьев, прыжки и жалобный вой. Зеленые огни исчезли, но сразу явились через минуту вместо двух шесть огней. Конь фыркал тревожней и весь дрожал мелкой дрожью. Салават бодрил его шпорами, посвистывал ободряюще. Волки, слегка отступая, подвигались все ближе. Сначала их было штук пять, потом восемь, потом они так мелькали, перебегая с места на место, что уже нельзя было счесть зеленых свечей их глаз.

Салават снова наложил стрелу, тпрукнул и спустил тетиву. Волки взвыли, готовясь к приступу. Юноша по рассказам знал этот вой. Он вынул из кармана пистолет, снова перекинул через плечо лук — он уже был бесполезен. Салават держал в одной руке пистолет, в другой — сокрушительный сукмар...

«Хоть бы поляна встретилась, — мелькнуло в голове Салавата, — хоть бы маленькая тропинка, чтобы можно было пустить вскачь аргамака».

Но поляны не было. Звери нагнали. Уже рядом, в десятке шагов, зеленели огни их глаз. Салават вытянул руку с пистолетом. Страшный вой, раздавшийся вокруг него, заставил его задрожать, как дрожал под ним конь. Салават оглянулся — сзади, с обоих боков, впереди, везде кругом блистали глаза хищников. Аргамак взвился на дыбы и уже сам без всякой осторожности скакнул вперед навстречу страшным врагам. Салават выстрелил из пистолета в самую гущу.

зеленых огней. С новым воем, протяжным, отчаянным и злобным, ринулись звери, и сзади себя Салават услышал хриплое, тяжелое дыхание зверя. Он наотмашь ударил сукмаром назад, но уже у седла под лошадью появился второй хищник. Салават ударил и его по голове утыканной гвоздями дубиной, еще двое ринулись спереди... Салават потерял счет. Сукмар подымался и обрушивался на головы зверей, обрызгивая мозгами и горячей кровью лицо батыря. Аргамак бил задними копытами, но звери не отступали. Уже с десятков их было повержено, иные лежали неподвижно, иные волочились и выли лежа.

— Аллах, иллагги алла! — крикнул отчаянно Салават и вдруг острым, как у зверя, чутьем услышал запах дыма. Он оглянулся — справа горел огонь.

Салават отчаянно дернул повод, поворачивая коня, но аргамак растерялся и обезумел. Звери, отступившие было под ударами батыря, снова шли на приступ. Правая нога Салавата была прокушена одним из них в икре, аргамак был тоже ранен зубами хищников. Салават с отчаянием снова начал наносить удары ринувшимся на приступ хищникам, но в то время как он увлекся, свалив слева еще троих волков, он почувствовал страшную боль с правой стороны у плеча и на щеке: волчица, бросившаяся на него, ошиблась — она рассчитывала впиться в шею, но лязгнула зубами по щеке и сорвалась; тотчас же она упала с разбитым черепом... Салават взглянул вправо; огонь, о котором он забыл, приближался из леса.

— Держись, правоверный! — раздался крик.

— Держусь! — радостно ответил Салават, обрушивая новый удар сукмара на голову зверя. — Держусь! — повторил он, нанося второй удар и уже приговаривая снова с каждым ударом: — Держусь, держусь, держусь!..

Иа-за деревьев двигался щуплый безносый старичок в зеленой чалме, с огромной горящей головней, которой он размахивал вправо и влево. Звери ринулись от него врассыпную.

— Прочь, воры!.. Прочь, разбойники!.. Разве можно нападать на батыря? Что вы, не видите — он правый? Не видите вы, проклятые, знамя аллаха — звезду во лбу его? — так приговаривал старик, размахивая головней, сыпавшей искры.

Звери разбежались и щелкали зубами из-за стволов. Старичок взял аргамака под уздцы.

— Салам-алейкум, жягет! — сказал он.

— Алейкум салам, — ответил Салават.

Старик, размахивая головней, повел аргамака между деревьями. Звери метались в кустах, а сзади, на месте битвы, уже раздался их торжествующий вой.

— Теперь не тронут, — сказал старик, — теперь они, как люди, жрут братьев своих, павших под твоими ударами!..

Салават был слишком утомлен битвой, чтобы размышлять, был слишком близок к смерти, чтобы сомневаться в том, что с ним произошло чудо.

— Ты святой, — сказал Салават.

— Аллах едва терпит грехи мои. Разве святой я? — ответил старик скромно.

— Но ты был у гроба пророка¹, — возразил Салават.

— Я бедный монах, — ответил старик, — просто монах, в старости спасающий душу от джинов.

Салават увидел за деревьями хижину, обнесенную изгородью, и какой-то навес.

— Войди, батырь, в дом, — пригласил старик, — и позволь мне, старой жабе, служить воину, достойному быть султаном.

¹ Знаком паломничества к гробу Магомета служит зеленая чалма.

— Рахмат, аулия! Ты слуга аллаха, подлинный и благочестивый. Бедный странник благодарит тебя за спасение грешной жизни его и за кров... Но где взял ты эту головню?

— Войди—и увидишь... Я живу здесь уже десять лет со своими пчелами и молитвой. У меня нет по старости сил колоть дрова, и я топлю свою хижину тем, что сломит для меня ветер аллаха. Это бывает редко—мелкие сучья. Поставь своего аргамака под навес. Звери не придут сюда. Аллах хранит меня. Войди.

Салават вошел. В очаге пылали сучья, одним концом воткнутые в огонь, другим—лежавшие на полу.

— Подкрепись, батырь!—сказал старик, когда Салават совершил омовение, и он подал ему деревянную чашку, наполненную медом и зернами дикой конопли.

Салават предложил ему хлеба, но старик отказался:

— Я не ем хлеб и отвык от него. Аллах питает меня тем, что растет в лесу, а тебе еще нужен хлеб. Береги его, тебе лучше не выезжать к гяурским аулам.

— Почему ты так говоришь?—изумился Салават.

— Я сам был молод,—ответил старик,—и был храбр, но все же предпочитал встречу с волками только тогда, когда на самого меня охотились как на волка.

Огонь плясал в очаге. Салават, закусив с дороги, молча глядел в огонь.

— Ну, расскажи, жягет, куда едешь и кто с кем воюет? Я уже стар стал для войны, но могу дать совет. Когда я был моложе, не знали башкиры имени, блистающего ослепительней, чем мое имя...

— Кто же ты?—с любопытством спросил Салават.

— Теперь уже нет меня,—ответил старик,—я Мухтар-пасечник... Иногда ко мне заезжают купцы за медом, иногда приходят медведи, скоро придет ко мне последний гость—посланец аллаха. Я дам ему чашку с жизнью моей. Горек и сладок мед этот и долго

застоялся в мехах моего тела, и перебродил, и стал хмелен, так что уже голова моя кружится, когда вспоминаю. А мех истлел, и драгоценный напиток воспоминаний утекает, и пустота старческого безумия наполняет сосуд... Лучше пусть пьет посланец аллаха Азраил, чем истечет на землю драгоценное питье!..

Старик склонился к очагу, и Салават заметил, что у него нет уха. Салават вздрогнул, взгляд его скользнул на руки старика — на руке нехватало пальца.

— Салтан-Гирей, хан! — воскликнул Салават. — Я сын твоего брата Юлая!

Старик задрожал испуганно. Нельзя было поверить, что этот дряхлый старец, трепещущий от одного слова, только что с головней шел против сотни волков.

— Не упоминай этого имени, жягет! Неужели живо еще в народе несчастное это имя? Нет больше того человека, которого ты назвал... Здесь живет отшельник Мухтар!.. Лучше спи! Я не хочу твоих рассказов... Спи... Рахат-екклы!

— Я пойду напоить коня, он, верно, съел уже овес, — сказал Салават, вставая.

— Спи, я сам напою его, — решительно возразил старик. — Рано утром ты поедешь...

Старик вышел. Как ни был Салават взволнован нападением волков и тем, что встретил этого странного отшельника, дрожащего от имени башкирского героя, усталость взяла свое, и он уснул на медвежьей шкуре, посланной на земляной пол.

Проснулся Салават от звуков молитвы, слабым, дребезжащим голосом читаемой стариком. Большая седая борода серебрилась на солнце. Обратясь на восток, старик молился. При солнечном свете Салават увидел на стене хижины богатое оружие, и все сомнения пропали. Старик кончил молиться или просто устал, он сел на собственные пятки.

— Кара-Сакал-агнай! ¹ — окрикнул Салават.

Старик вздрогнул, но тотчас оправился.

— Моя борода бела. Кого зовешь ты? — ответил он. — Что за джин обманывает тебя?

— Мухтар-агай, — поправился Салават, — я еду.

— Поезжай, жягет, сын Юлая, — прибавил старик. — Волчица прокусила тебе плечо — значит, плоха на тебе кольчуга. Прежде чем ехать, ты возьми вот эту одежду... Возьми, вот... Возьми — вот кинжал, вот сабля... Мне ни к чему это все...

Салават послушал старика и переоделся, не зная слов для достойной благодарности.

— Тебе в торока я насыпал овса — береги его: сытый конь дороже всего! Не отдавай без крайности больше половины из каждого мешка. Береги! — говорил старик.

— Хорошо, Мухтар-агай, спасибо.

— Не за что! Прощай, батырь. Позволь мне поддержать твое стремя. Это в последний раз... Уже близок последний гость... Мой первый сон будет уже последним... Слишком ветхим оказался сосуд и крепким мед. Ты встряхнул его, и он бродит... Прощай, жягет.

— Хош!.. Рахмат. Хош!.. ² — Салават вскочил в седло.

— Поезжай на полночь — скоро будет тропинка, тогда свернешь на восток, до самой реки она приведет — до Лемезы, потом после брода гони сильнее коня, чтобы не простыл... Пуще всего береги овес! — учил старик. — Хош!..

Салават тронул поводья и уже отъехал и скрылся за деревьями, когда услышал возглас:

— Сын Юлая!

— Что? — откликнулся Салават.

— Береги торока с овсом!.. Прощай!

¹ Игра слов: Кара-Сакал — значит черная борода, а старик возражает: его борода бела.

² Прощай! Спасибо! Прощай!

— Прощай! — крикнул Салават.

К вечеру Салават подъезжал к родным полям. Он переправился через Лемезу и Сюм и гнал коня, чтобы тот не простыл.

В стороне от дороги услышал он возгласы и топот сотни коней. Салават выехал наперерез отряду. Молодой командир поехал ему навстречу. Богатство Салаватовой сбруи, видимо, поразило его. Салават остановил встречного возгласом:

— Стой, останови воинов!

Сердце Салавата забилося: если бы воины оказались верными царице, ему грозила гибель. Он был один.

— А ты кто таков? — запальчиво воскликнул башкирин. — Юлбасар¹ несчастный... Мы не купцы, а воины. Как бы не растерять тебе подков, удирая!..

— Я тот, кому приказано встретить тебя, — ответил Салават важно. — Останови воинов! — Он старался быть спокойней.

— Стой! — крикнул всадник отряду.

Башкиры стали. Всадник подъехал к Салавату.

— Как тебя зовут? — спросил Салават.

— Сотник Акджягет, сын Клыч-Мурзы Алакаева из Катайского рода. А ты кто такой?

— Я — Салават, сын Юлая Азналлина из рода шайтан-кудеев и царский полковник. Куда ты ведешь отряд? На Стерлитамакскую пристань? Царь приказал не ездить туда, а всем ехать и разорять заводы да собирать башкир против царицы... Вот его бумага. — Салават вынул из-за пазухи пугачевский манифест. — Я прочту воинам. Вот, гляди, мое царское письмо. — Он протянул Акджягету грамоту Пугачева о пожаловании Салавату за верную службу чина полковника.

Акджягет внимательно читал лист. Потом приложил бумагу к сердцу и передал ее Салавату.

¹ Ю л б а с а р — разбойник.

— Прости, туря. Я не ждал, чтобы полковник, как разбойник, ездил в одиночку в лесу.

— Джягетляр,—крикнул он воинам,—слушайте! Царский полковник прочитает вам письмо государя.

Салават подъехал к отряду и стал читать.

Горячие слова о звериной воле, о степях, лесах и водах, взволновали и зажгли башкир. Кличем восторга встретили они письмо. Видя успех, просиявший радостью Салават передал Акджягету еще два листа, чтобы он читал встречным, и приказал ехать к Оренбургу в Бердскую слободу, минуя Стерлатамак.

Он попрощался с отрядом и двинулся дальше.

Около полуночи уже Салават подъехал к Юнусовскому аулу. В избе Иштубая горел свет. Салават соскочил с коня и подошел к окну. У Иштубая, как у очень немногих, только самых богатых, в окно была вставлена вместо пузыря слюда. Окно не было занавешено. Салават разглядел в глубине избы плачущую Гульбазир. В избе была ссора.

— Ну, ну попробуй, убеги еще,—говорил угрожающе Иштубай. —Строптивую жену, как норовистую кобылу учат... Ты еще не знаешь нагайки?..

— А, ты грозить! —крикнула Гульбазир и рванулась, но Иштубай схватил ее за руку и швырнул на пол.

— Не грозить, а учить! —выкрикнул он, и в руке его появилась нагайка.

Салават в одно мгновение очутился в избе, оттолкнул ногой цепного пса, ворвался в дверь, и схваченный им за шиворот Иштубай упал поперек нар.

— «Не грозить, а учить!» Ты не пробовал нагайки? —крикнул Салават и жестоко хлестнул нагайкой по обтянутому задку. —Учить, учить, учить!.. —твердил он, ожесточенно хлеща Иштубая. —Учить, учить!..

Салават сорвал с Иштубая кушак, связал его и

теперь не нагайкой, а тяжелой ладонью хлестал его по лицу, как в беспамятстве, повторяя:

— Учить, учить!.. Теперь судись с Салаватом!— крикнул он, схватил Гульбазир, как ребенка, на руки и шагнул через порог.

Через час он подъезжал к дому, с новой женой, прижавшейся крепко к его груди. Он постучал в окно.

— Кто там?— послышался голос Амины.

— Это я, Салават, ласточка,— ответил Салават.— Я привез тебе подружку. Открой!

Амина отворила. Как знать, была ли она рада «подружке»... Когда услышала о «подружке», то думала, что какая-нибудь чужая красавица-пленница из далеких казачьих краев, стала ее подружкой. Кровь ударила ей в лицо, и сердце ее заколотилось. Когда же увидела она, что это Гульбазир, на лице ее появилась улыбка. Однако все же скорее это была растерянная улыбка удивления, чем улыбка радости.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Копию с этого указа во все стороны шлите. С копии копию сняв, во все улицы, с улицы в улицу, из аула в аул, по сходам, не мешкая, передавайте.

(Из приказа Пугачева на башкирском языке)

Салават пробыл только два дня дома. Он передал Юлаю приглашение «Казак-падши», как называли здесь Пугачева, но хитрый Юлай недостаточно еще был уверен в силе «Казак-падши», чтобы так легко бросить двенадцать лет чаемое и наконец полученное звание юртового старшины.

— Там видно будет... Я уже стар... Больше пользы принесу, я здесь, дома...

— Смотри сам,— ответил Салават,— оставайся, я еду.

И Салават поехал, верный слову, данному «Казак-падше», и воспламененный бунтовщицкой идеей уничтожения баев и заводчиков.

Кинзя приехал вслед за Салаватом. Он сообщил, что на другой день по отъезде Салавата он во главе башкир и Овчинников во главе всего отряда напали с двумя тысячами человек на Стерлитамакскую пристань. Бывшие здесь башкиры и тептяри возмутились тоже. Канцелярия Богданова разбита и разгромлена, и оставшиеся в живых старшины и сотники бежали в Уфу, с русскими офицерами, но под Уфой стоит уже полковник «Пугай-падши» Губанов и граф Чернышев.

Кинзя передал Салавату пакет, где говорилось, чтобы сейчас же подымать башкир по всем дорогам. Потому

и не успел Салават налюбоваться и нарадоваться на новую свою жену Гульбазир и помчал, по указу, от аула к аулу, подымая всюду зеленое знамя восстания.

Всюду, куда приходил он, гудели голоса возмущения. Громко выкрикивал он слова манифеста, призывавшие на великую войну:

— «Пусть знают и верят: это высшее письмо дано от собственной руки и языка»...

— Шулай, шулай!.. Казак-падша писал!.. Сам писал...

— «Жалую вас землей, водой, рыбой, пашней, лесом, хлебом и солью!.. — читал далее Салават. — Кто не подчинится и будет противиться: боярин, генерал, майор, капитан и другие, — голову того рубите и имущество грабьте!.. Против таких стойте! Головы их рубите!»

— Кись, кись! Башларын балта блян кись! ¹ — кричали слушавшие.

— «Даю слово: кто раб помещика и попал в руки крестьянских тиранов — с сего дня свободен... Кто в тюрьме — тоже освобождается. Кто не подчинится — будет казнен». Слова эти подхватывали десятки и сотни языков, слова эти разносил ветер, слова плыли по последней, застывающей уже на зиму воде горных рек, слова летели на стрелах, мчались на конях, а когда выпал снег, кружились, подхваченные бураном, скользили на лыжах и грохотали в звуках выстрелов.

Десятки и сотни буйных отрядов родились в аулах, и отважные жягеты на борзых аргамаках, натянув повод, мчались, перекинув через плечи луки, колчаны, с кинжалами и саблями на поясах, с копьями у стремян.

Салават прошел вниз по Аю. Всюду встречал он радостный прием, сотни жягетов присоединялись к нему.

Стоял декабрь. Последние быстрые речушки замер-

¹ Бей, бей! Головы топором бей!

зали, окутанные инеем, как облаками. Мчались отряды во главе с десятниками и сотниками. Серебристым от инея мхом опушены были их шапки, серебристыми гривами щеголяли кони, поседели в морозной красе лохматые черные брови на юных лицах.

— За волю!.. За степь!.. За соль!..

И за волю, за степь, за дешевую соль, за свинец, за порох, обещанные царским манифестом, подымались аулы, юрты и целые дороги.

В первый раз было это, что гяуры вместе с башкирами встали за волю, и сотни атамана Ивана Басова радостными криками встречали башкир-воинов, и Салават Юлаев-оглы стремя к стремени ехал с царским атаманом, так же, как он, подымавшим полчища голого сброда.

— За волю, за хлеб, за воду и бороду!

Вместе двигались они, призывая всех в царское войско:

— «От собственной руки и языка... Тех, кто меня признает, кто навстречу мне выйдет со службой, — не трогайте... Кто не подчиняется — мой приказ: вешать их и рубить».

Попы звонили в колокола, и народ присягал государю Петру Третьему. Кто не подчинялся — вешали и рубили тех, и черные тени их качались по деревьям, как страшные темные груши. Каму сковал ледяной панцырь, и за Камой, у Сарапуля, впервые встретили башкиры упрямый отпор. Целый день бились. Выстрелами отражали их с высокого берега верные царице сарапульцы, засевши в остатках деревянной крепости, не раз уже противившейся бунтовщикам. Два раза высылали к ним посланца с письмом Пугачева, и в первый раз они прогнали его криком:

— Скажи своим вора́м, что сарапульские чеботари верны государыне!

Во второй раз погиб посланец от пули, посланной старшиной кожевников. Тогда ринулись все на приступ на Сарапульскую гору, но новыми выстрелами отвечали упорные горожане — им нечего было вставать за волю: город их, стоявший на перекрестке торговых дорог, вел торговлю и был богатым.

Возле Сарапуля же пристала к мятежникам тысяча черемис. Много лет их здесь обращали в православную веру, заставляли молиться чужим, христианским богам, и теперь поднялись они.

— За волю, за реку, за соль, за старых богов, живущих на вольной воле, в лесу, а не в церкви!

В белых сермягах своих черемисы были не видны на синевато-белом снегу сумерек, и, когда отважились на вылазку сарапульцы, сами они прошли мимо черемис. Салаватовы башкиры с кинжалами в зубах и поднятыми саблями ударили на них, и, победив, многие из них были побиты и многие попали в плен к белохалатным черемисам.

Допросивши пленных, их отправили под Уфу к графу Чернышеву, как именовал себя командующий войском, осаждавшим Уфу.

Сам Салават поехал во главе отряда, чтобы встретиться и познакомиться с удалым полководцем.

Когда Салават увидел его, вспомнилось знакомое лицо и берег Иргиза, костер и безносый Хлопуша у костра и двое всадников.

— А где Хлопуша? — спросил Салават тотчас же, только что поздоровавшись с графом Чернышевым, в котором узнал он встречного Чику, старого знакомого Хлопуши.

— Постой, постой, погоди! Эх, да ты ведь с ним на берегу тогда был? — воскликнул Чика Зарубин, узнав Салавата. — Пропал, брат, пропал Хлопуша, схвачен злодеями в Оренбурге и посажен в колодки, — ответил

Чика сокрушенно. — А уж что за человек — золото! Весь Яик знает. По всему Уралу прошел, степи — как свои пять пальцев знает... из Сибири бегал!..

Салават сокрушался вместе с Чикой, качал головой и огорченно прищелкивал языком.

На другой день снова Салават двинулся прочь от Чесноковки. В этой поездке почерпнул он немало доброго: глядя на порядки, заведенные Чикой, отдал он приказ по своим войскам:

— За воровство у покорных жителей — смерть. За убийство между собой — смерть.

Когда вслед за этим приказом пришли из одной деревни русские и черемисы с жалобой, что у них вся молодежь ушла к графу Чернышеву — осаждать Уфу, а остались старики да бабы и в это время напали Салаватовы башкиры и пограбили много домов, Салават созвал все войско. Он выехал вперед в полном вооружении.

— Кто обижал деревню? — спросил он. — Выезжай. Несколько мгновений стояла тишина, потом среди тихого ропота и подталкивания соседей выехали четверо всадников.

— Слышали вы приказ мой? — спросил Салават.

— Слышали! — вызывающе выкрикнул молодой башкирин. — Ты хочешь, чтобы мы стали бабами?

— А ты, жягет, стал хуже бабы, — перебил Салават. — Нам нужны воины, а не разбойники. Мы воюем с солдатами, а не с детьми тех, кто нам покорен! Повесить их! — обратился Салават к воинам.

Никто из воинов не шевелился.

— Я говорю, взять их и повесить! — повторил Салават.

Ропот прошел по войску.

— Неладно говоришь, полковник, — отчетливо выкрикнул атаман Иван Басов, казачий отряд которого

действовал совместно с Салаватом, — надо круг спросить. Ты с Чики образец хочешь взять!.. Чика без суда не вешает... Пусть их круг судит!

— И верно, пусть народ судит!.. Что ты за хан такой!.. — выкрикнул тот же башкирин.

Казак выехал вперед.

— Эй, атаманы! — крикнул он. — Храбрые атаманы! Вот четверо мошенников и воров... Они детей и старых обидели, как царицыны командиры обижают... Вы на службу государю Петру Федоровичу пошли, а они на ваших детей напали и ваше добро грабили... У кого из вас дома хозяйки с ребятами остались, атаманы-молодцы?.. Эти четверо воров всех детей ваших побьют и хозяек изблудят силой! Любы ли вам такие дела? Что делать с такими волками?!

— Вешать их! — закричали теперь из толпы.

— Одних повесим, а других помилуем, коли деревни грабить будут, или всех повесим, кто деревни покорные обижать станет?

Четверо грабителей, побелевшие и растерянные, стояли перед толпой.

— Всех, всех вешать! — кричали из толпы.

— Правильно, атаманы, всех вешать!.. С нынешнего дня всех повесим таких, а из этих для страху главного надобно повесить. Кто у вас за старшего был? — обратился Басов к грабителям.

— Что ты за судья? — выкрикнул тот же дерзкий молодой башкирин.

— Не я сужу — круг судит! — отвечал казак.

— Говорите, кобели, а то всех повесим! — гудела толпа.

— Вот он, Месягутка был, — показали трое остальных грабителей. — Он звал...

— Вешать Месягутку, вешать его!..

— Бей! — кричали из толпы.

Молодой башкирин, дерзко отвечавший Салавату, — Месягут — подобрал повода: он, верно, решил спастись бегством. Его сосед, один из четверых грабителей, схватил коня под уздцы.

Видя препятствие и опасность, Месягут выхватил кинжал и ударил по руке товарища. Тот выпустил повод, но тут же схватил сукмар из-за седла, и в одно мгновение Месягут с расколотой головой медленно сполз с седла.

— Вешать остальных, — спросил Салават громко, — или пустить их, пусть исправятся?

— Всех вешать! — выкрикнул одинокий голос.

— Пустить, пустить остальных! Главный вор Месягутка был! Пустить их! — рассудила толпа.

— Ну, и быть так! — поддержал Салават. — А Месягутку — не глядя, что помер — повесить и написать, что вор был и покорные государю аулы грабил!

Через несколько минут труп Месягутки уже был повешен на дерево, и записки на двух языках рассказывали прохожим, за что и кем он убит.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вас они (дворяне — С. З.) лишили воли и свободы. Теперь пиками их колите, головы им рубите, если не покорятся.

(Из манифеста Пугачева)

На ночь остановились в русской деревне. Салават устроился в избе старосты. Ночью встал он посмотреть коня, — светлая тень мелькнула перед ним. Он протянул руку и схватил.

— Стой! Ты коней воровать! — прошипел он.

— Ой, нет, миленький, пусти! — Это была девушка, дочь хозяина.

Салават, увидав, что в руках его женщина, отпустил ее. В это время луна осветила ее лицо. Черные глаза блеснули в лицо Салавату.

— Ты куда? — спросил он ее.

— А тебе что за дело, скуломордый! — подзадорила девушка и скользнула в сторону.

Салават ринулся за ней, она — за столб навеса. Салават — за ней, девушка — кругом столба. Салават поскользнулся. Она засмеялась.

— Упадешь — держись за землю!

— Нищевое, не падаем! — смеясь, ответил он и снова обратился к преследованию.

Девушка увлеклась. Она бегала от него, хоронилась за столбы, но не убегала в избу — ей нравилась игра.

Салават разгорячился, как в битве или на охоте. Своими движениями он походил на кота, преследующего мышь. Вот он прыгнул и схватил ее. Поднял и понес.

— Пусти, слышь, скуломорденький, пусти! — еще сквозь смех шептала девушка.

— Не пускаем! — шептал Салават, и в голосе его было столько жара, что девушка испугалась.

— Пусти, батырь!.. Пусти меня! Я кричать буду!..

— Я тебе рот закрываем! — упорно и страстно буркнул Салават, подымаясь с ней на сеновал.

Она отталкивала его, шепча:

— Пусти, пусти... Слышь, медведь, пусти!..

Салават упал вместе с ней на сено и закрыл рот ее поцелуем. Еще недолго она отталкивала его, схватила за ухо и потянула в сторону, потом схватила за волосы другой рукой и сама крепче прижалась к его губам горячими губами. Между поцелуями она трезвела на мгновенье, шептала:

— Пусти, пусти, батырь... Как тебя зовут — Абдулка? Пусти, Абдулка!..

— Меня зовут Салават, — отвечал он. — Не пущу! А тебя как звать?

— Ксанка... Оксаной зовут... Ой, пусти, окаянный!

Они забыли, что на дворе мороз.

— Едем со мной! — шептал ей Салават.

— Оставайся еще у нас... Куда я поеду?.. Ты меня завезешь да бросишь.

— Не брошу!.. Едем со мной...

— А ты правда холостой?

— Кто сказал? Нет. У меня два баба есть.

— Две?

— Две.

Она заплакала внезапно.

— Чего ты?.. Едем со мной... Третья баба будешь!

— Уйди прочь!.. Никуда я не поеду!.. Обманщик!.. — возмущенно шептала она.

— Да кто тебя обманул?.. Нешто я сказал — холостой?

— Уйди!.. — выкрикнула она громко. — Пусти меня!.. Тятка узнает — убьет! — Она соскользнула с сеновала и скрылась в белой снежной мути.

Салават подошел к аргмаку, из овсяного торока стал насыпать овес, и вдруг что-то звякнуло. Он опустил руки глубже на дно кожаного мешка, в руку попались две монеты. Салават удивленно провел пальцами по дну и вынул целую горсть монет. В конюшне было темно. Он вышел во двор и при свете луны разжал горсть — золото!.. Русские, турецкие, персидские золотые деньги. «Шайтан играет, мелькнуло у него в голове, и лоб его покрылся потом. Опустив золото в карман, он снова вошел в конюшню и на дне торока нашел еще золото.

«Не бросить ли? — думал он. — Какое золото от шайтана?»

«Береги торока с овсом!» внятно вспомнились ему слова султана-отшельника. Салават понял — это старик Салтан-Гирей высыпал ему в торока остатки добычи своей молодости.

Салават засмеялся над своим испугом.

— Дурак! Денег испугался!

Светало. Пора было выступать в поход. Салават вошел в избу.

— Кто там? Ты, полковник? — окликнул хозяин.

— Я. Коня смотреть гулял.

— Едешь?

— Пора ехать. Надо ведь...

— погоди, парного молока выпьешь. — Старик заворочался на скрипучей деревянной кровати. — Ксанка, доила, что ли, корову-то? Гляди, утро уж. Угости-ка гостя-то на дорогу. Ксанка!..

Оксана притворилась спящей и не отвечала.

— Латна, не надо, так гуляем, — отказывался Салават.

— Как это — «так гуляем»? Не старуха — встанет! Все одно доить надо... Ксанка! — будил старик.

— Чего, тятенька? — сонно пробурчала Оксана.

— Доить надо.

— Знаю сама пору!

Оксана завозилась за перегородкой и вышла через минуту, повязывая платок. Громыхнула подойником, загремела ковшом, громко плеснула в полумраке водой в подойник и вышла.

— Ты поил жеребца-то? — спросил хозяин Салавата.

— Сейчас поить пойдем.

— Ступай, там у девки ведро спросишь, да не поевши не уезжай, смотри!..

— Латна. Спасибо! — Салават вышел.

Из коровника мерно слышалось журчанье струек молока. Салават подошел к аргамаку, потрепал его по шее, запустил руку в торок и, достав со дна горсть золота, вошел в коровник.

— Ксанка, вот подаркам тебе!

— Чего? — откликнулась Оксана.

— Подаркам даем, возьми. — Он протянул руку. Оксана ударила по руке его, и золото рассыпалось на землю.

— Деньги! — в ужасе крикнула Оксана. — Деньги дает!.. Подлец такой!.. Да я тебе что — гулящая, что ли?! Что ты меня страмишь! У-у-у... подлый... обманщик!

— Подаркам давал ведь, — растерянно бормотал Салават. — Зачем кричишь? Кто обманул? Моя обижать тебя не хотим. Зачем обманщик? Ты больна девка хороший! Айда, едем наша деревня...

— Уйди, видеть тебя не хочу! Уйди! — Оксана громко заплакала навзрыд.

— Кышкырма! Кышкырма!.. Тише!.. Не плачь шибко. Тятка узнает!

Салават вышел из коровника. Он не понимал, чем так обижена девушка, и растерялся. Недоумевая, седлал он коня, недоумевая и бормоча себе под нос, вывел он его из стойла и, не зайдя в избу проститься, вскочил в седло.

По улице ему навстречу скакали два всадника, один из них был Кинзя.

— Спишь, Салават? Пора ехать.

— Едем, соломенный мешок, едем! — Салават засмеялся, но смех его был такой же недоумевающий, как его мысли во дворе Оксаниного отца.

Через несколько минут весь отряд стоял готовый в поход, и когда уже собрались двинуться в путь, с противоположного конца деревни примчались дозорные.

— Едут солдаты! — крикнули они, осаживая разгоряченных коней.

У Салавата было всего около полутора тысяч человек, плохо вооруженных, без артиллерии. Он предпочитал отступить.

Произожди это позже — он был бы не один. К нему должны были присоединиться, как сказал Чика, атаманы Грязнов и Овчинников.

«А что если они разбиты, и теперь очередь за нами?» мелькнуло в голове Салавата. И быстро, прежде чем вслед за прискакавшим дозором в рассветной синеве улицы успело показаться темное пятно вражеского отряда, отряд Салавата стоял у церкви.

— Пять первых сотен — хоронись за церковь. От пятой до десятой сотни — объезжай в тыл за околицей, мимо леска. Сотники — пошли!.. Тихо!..

В тишине затопали кони.

Отряд разделился на три части.

— Много ли солдат? Где вы их видели? — допрашивал Салават дозорных.

— Солдат человек тысяча будет. Были у въезда в село, ехали шагом, осторожно, может, знают, что мы здесь... Верно, остановились, а то бы здесь были.

Отступать было поздно. В улице уже появилась черная лавина.

— Стой! — по-русски крикнул Салават. — Кто едет? — По телу его пробежал холодок — предвестник битвы; рука сжала пистолет.

«Тысяча солдат с ружьями, да если еще две-три пушки...» подумал Салават в ужасе и, вздрогнув, подобрал поводья.

— Тор! — крикнул он уже по-башкирски. — Ким анда?

— Салават-ма? Здравствуй, полковник! Это свои. Государя Петра Федоровича люди, — ответил Овчинников.

Салават узнал его голос.

— Эй, Кинзя! Живо айда! Вороти назад наших, что в обход пошли! — крикнул он.

Кинзя тронул лошадь, но уже сзади казаков грянул башкирский визг атаки. Посланные в объезд успели проехать. Салават помчался мимо казаков им в тыл.

— Стой, стой! Свои здесь! — кричал он, но передний всадник уже налетал на него с поднятой саблей. Салават взмахнул своей саблей, вышиб оружие из руки всадника и крикнул громко: — Баран! Куда смотришь?

Наехавший отряд башкир опомнился.

— Это свои приехали, — пояснил Салават. — А вы как поспели быстро?

В этот год по приказу царицы в каждой деревне была только одна дорога для въезда и выезда, чтобы нельзя было обходить деревни окольным путем. На задах деревень всюду лежал непротоптанный снег, потому и удивился Салават, что так быстро поспели башкиры.

— А там дорога была, — пояснил сотник, вкладывая саблю в ножны. — Кинзя велел с вечера дорогу в снегу натоптать — вчера двадцать лыжников да сорок лошадей гоняли взад и вперед.

Посоветовавшись с предводителями подошедшего отряда, Салават выехал впереди своего войска. И три тысячи человек на лошадях, на лыжах и пешком двинулись на север, к Красноуфимску.

Они шли трое суток. Чтобы быть сильнее, не утомляли походом пеших, делали по небольшому переходу каждые сутки.

К концу третьего дня подошли к самому городу. В вечернем сумраке перед ним встали башни крепости. Они расставили заставы кругом и притаились в двух соседних деревнях. Когда сумерки сменились ночью, темная ночная лава из человеческих и конских тел повалила на ветхие деревянные стены крепости. В крепости грянул и растерянно заметался набат. С крепостного бльверка, с палисада, грохнули пушки, с башен прогремели выстрелы, и тысячеголосый визг и свист огласили ночь.

Салават с отрядом башкир человек в двести проорвался в город с северной стороны, зайдя в обход. Неузнанные в ночи, как буран, как бешеная снежная вьюга, промчались башкиры по темным улицам и с визгом и криками ударили на бльверк, в тыл артиллерии. Уже смятые первым залпом пушек, бросились отступать от стен пугачевцы и капитан скомандовал приказ о втором залпе, уже канонирские ученики подавали канонирам новое страшное угощение, когда по бревенчатым помостам взлетели башкирские кони на гребень бльверка и капитан, командовавший артиллерией, упал с пуль Салавата в голове.

— Стой, канониры! — крикнул Салават. — Слушай! Я — полковник государя Петра Федоровича!

Канониры остановились.

— Не слушать его, ребята! Помни присягу государыне! — выкрикнул ефрейтор и выстрелил из пистолета.

Пуля шлепнула в кольчугу Салавата и не пробила ее. В то же мгновение молодой канонирский ученик ударил ефрейтора штыком в спину, и, только успев ахнуть, тот упал. Салават усмехнулся.

— Государь приказал пушки повернуть на крепость! — крикнул он.

Канониры не повиновались.

— У них там бабы, — шепнул Кинзя Салавату. Салават досадливо отмахнулся.

— Слушайте приказ государя! — повторил он громко, но, прежде чем канониры успели проявить покорность или непокорность, снизу взвыл торжествующий клич наступавших пугачевцев, застрекотала редкая ружейная пальба, и через больверк устремились в городок тучи башкир, тептярей, казаков и крепостных русских крестьян. Все смешалось. Гарнизон уже не противился.

Захватив канониров и четыре пушки, оставив крепость под защитой гарнизонных казаков, сразу перешедших на сторону бунтовщиков, Салават уходил из крепости, окрыленный успехом.

В самой крепости остался назначенный Салаватом атаман, богатая добыча — четыре пушки — давала повстанцам возможность без труда захватить еще ряд мелких крепостей, тем более, что при пушках же были захвачены привычные, искусные в своем деле люди.

После падения Красноуфимска башкиры быстро двинулись от селения к селению, всюду зажигая пламя мятежа, да и без них это пламя разгоралось. Всюду поднимались восстания: смиренные чувашки в Белебее подняли бунт, выгнали попов, сожгли церковь после того, как посланный Салавата прочитал им в базарный день на площади манифест Пугачева.

— Царь патюшка посфолил сфоя вера дершать, нашим бохам верить хотим! — кричали они и, почти никого не убивая, взбунтовались и объявили себя язычниками.

Под Мензелинском татары, чуваш и башкиры во главе с татаринцом Сяньфином подняли деревни и угрожали крепости. Даже попы возмутились, и поп из прикамского села Николо-Березовки, Игнашка Иванов, как прозвали его царицыны начальники, стал атаманом и, на косных лодках¹ разъезжая по Каме, приводил побережье в верность Пугачеву.

Салават шел теперь с четырьмя пушками. Уже больше двух недель прошло после взятия Красноуфимской крепости.

Войска было теперь четыре тысячи. Только на днях к башкирам присоединился бригадир Иван Степанович Кузнецов, бывший кузнец из Табынского соляного городка, с тысячею человек, в большинстве — из крепостных крестьян.

Соединенными силами Салават и бригадир Кузнецов двинулись на Кунгур.

Были первые числа февраля. Стояли морозы. В полдень, при ярком солнце, скользя вдоль реки Сылвы, отряд башкирских лыжников увидел на пригорке новую восьмибашенную крепость. В противоположность Красноуфимской крепости и ряду мелких крепостей, сдавшихся после боя при Красноуфимском остроге, эта крепость, Кунгурская, не была обветшалой и разоренной прежними восстаниями.

Новые башни, новый, крепкий острог, недавно возведенные, не обветшавшие бастионы — все делало ее более страшной, чем окружающие острожки. К кре-

¹ Лалья 3×9 аршин с настилом, расшитая на 12 весел, приспособленная под парус; была обычной у волжских разбойников.

пости подходил под неожиданным конвоем обоз в сорок пять — пятьдесят возов сена и хлеба: очевидно, жители и гарнизон уже ожидали прибытия мятежников и на случай осады запасались всем необходимым.

Предводитель мещеряков Сары-Байсар, заслонив рукой глаза, вглядывался в крепость, переводил узкие, раскосые глаза на обоз и снова на крепость, как бы рассчитывая расстояние и взвешивая собственные силы и время.

Обоз ехал в сопровождении драгунского взвода. Сары-Байсар колебался.

— Можно поспеть теперь, — как бы отвечая на его мысль, сказал за его спиной юркий, малорослый, похожий на мальчика башкирин. — Наши лыжи не хуже аргамаков и уж конечно быстрее этих клыч!

— Ружья у них, — опасливо заметил Сары-Байсар, почесывая скулу.

— А у нас — стрелы! — запальчиво возразил маленький башкирин. — Они из ружей будут мимо бить, а наши луки без обмана! Ты забыл, Сары-Байсар, мы привыкли бить зверя на бегу, не даром весь отряд из охотников. Я ни разу еще не промахнулся ни по лосю, ни по козе, а в позапрошлом году мне случилось перегнать оленя, да так, что он, спрыгнув, увяз в снегу от прыжка, а я перепрыгнул через него с обрыва и тут же убил.

Башкиры, слушавшие разговор, захохотали.

— Вахабка всегда так: и бегаёт быстрее оленя и летает выше орла, даром что ростом с лапоть!

— Трусые вы! — неодобрительно обернулся ко всем маленький Вахаб. — Чем разговаривать, мы бы уже захватили обоз.

— И захватим! — поддержали из толпы.

— А из крепости помощь выйдет, — возразил осторожный Сары-Байсар.

— Успеем, агай, уйдем, — подбодрило несколько голосов.

— Ну, айда, коли так.

— Айда! — гаркнуло несколько голосов, и легкий ветерок, дувший им в спины, стал отставать.

Снег скрипел, лыжи свистели, люди ровно и часто дышали, выбрасывая палки. В обозе их заметили и, повернув возы задами, прикрывшись сеном и мешками хлеба, приготовились к бою.

На выстрел из лука лыжники остановились и спустили стрелы. Люди тотчас попрятались за сено. Не видно было — попала ли хоть одна стрела.

В ответ грянул залп драгун.

— Алла! — крикнул Сары-Байсар, и снова закрипели лыжи, и еще не успели драгуны приготовиться ко второму залпу, как лыжники были под возами сена с противоположной стороны от хозяев.

Драгуны заняли еще полдесятка возов, превратив их в бастион, и, сверху прикрытые сами от стрел сеном, били по нападавшим. Лыжники бросились рубить постромки.

Завязалась свалка с возчиками, обывателями городка, дрались просто кулаками, обрубленными оглоблями, топорами, и вдруг среди свалки и грома выстрелов послышался крик драгун:

— Держись, братцы! Дештамент из крепости идет!

Из крепости действительно двигался драгунский отряд на помощь обозу, и вдруг с заднего воза поднялся столб пламени и огромный же столб дыма. Как живой, покатился по снежному полю пламенный сноп, мчась между возами и зажигая их. Столб пламени поднимался уже от пятого или шестого воза с краю и дальше. По ряду возов помчался огненный живой зверь, дико визжа и зажигая новые возы. Испуганные, опаленные кони рванулись к крепости, неся под ее новые стены

свой пылающий груз. Драгун, залегших на возах, против воли их увозили взбесившиеся кони.

Лошади под драгунским отрядом, выехавшим из крепости, дыбились, испуганные и смятые бешеным поездом пламенных коней. Они шарахались в стороны с дороги и вязли в снегу. На дороге пешими остались хозяева обозных лошадей, человек сорок. Их захватили с собой и погнали обратно к реке лыжники. Тех, кто не хотел идти, убивали, иных связывали и волочили за собой по снегу, как салазки.

Маленького охотника Вахаба везли двое товарищей. Это он, вместо того чтобы тянуть бесплодную перестрелку из лука, засел под задним возом и упорно высекал огонь, пока не зажег воз. Это он, как огненный зверь, метался от воза к возу с охапками горящего сена. Несмотря на страшные ожоги, он одержал победу и лишил крепость продовольствия и корма.

Одежда на нем была вся сожжена. Грудь обожжена, лицо в багровых волдырях, брови и ресницы исчезли, вместо них были красные пятна, окаймлявшие воспаленные узкие глазки; он стонал:

— Снегу!.. Пить!..

Ему дали снегу.

— Ульям... Хазер ульям... — простонал он. — Положите меня здесь... Умру...

Но его не положили. Его несли дальше.

— Сары-Байсар! — позвал умирающий.

— Наста? — откликнулся Сары-Байсар.

— Я ведь не соврал... Правда, тогда перегнал оленя...

— Знаю... вижу... — ответил Сары-Байсар и подумал: «Верно, ты уже не перегонишь сегодняшнего заката».

Пленники рассказали, что гарнизон в крепости сильный, пушки наготове, народу много и, кроме гарнизона, все кожевники города вооружены и будут сражаться.

Ни Салават, ни Кузнецов не приуныли, услышав это. Они просто не поверили пленникам, подумали, что те обманывают, и даже хотели было повесить их всех, но потом рассудили, что лучше привлекут горожан, если обойдутся с пленниками добром. Их накормили, отвели для них две избы и оставили под охраной, кроме двоих, которым вручили пугачевские манифесты и пустили домой.

К ночи стали готовиться к приступу. Весь отряд разделился на четыре части, чтобы напасть на крепость сразу со всех сторон.

В тишине подвезли, поставили пушки против крепостной батареи. Но только что их расположили, как крепость грянула пушечным залпом, и несколько бомб взорвалось возле самой артиллерийской площадки бунтовщиков. Одним из пролетевших ядер убило канонира.

В то же время слышались крики и стрельба с противоположной стороны — это начал приступ отряд Сары-Байсара. Сары-Байсар мстил-таки за умершего от ожогов маленького Вахаба.

— Теперь пора, — сказал Салават, и фитили задымили легоньким дымком. Грянули выстрелы пушек. Их торопливо зарядили снова, и новые крики, теперь справа от артиллерии, возвестили, что часть отряда под командой бригадира Кузнецова пошла на приступ. Почти одновременно выстрелы и крики слышались слева, где с пятью сотнями башкир был Акжягет, сотник, встреченный Салаватом после ночи, проведенной у отшельника.

— Зажигай! — крикнул Салават и тотчас вслед за новым залпом пушек вынул саблю и помчался впереди всего отряда.

Полторы тысячи коней ринулись за ним. И, когда они уже почти подъезжали к крепости, кто-то закричал:

— Пожар в городе, пожар!

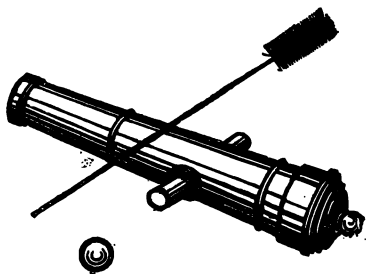
Действительно, одно из ядер загло какую-то постройку в крепости, и молодое, стройное, веселое пламя плескало в небо, озаряя все кругом красным блеском. Зато этот-то блеск и погубил приступ: крепостные канониры вернее при свете навели пушки, и грянул короткий картечный залп. Раненые лошади взвились на дыбы, закричали люди, кое-кто повернул назад. Из крепости мчались драгуны. Салават увидел, что он остался один, повернул коня и поскакал назад.

В это время должен был подойти Кузнецов на помощь, и действительно, сзади затопотала конница, и вдруг залп за залпом ружейными выстрелами она начала осыпать башкир. Бежавшие под натиском с тыла возвратились под стены крепости. Наверху ободренные помощью ожесточенно защищались, идущих на приступ сбрасывали вниз. Сзади вместо Кузнецова оказался отряд драгун, объехавших кругом через задние ворота города. По дороге они захватили обоз Кузнецова, а часть их, завязав перестрелку из леса, отвлекла главные силы Кузнецова туда.

Сары-Байсар со своими лыжниками мчался на помощь Салавату. Отряд Салавата бился из последних сил, сжатый с двух сторон. Сам Салават криком бодрил башкир. Его аргамак, как молния, взлетал то туда, то сюда, сквозь огонь, и вдруг Салават пошатнулся и, схватившись за бок, пополз с седла. Толстый, грузный всадник, все время следивший за Салаватом, как тень, подхватил его и перекинул, уже бесчувственного, к себе на седло. Схватив его коня под уздцы, отбиваясь ударами топора от драгун, он промчался сквозь их цепь. Драгуны погнались за ним и окружили снова. Но в это время подоспели лыжники Сары-Байсара. Они подкатывались под самые ноги коней, хватались за чолки, стремяна, за луки, короткими ножами сбивали с седла всадника

и, превратившись в конников, топтали повергнутого врага. Они защищали Кинзю с безжизненным Салаватом на седле, но не могли уже сдержать бегство башкир.

Последний штурм был отбит.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*Гяуры отнимут землю,
понемногу вырубят твои леса,
а мужи, владельцы лесов,
где возьмут тогда желтого меда?
Ай!..* (Башкирская песня)

Раненого Салавата бригадир Кузнецов как старший чином отпустил поехать на родину, пока выздоровеет.

Салават в сопровождении Кинзи и сотни башкир подъезжал к родным местам. За эти месяцы, что провел он в битвах, не сходя с седла, много передумал он. Даже обычная спутница его в прежнее время — песня — реже навещала его. Она любила тишину и задумчивость, а где было взять теперь тишины, когда каждый шаг надо было обдумывать, когда каждый шаг надо было ожидать выстрела не в лоб, так в спину?

Лежа в санях, на подушках, теперь Салават думал не о нападении или защите, не о сегодняшнем дне. Он думал о том деле, которое начал. Надо было неустанно раздувать пламя. Надо было всюду поспеть, подхватить каждую искру недовольства и разжечь ею горы и степи. Теперь, когда дело было начато, когда дружно действовали все, нельзя уже было терять времени, нельзя бездействовать, чтобы не ослаб жар, и как раз в это время Салават оказался раненым, вы был из строя. Каждая капля крови его, крови вожака, была как струя ледяной воды, пущенная в пламя восстания, каждый день отдыха был гибелен.

— Кинзя, сколько дней я лежу? — спросил Салават, поднимая голову с подушки.

— Одиннадцатый день, агакай¹, — ответил Кинзя. — Лежи, лежи, не подымай головы...

— Чудак ты, мешок! Как же не подымать головы? Ты считай: если каждый день подымать по одной деревне, и то было бы одиннадцать деревень! Айе-ма².

— Верно, одиннадцать, — пробурчал нехотя Кинзя.

— Ну, так вот, а я лежу... А ты, как баба, возле меня ходишь, а башкиры спят!.. А огонь тухнет!.. Раздувай огонь!..

Салават почти кричал.

— Тише, Салават, тише! — уговаривал Кинзя его. — Вот поправишься совсем, тогда...

— Раздувай огонь! — не слушая его, надрывался Салават и внезапно запел:

Люди, надуйте еолосатые щеки,
помогайте дуть холодному ветру.
Пусть танцует по крышам баев
кра ный огонь, молодой огонь...
Пусть от натуги лопнет мясо,
мясо и кожа ваших щек.
Зато жарче огонь войны
будет жечь наших врагов...

— Тише, Салават-агай, тише! — умолял толстый Кинзя. — Тебе снова будет хуже, ляг на подушку.

— Молчи! — рявкнул грубо Салават. — Еще ты, мешок, учить меня будешь, что ли? Вот твоя подушка! — И одним движеньем ножа Салават распорол подушку, широко размахнул перину и выпустил пух. — Вот твоя подушка, вот твоя перина, вот твой покой!.. Седло мне!..

Кинзя уговаривал Салавата, как ребенка, но тот не подчинялся и кричал, требуя седло. Кинзя уступил. Са-

¹ Агакай — почтительное обращение, подобное «господин».

² Айе-ма — так ли?

лавату подвели оседланного аргмака. Когда он сажился в седло, рот его перекосялся от боли.

— Вот видишь!—укоризненно сказал Кинзя.

— Это ты видишь, а я не вижу. Оно и лучше, что не вижу, а то бы, верно, пожалел себя, как ты или как последняя баба!

Кинзя промолчал. Салават ехал с ним рядом. Он побледнел от боли. Каждый толчок отдавался в ране.

Они въехали в деревню, и при въезде их мгновенно опустела улица. Жители боялись, что проезжие воины будут грабить. Отряд остановился возле маленькой, как игрушка, мечети. Салават упорно не сходил с седла, несмотря на уговоры Кинзи.

Прошло много времени, прежде чем собрался народ. Аульный старшина вышел вперед.

— Что вы за люди? Чего хотите? — спросил он важно.

— Мы яулар. Пришли звать всех жягетов на войну. Кто не с нами, тот баба! Дом того должен быть предан огню, сам тот должен погибнуть!.. Кто не с нами, тот не мужчина... Кто не с нами, тот не башкирин!.. Пусть горит яу!¹ — отвечал Салават, с каждым громким словом бледнея и становясь слабей. Рана мучила его. — Я полковник Пугай-падши. Пугай-падши зовет против бояр, против баев русских и башкирских.. Вот, раненый в страшной битве, я приехал звать вас...

И, побелев, как полотно, Салават, вместо того чтобы говорить дальше, запел:

Что обещал Пугай-падша?

Что обещал Казак-падша?

Он обещал реки и степи,

он башкирам обещал возвратить лес,

он дает порох и свинец,

он пожаловал вольную волю!

¹ Яу — война.

Вот что обещал могучий Пугай-падша...
Поднимайтесь все на войну!
Пусть льется кровь до последней капли!
Пусть откроются раны;
их исцелит вольная воля.
Кто мужчина, тот не боится раны,
тот не боится самого меча Азраила!

Салават покачнулся в седле и повис, белый, как снег.

— Яу, яуда!.. — крикнули в один голос слушавшие его.

Мулла, стоявший на крыльце своего дома как раз против мечети, громко сказал:

— Альхасл, жягеты! Вот человек, сказавший, что он не боится меча Азраила. Аллах тотчас поразил его! Смотрите, правоверные!.. Жягани, масалян! Он хотел итти против аллаха. Несчастный карак¹, дерзнувший против Азраила. Безумные, не идите за ним!

— Он ранен! — кричал в ответ Кинзя. — Старый верблюд, он ранен — ты понимаешь?! — И Кинзя, поддерживая Салавата в седле, освободил его ногу от стремени.

— Кем же, кроме аллаха, ранен он? — спросил, усмехнувшись, мулла. — Вот чудо! Вот чудо перед вами! Альхасл, жягеты, невидимая стрела сразила разбойника и богохульца! Он умер, сказав несправедное слово! — Мулла неистовствовал от ликования.

— Он не умер! — громче крикнул, краснея от злости, толстый и страшный Кинзя. — Ты, старый болван, толстый масалян, тупая свинья, слышишь ты, я вот тебя угощу свинцом, если ты не замолчишь! — Кинзя вынул из-за пояса Салавата пистолет и поднял его. Мулла скрылся в своем доме.

¹ К а р а к — разбойник.

— Полковник ранен, — сказал Кинзя. — Отведите ему дом. Это храбрый воин. Он взял пять крепостей, а теперь ранен, но, как настоящий воин, не хочет лежать и не сходит с седла.

Бесчувственного Салавата подхватил десяток рук, но он в это же мгновение очнулся.

— Пустите меня, я сам пойду, — сказал он. — Акжягет, пиши список, кто идет с нами.

Акжягет кивнул головой.

— Хорошо, агай, иди ляг... Я напишу список, а тебе нужен отдых.

Салавата ввели в избу и уложили на постель. Рана его, только что закрывшаяся, побагровела, вздулась и снова готова была открыться.

В соседней избе Акжягет писал список добровольцев. Взмолвленные песней Салавата не меньше, чем в других местах словами воззваний и манифестов, юноши почти поголовно уходили с отрядом; старики одобряли их.

Сто двадцать имен этого села были вписаны в список Акжягета.

Салават ослабел. Лежа в постели, тихим голосом он говорил Кинзе:

— В наших войсках нехватает людей. Двести человек не должны быть без дела из-за одного Салавата. Пусть все идут под Имян-Кала. Я один поеду до дома. Ты поведешь их...

— Хорошо, хорошо, Салават, я поведу их, — успокаивал его Кинзя. — Спи, тебе надо подкрепиться.

Салават задремал.

Ночью, когда он, проснувшись, встал, он услышал за перегородкой шопот Кинзи. Кинзя говорил с Акжягетом:

— Этого бешеного медведя можно только перехитрить. Ты уведи его аргмака и сделай вид, что ушел.

Стойте в соседней деревне, а когда мы поедem вперед, вы следуйте за нами: без своего коня он снова согласится лечь на перину и будет думать, что я один его сопровождаю.

— Может быть, хватит половины воинов, а другую половину послать, правда, к Чернышеву? — неуверенно прошептал Акжягет.

— А кто же будет сопровождать начальника? Что же ты думаешь, Салават-туря не стоит того, чтобы его сохранить от опасности? — обрушился на собеседника толстый Кинзя. — Ты так думаешь? — допрашивал он, запальчиво повышая тон.

— Зачем так? Совсем так я не думал... Ладно, пусть будет, как ты сказал.

Они утихли, верно, оба заснули. Салават медленно оделся. Написал записку:

«Поезжайте под Имян-Кала. Я, куда надо, доеду один».

Салават сел верхом и в ночной тишине выехал из деревни.

«Кинзя будет ловить меня утром, значит, надо поехать другой дорогой... Пусть-ка поймает!.. — Салават засмеялся. — А то, вишь, почет какой!.. Будто я не могу без двух сотен нянек».

Довольный своей хитростью, смеясь, он свернул по ближайшей тропинке вправо и прищпорил коня. Вместо того чтобы ехать по реке Юрузени, он пересек ее и поехал вдоль хребта Каратау, переехал спокойно лежавший под льдом глубокий Сюм, дальше хотел повернуть налево мимо Усть-Катавского завода к дому, но рана ныла сильнее и сильнее, силы иссякали, и он уже не в силах был натянуть повод, не в силах был направить коня.

Зеленые, желтые круги завертелись перед ним на снегу, и он потерял сознание.

Когда он очнулся, под головой его снова была подушка, а сверху закрыт он был тем же овчинным тулупом. Салават открыл глаза, но не говорил. Теперь лежал он на лубке между двумя лошадьми, подвешенный на лямках. Лица всадников, везших его, были от него скрыты поднятыми овчинными воротниками.

Салават глядел на яркие звезды в небе.

«Как они меня нашли? — подумал он. — Хитрый мешок, этот Кинзя! Неужели он все время следил?»

Толстый всадник сидел на правой лошади. Салават был удивлен способом передвижения. Если бы ехали к дому, то можно было проехать и на санях, не было надобности везти верхом, значит, пришлось поехать где-то стороной и притом проезжать через крутые, бездорожные горы.

«Странно, — думал он, — неужели приходится убегать от царицыных войск? Для чего они двинулись через горы?» Салават хотел спросить Кинзю, но не хотелось нарушать ночной тишины. Он шевельнулся. От движения заболела рана. Салават прикоснулся к ней рукой — пальцы попали в клейкую мокроту. «Так вот отчего я упал, — подумал он, — рана открылась». И вдруг пальцы его нащупали под одеждой какой-то твердый предмет. Салават вынул его — это была пуля.

— Эй, Кинзя! — крикнул он. — Пуля вышла!

— Вышла? Это хорошо, — ответил всадник, нагибаясь к нему с седла, и тут Салават увидел, что это был вовсе не Кинзя, а какой-то совсем незнакомый человек.

— Ты кто? — спросил он незнакомца.

— Я полковник Ильтемир-Биктемир-оглы. Я тебя нашел вчера возле Иньяра. Ты был без памяти, но сидел на лошади, низко склонясь. Я велел моим людям снять тебя с седла и положить в лубки. Потом я обыскал твои карманы и распорол шапку. В шапке нашел твои бумаги

— Куда ты меня везешь?

— На Авязан завод. Там наши войска стоят с генералом Афанасием Ивановичем Соколовым.

Салават закрыл глаза. Он сознавал свое бессилие перед судьбой: генерал, так генерал, может быть, удастся обмануть генерала.

Лошади остано́вились.

— Вставай, агай! Давай я тебе помогу, — обратился Биктемир к Салавату.

— Спасибо. Сам встану.

Салават поднялся с подушки, сошел с луба и сам, стараясь ступать тверже, взошел на крыльцо.

Дверь пахнула навстречу теплым паром. В доме, несмотря на раннюю пору, горел огонь, и люди сидели за столом.

Салават перешагнул порог.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски, — хлеб да соль!

— Здравствуй, здравствуй. Милости просим! — ответил от стола знакомый голос.

У стола, в кругу рабочей семьи, сидел высокий широкоплечий рыжий бородач с серо-стальными пристальными глазами, рябым лицом, отмеченным красными пятнами каторжного клейма на лбу, с повязкой на носу. Салават узнал его.

— Хлопуша! — радостно крикнул он с порога и пошатнулся от слабости. Такой «генерал» был не страшен.

— Салават, здравствуй! — так же радостно ответил Хлопуша. — Что с тобой, парень? Что ты белый? Рожато, как известка!

— Ранен я, — ответил Салават, — пуля вышел в дороге. Совсем затянулся было, а тут вышел...

— Иди, иди, садись скорей, — захопотал Хлопуша, — иди! Это хорошо, что твой пуля вышел. Теперь

тебе бабку позовем. Справит тебе она разные припарки, и жив будешь!.. Ашать хочешь?

— Как не хочешь! — ответил Салават, еще больше бледнея.

Ему подали горячего молока. Хлопуша потчевал его водкой. Салават отказался.

— Был бы ты здоров, обидел бы меня, а теперь уж ладно, бог с тобой!

Когда Салават поел, его уложили. Хозяйка хлопотала, ухаживая за ним. Хлопуша не отходил от него до полудня, рассказывая о том, как оренбургские власти решили послать его к Пугачеву с «увещательными» письмами, как он, вместо того чтобы письма разбрасывать, все их представил самому государю и как теперь государь его, генерала Соколова, послал по Уралу. «Лети, сокол, — сказал государь, — да бей чужих уток».

— Вот и летаю, голубок ты мой. Здесь, на Авзяне, пушки лью, — рассказывал Хлопуша, — с рабочим народом в миру да в ладу. Царским послушникам гостинцы готовлю... Рабочих людей собрал, что лопатками да кирками владеют. Теперь хоть крепости свои строй!.. Дня через четыре выхожу опять под Оренбург, к государю... А ты что поделываешь, голубь?..

— Живем мала-мала. Красноуфимск гулял, под Сарапул гулял, мелкий крепостя гулял, которым огонь пускал, которым солдат побил... Кунгур гулял мала-мала... Четыре пушка брал Красноуфимский... — слабым голосом говорил Салават.

— А где же тебе бок-то прорвали этак?

— Под Кунгур бока ломал... Теперь четырнадцать дней прошло... Теперь новый полка собирать будим... Атай-аул¹ гуляем...

¹ А т а й - а у л - отцовская деревня.

— Валяй, валяй, гляди, и генералом станешь, не хуже меня! — подбадривал раненого Хлопуша. — Тут вот со мной тоже из ваших полковник, который тебя привез... Храбрый парень... Оружия вот мало — это худо. Кабы всей амуниции вволю было, мы бы давно на Москве уже были... Вот сейчас я двенадцатую пушку дожидаю... Заводские-то мужики молодцы — с хлебом-солью приняли, всякую честь оказывают... Пушки без слова льют, кольчуги куют, говорят: «Для своего царя стараемся — свою волю добываем!» А ты был у государя-то? Признал его?

— Как не признал!.. Водка пил мала-мала... Письма брал... — Салават начал дремать.

В это время в избу вошел Биктемир.

— Фанас Иваныш, десятый пушка лафет готов, айда смотреть — зовет мастер, — позвал он Хлопушу.

Хлопуша вышел.

Салават заснул.

Встреча со старым знакомым — Хлопушей — обрадовала Салавата и потому, что думал он о друге своем уже как об умершем, а теперь снова увидел его, также и потому, что перед его глазами уже предстал теперь не молодым башкирином, незнающим жизни, а опытным войном, с опасной раной, которой гордился Салават больше, чем чином полковника. Салавату было радостно показать Хлопуше, что вот его, Хлопуши, уроки, ночные разговоры у костров, дневные беседы в пути, в степях и в лесах, бродяжничество по уметам, разбой по дорогам, песни и сказки Хлопуши — все не прошло даром.

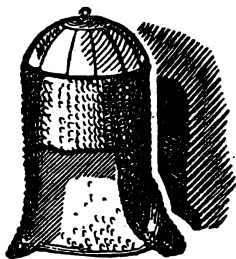
В течение следующих трех дней Салават подчинялся Хлопуше и лежал в постели, давая затянуться ране. Ворожейка-лекарка, старуха Анисья Ипатишна, делала ему припарки, лечила настойками и наговором, и кто знает, какое из этих лекарств больше помогало, может

быть, просто молодая кровь, бурлившая в крепких жилах, — однако Салавату стало лучше.

Через три дня Хлопуша сказал ему, что выступает под Оренбург.

— Бог знает, теперь свидимся ли. Прощай! Хорошо, что господь тебя послал мне еще раз на пути — увидел я, что не дерьмо из тебя выросло, а человек настоящий. Счастливо оставайся. Поправляйся да снова на недругов. Пуще всего помни, что заводами нам владеть надо, заводских искусников да выдумщиков на свою сторону склонять — тогда половина дела будет сделана: в заводе тебе и пушку выльют, и кинжал, и саблю сделают, и картечи готовят. И народ заводский дружнее да смелей. Землероб за свою коровенку, за скудельное добришко трясется, а заводскому мужику — и хотел бы трястись, да не над чем. Вот он и смелей зато.

Хлопуша уехал. Салават оставался в заводе еще сутки. На вторые сутки его взяла тоска. Он не выдержал и тронулся в путь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*В старые годы мои на свою
голову я дал тебе силы.
Ай!..*

(Башкирская песня)

Сила бурлила в поправлявшемся, крепнувшем Салавате. Еще никогда прежде не делал он таких громадных перегонов в один день. Никогда под вечер не освобождал ногу из стремени с таким сожалением.

Салават ехал от аула к аулу, везде останавливаясь, собирал сходы, везде читал манифесты и приказы. Сулил, обещал горы золота и полную волю, грозил смертью непослушным, и снова с ним уже шло две сотни жягетов, горячих и отважных, как он сам. Слава о нем летела от селения к селению. Бедняки встречали его с приветом и хлебом, баи хоронились в подвалы, в стога и по несколько часов высиживали, не смея показаться на глаза.

Салават подъезжал к аулу Юлая. В трех верстах от Шиганаевки — деревни, где Салават родился, — лежало село Муратовка. Здесь жили русские. Салават оставил свой отряд позади и заехал в Муратовку. Узнавшие его или шарахались в сторону или, наоборот, весело кричали, приветствуя, и спрашивали, скоро ли он будет в их селе набирать людей на государеву службу. Салават смеялся, кланялся и звал ехать с собой. Трое-четверо горячих молодых парней откликнулись на его зов и пошли седлать коней, а когда он выезжал из села, его нагнали человек двенадцать молодых парней, и с ними Салават въехал на пригорок родной деревни.

Возле дома Юлая стояла толпа. Крик старика Юлая, умоляющий и убеждающий, слышался из толпы. Салават подъехал к дому. Оказалось, отряд Салавата перегнал его, въехал в деревню, спросил юртового старшину, как делали это в других местах. Юлая не было дома. Башкиры стали ломиться в дом. Мать Салавата вышла на крыльцо.

— Что вам?—спросила она.

— Где старшина?—закричали из толпы.

— Старшина в Калмакове у свата,—ответила старуха,—говорят, там сын его приехал.

— Деньги давай!—кричали из толпы.—Где деньги?

— Где деньги? У старика деньги!—возражала испуганная жена Юлая.—Разве он бабе оставит деньги?

— Давай, давай!—настаивала толпа.—Твой старик должен все деньги государю отдать!

— Не знаю, где деньги! Бельме!—уверяла старуха.

— Врет, старая. Вешать ее!.. Говори, где деньги!—крикнул молодой башкирин-сотник, выхватив саблю. В это время к дому быстро подскакал на вороном жеребце старик Юлай.

— Эй, стой!—крикнул он сотнику.—Ты на кого руку поднял? Знаешь, это чья баба?

— Твоя, верно,—насмешливо отозвался сотник.

— Моя-то моя, а я кто?

— Коли деньги сдашь—слуга государев, а не дашь—враг и ослушник!

— Деньги-то дам,—ответил старик, торопливо отвязывая кошель,—нате деньги, считайте... Вот здесь шестьсот пятьдесят рублей... Деньги-то дам, а вот знаете вы, кто я?

— Ну, кто же ты?—вложив саблю в ножны и принимая кошель с деньгами, спросил все еще насмешливо сотник.

— Юлай Азналлин, отец Салавата! — гордо сказал старик и выпрямился в седле. Увидав смущение некоторых башкир, он ободрился: — Да, отец удалого Салавата! Вот вам покажет сын, когда придет, а он близко. Говорят, в Муратовке людей набирает.

— Пусть-ка вступится — и он не о двух головах! — выкрикнул оборванный старик, накидывая поверх лохмотьев лисью шубу одной из Юлаевых жен.

Толпа зашумела невнятной угрозой. Старик не успел кончить, когда на пригорке показалась толпа всадников. Впереди всех ехал Салават.

— Вот и сын! — радостно воскликнул Юлай, показывая в сторону Салавата рукой.

— Салам-алейкум! — почтительно произнес Салават, подъезжая к отцу.

— Алейкум-салам! — ответил старик и торопливо, чтобы никто не передал происшествия по-своему, заговорил быстро: — Это твои воины, Салават? Зачем они, как разбойники, нападают на дом твоего отца? Разве я враг? Я только и ждал, когда вы приедете!.. Мы здесь все ждали... Разве враги мы?.. Они деньги отняли... Старуху-мать твою хотели убить... Гляди — меха разграбили! Наряды у всех трех жен отняли!

При упоминании о матери Салават нахмурился.

— погоди, абзы, — остановил Юлая старик-сотник. — Салават-туря, слушай. Мы не знали, что старшина твой отец, что его жена — мать тебе! Когда в любом ауле бай не отдает деньги и не отдает табун, мы его убиваем, дом его сжигаем, семью его истребляем. Сам думай: вот жена бая. Мы не знали, что она мать тебе, она говорит, что нет денег. Мы как поверим? Все говорят, что нет денег... Она говорит, что старшина к свату уехал. Мы как поверим? Все старшины, все бай «к свату ездят», когда знают, что мы идем... Я не хотел убивать старуху, я пугал только! — Сотник замолчал.

— Не знали, что отец, не знали, что мать!.. Шулай, шулай, пугал только!.. — подтвердили все остальные слова сотника.

— Что там, бай — он и есть бай, что с ним говорить? — ворчали в толпе.

Пока сотник говорил, Салават думал: «Если отпустить отца, не взяв деньги, не взяв лошадей, каждый найдет родню бая, которого станет защищать... Как быть? Надо быть справедливым!»

— Атам! — начал Салават громко, когда сотник замолчал и все стихли, ожидая слов командира. — Ты — старшина, я — полковник. Когда идет война, вся сила в руках того, в чьих руках оружие. Я, полковник, говорю с тобой, старшиной: старшина Юлай-Азнала-оглы, государь требует с тебя денег для войсковой казны и пятьдесят лошадей.

Юлай изменился в лице.

Салават опустил было глаза, но поборол смущение, снова поднял взор и отчетливо продолжал:

— Еще государь повелел тебя привести к присяге ему, Петру Федоровичу, царю сарасайскому¹. Еще требует он, чтобы ты созвал джиин и призывал свой юрт на войну в защиту его, государя. Если ты так не сделаешь... — Салават на мгновение замялся. — Если не сделаешь, — повторил он, — дом твой сгорит, и сам ты, как враг государя, будешь казнен! Если ты с нами — вот тебе письмо государя, государь зовет тебя на службу полковником.

Юлай, опустив глаза, слушал конец Салаватовой речи. Салават протянул ему, достав из-за пазухи, пакет.

— Шулай! Шул-шулай, — повторил он, кивая головой.

¹ С а р а с а й с к и й — всероссийский: извращение, встречающееся в манифестах на башкирском языке.

Когда Салават подъезжал, толпа невольно стала против.

Она видела в нем защитника богатого старшины. Когда Юлай заговорил, жалуясь, злоба толпы усилилась, пронесся ропот легкий, но явно выражающий недовольство: Если бы Салават заступился, его авторитет был бы подорван. Когда он заговорил, все замерли, ожидая, что он, строгий к другим, подчас жестокий, как зверь, в расправах, помилует отца. Салават вовремя поборол себя и сказал, что нужно. Уже не тихое, а громкое и почти восторженное: «Шулай! Ай, Салават! Шулай!» раздавалось из толпы.

— А вон Ильтемир, полковник, не брал ничего с брата! — говорили в толпе.

— Ильтемир и со знакомых не берет... Молодец, Салават!

— Вот батырь!.. Вот туря!..

Юлай с удовольствием уже слушал эти возгласы. Хитрый и умный сам, он был удивлен и восхищен умом Салавата: он понял, что этим самым сын его подчинил себе не одну сотню воинов. Старик выпрямился и отвечал, не сходя с лошади и почтительно, но с достоинством, принимая письмо:

— Салават-Юлай-оглы, полковник государя! В Шайтан-Кудейском юрте нет врагов тебе... Я дам не пятьдесят, а сто пятьдесят лошадей, и я дам не сотню воинов, — всех, кто может держать оружие! На родине славного батыря не должно быть трусов и отступников, пусть на головы их падет проклятие, если найдутся, жягет, а моей присягой пусть будут мои дела. Пусть аллах сразит меня, если отступлюсь! Имя его — свидетель моих обещаний!.. Я согласен итти на государеву службу.

Радостными криками встретили воины слова старшины.

— Войди в дом, полковник, — предложил Юлай, — а твои люди пусть режут баранов, сколько надо, и не касаются других домов, — я хочу сам угостить храбрых воинов.

— Хитрый старик! — крикнул кто-то из толпы, но возглас его затерялся в общем шуме и гвалте.

Салават, сойдя с коня, вошел в дом.

Юлай созвал аульных старшин своего юрта. Многие не прибыли, ссылаясь на то, что на Юрузени появились полыньи и под копытами лошадей проваливался лед: приехавшие аульные старшины обещали, что легко поднимут свои аулы, на аульном же сходе оказалось, что многие против участия в войне.

— Урусы грызутся, а нам зачем лезть? — говорили одни.

— Под начало к мальчишке Салавату итти? Еще нехватало! — подтверждали другие.

Иные были обижены тем, что Салават передал только Юлаю письменное приглашение на службу, и завидовали.

— Сын отца устраивает, — говорили они. — Кто знает — не сам ли Салават написал письмо? Он дошлый в грамоте...

— Юлай-то тоже против баев, как будто сам не бай!

— Ничего, ката и в чалме узнают!

Салават уже решил выступать с теми только, кто добровольно пристал, когда ночью в дом Юлая прогремели тяжелые удары: прискакали Кинзя и Акжягет с сотней башкир. Среди них еще больше десятка было раненых, остальные же воины отряда убиты или разбежались.

Они привезли страшную вестъ: что войско Чики под Уфой разбито хорошо вооруженным подполковником Михельсоном, что все под Уфой в смятении, что на другой же день после поражения отряда стерлитамак-

ские башкиры созвали съезд и послали к Михельсону выборных с повинной, а Михельсон преследовал Чикку и, настигнув, взял его в плен.

Салават сразу ночью же поднял тревогу. По всему аулу заметались крики, застучали кулаки и дубины в окна и двери. Люди, встревоженные, просыпались, боялись отпирать и крикливо переговаривались из-за дверей.

— Кто идет с государевым полком — выходи!

— Кто идет с нами, кто с нами — седлайте лошадей, в поход!

Четыреста всадников кружились по улицам небольшого аула, ржали сотни коней. В доме Юлая собрались Салават, Акжягет, Юлай, Кинзя и сотники. Они недолго говорили и вышли проверять отряд. Многих из Юлаева аула не было.

— Люди! Жягеты! Аксакалы! Все слушайте! Мы, начальники, решили так: всех, кто не идет с нами, посадить в одну избу и казнить. Идите по домам! Где есть мужчина, не севший на коня, — вяжите его и ведите на площадь!

Толпа хлынула по улице аула. Снова раздались крики и стук в двери, слышался визг борьбы. Около двух десятков мужчин силой привели на площадь. Они не знали, что их ожидает. Одного из баев привели с тремя сыновьями. Они успели услышать рассказ прибывших о Михельсоне. Связанные, они продолжали упираться и грозили Салавату:

— погоди, собака, ты еще будешь висеть на березе! Вот придет сюда храбрый полковник... погоди, придет еще Михельсон-батырь!.. Тухта, таук кия!¹

¹ «Погоди, курица придет», т. е. год курицы — голодный год: по башкирским повериям, поговорка, равнозначная русской «придет великий пост».

— Всех их в дом,—скомандовал Салават,—и запереть.

Связанные, они продолжали упираться и грозили Салавату.

— Сена, соломы, огня!—кричал Салават.

— Огня им!—подхватили десятки голосов. — Пусть знают, как грозиться!.. Эти уж не пойдут с повинной!.. Огня!

И через несколько мгновений пламя опоясало дом.

— Погасите огонь, погасите! Я с вами пойду!— слышался молящий голос из пламени.

Двое молодых башкир ринулись было к горящему дому, их удержали.

— Из-под огня какой воин будет? Если огня испугался, и пули испугается!..— заметил Акжягет. — Пусть горят!

— Пустите их, погасите огонь!—кричала женщина, жена одного из сыновей бая.

— Нам таких не надо, кто из огня к нам просится. Воинов так не набирают!—отвечал Юлай.

Кинзе невмоготу стало спокойно слушать ужасные крики казнимых.

— Довольно бы и половины,—взволнованно сказал он,—другая половина сама пошла бы: не гяуры ведь—башкиры...

— Молчи, Кинзя!—крикнул Салават.—Коли такие будут башкиры, тогда какие же гяуры будут?

Огонь делал свое дело со страшной медлительностью.

Крики обреченных становились все ужасней. Из избы слышался стук, дверь сорвалась, и из дыма и пламени вырвался человек, задыхающийся, с выпученными от дыма и страха глазами. Он стоял только одно мгновение, глядя на толпу окружающих. Салават наложил стрелу и быстро спустил тетиву. Беглец упал, но за

ним в дверь уже лезли на четвереньках, давя и толкая друг друга, его товарищи.

— Ни один не должен уйти!—крикнул Салават.

— Бей их, бей!—закричали из толпы, и десятки дубин, стрел, пуль и камней обрушились на спасавшихся из пламени. Толпа озверела, уже не слышно было отдельных возгласов сожаления.— Смерть, смерть им!—кричали в толпе и бросались на выскакивающих из пламени с оружием.

Стена соседней избы задымилась.

— Воды!—крикнул Салават.— Их и так теперь возьмет/шайтан. Воды сюда!

Соседнюю избу почти мгновенно залили, не дав ей сильно разгореться. Первая изба сгорела дотла. Толпа вдруг поняла, что сделано, и оцепенела. Все молчали. Салават в общем молчании произнес четко и спокойно:

— Так будет всем государевым послушникам...

— На коней!—крикнул он пронзительно.

Разделившись на две части, отряд двинулся с Салаватом—на Сyumский, с Юлаем—на Катавский завод, по дороге пополняясь десятками новых удалых всадников.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Этой землей заводчикам и их наследникам владеть вечно.

Лес рубить, сено косить, рыбу ловить, сколько когда будет потребно, а им, башкирцам, с их наследники, вечно до этой земли с лесами и с сенными полями не иметь дела и ни во что не вступать.

(Купчая крепость 1765 г.)

Той же дорогой, как в день своего первого ранения, ехал Салават, но тогда был он мальчиком, а теперь — мужем, воином, не раз испытавшим битву.

Подвигаясь сам к Сюзскому заводу, Салават послал Кинзю и Акжягета, а с ним и еще двух — Аладина и Бахтияра — набирать новые войска и собрать разъединенные части из разбитой армии Чижи. Салават обещал их дожидаться на Сюзском заводе. Теперь с ним было полторы сотни. Они стали окружать завод. Кругом завода лежали крутые горы. Он был расположен не так, как крепости, не на горе, а в глубокой котловине между горами, — отсюда было удобней напасть.

Салават разместил отряд по склону холма. Пятьдесят добровольцев поехали, с ним самим во главе, вниз, к поселку. Несмотря на всю осторожность их, слух о них долетел вперед.

Салават ехал, держа в руке манифест Пугачева. Ему навстречу выехал заводский поп с крестом в руке. За попом двигалось человек шестьдесят мастеровых, а рядом с попом — плотинный мастер¹.

¹ Плотинный мастер — заведующий гидросиловым хозяйством завода.

Увидав, что намерения их вовсе не мирные, Салават поднял над головой манифест.

— Наша не воевать пришел!.. Царский письмо читаем. Царь Петра Федорыч приказ давал заводской контор кончать, приказчик гонять с завода!..

— Поворачивай, поворачивай!—крикнул мастер, схватив саблю, привешенную сбоку.

— С нами бог, братья, с нами бог!—закричал поп, подымая крест и пуская лошадь рысью навстречу Салавату и башкирам.—Господь против аллаяров!.. Не потерпим злобы их!..

Мастеровые с криками, подняв ружья, болты, топоры, молоты, ринулись за предводителем. Салават не успел отдать команды, как был окружен.

— Вот тебе и заводской народ!—подумал Салават, вспомнив слова Хлопуши.

— Ге-э-эй!—крикнул он пронзительно.

Это было условным знаком. С соседних гор отовсюду ринулись башкиры.

Заводчики увидали, что им не справиться с нападающими, и повернули назад. Отряд Салавата успел оправиться и бросился вслед отступающим; эти заперлись во дворе заводской конторы. Салават с отрядом подъехал к воротам.

— Эй, отворяй!—крикнул он.—Государь повелел!

— А ты кто же государю—сват, что ли, будешь?—ответил голос из-за забора.

— Я—полковник Салават Юлай-оглы из Шайтан-Кудейского юрта.

— Ну, так иди к шайтану, коли ты из шайтанского рода!—крикнули из-за забора, и залп заключил эти слова.

Салават отъехал от ворот, приблизился к башкирам.

— Веди, Салават, возьмем силой!—кричали башкиры.

— У них ружья, — возразил Салават.

— Ну так что же из того? Они у нас будут!.. Веди!

— Нет, погодите, — возразил Салават, — размещайтесь на крышах домов и пока стреляйте из луков во двор, а десяток нужен добровольцев.

Десяток добровольцев нашелся. Салават отдал им приказание, они поехали в лес, держа вблизи лошадей; остальные башкиры взбирались на крыши соседних построек и били из луков во двор. Им отвечали ружейными выстрелами. Никакого вреда не причиняли друг другу ни те, ни другие: одни прятались за высоким забором, другие — за коньками кровель. Салават, дожидаясь возвращения десятка, посланного в лес, сел на крыльцо избы и коня пустил по пустому двору. Вдруг из избы до него донесся детский плач. Салават тихо вошел в дом. В люльке, подвешенной к потолку, плакал проснувшийся ребенок. Салавата вдруг кольнуло воспоминание о Рамазане. Ведь он был близок и вот не мог отлучиться, не мог выбрать времени, чтобы повидать сына. Салават стоял задумавшись. Амина с ребенком на руках как живая встала перед его глазами. С улицы грохнул выстрел. Ребенок, удивленно глядевший на Салавата, вдруг снова заплакал. Салават поглядел на его сморщенное гримасой личико и засмеялся.

— Рамазан! Рамазанкай! — позвал он и щелкнул пальцами. — Кышкырма! — сказал Салават. — Иди сюда, — и он поднял ребенка на руки.

Ребенок испугался и снова заплакал. Тогда в избе закричали доски подполья, открылось творило, и из подвала показалась девичья голова.

— Ой, мама! — крикнула девушка. — Аллаяр Петьку схватил!

Творило шумно захлопнулось. Ребенок закричал еще пуще. Салават, неловко держа его на руках, вынул из

кармана монету и совал ему в руку, но мальчишка не успокаивался. С улицы донесся крик и топот лошадей. Салават положил ребенка в люльку и вышел, но уже на крыльце он услышал отчаянный крик его.

«Эх, побоится ведь эта девка вылезти», подумал он, возвратился, взял на руки изо всех сил ревущего Петьку, поднял творило и обеими руками опустил ребенка вниз.

— Держи малайку. Зачем забыл? Пуля ведь попасть мог.

Невидимые в темноте подвала руки приняли ребенка. Салават опустил творило и вышел вон.

Приехавший отряд привез гигантскую сосну, самую большую из всех, что была в округе. Ветки с нее были счищены и конец затесан.

— Теперь сюда! Все сюда! — крикнул Салават, и со всех крыш соскочили башкиры. Страшное копье ухватили двадцать четыре всадника, по двенадцати с каждой стороны. Всадники сидели стремя к стремени, лошади касались друг друга боками. Сзади них выстроились остальные.

— Айда! — крикнул Салават, и, как сорвавшаяся лавина, ринулись всадники вперед. Таран ударил в ворота. Залп грянул в ответ, и в тот же самый миг человек семь свалилось с лошадей, но железные створки ворот уже разошлись. Крепкий дубовый запор разломился. Бочки, которыми завалили вход осажденные, раскатились по двору. Упавшая сосна разбила ноги трем лошадям башкир, везших ее; они шарахнулись в сторону, упали и бились на земле, громко, не по-лошадьиному, крича от боли.

В распахнувшиеся ворота, соскочив с лошадей, с гамом ворвались башкиры. Не больше десятка выстрелов встретило их во дворе конторы, и все потонуло в гвалте схватки.

В какие-нибудь четверть часа все кончилось. Поп висел на воротах. Другой зачинщик, плотинный мастер, лежал, исколотый пиками. Около двух десятков пленных были захвачены живыми.

Расправившись с этим поселком, Салават двинулся к самому заводу. Толпа рабочих у ворот завода увидела его. Вооруженные отнятыми у заводчиков ружьями башкиры выехали вперед.

— Кто согласен служба царский править, айда к нам! — крикнул Салават.

— Все согласны! — отвечали из толпы.

— Когда согласны — отворяй ворота! — скомандовал Салават, и весь отряд въехал в распахнувшиеся тотчас ворота.

— Стой! — скомандовал Салават и на башкирском языке обратился к отряду: — Здешние жители — наши друзья. Никого не обижать. Домов не грабить. Кто будет грабить, того казню.

— Слушайте все, — повернулся он к толпе рабочих. — Государь Петра Федорыч прислал вам письма. Государь велел сказать: «Кто наша рука держит — больше ничей человек, сам свой хозяин!»

Всех вас государь-царь вольными казаками чин давал. Гуляй, как хочешь. Своя вера держи, борода запускай на самый брюха. Земля пахать хочешь — земля пахай. Сакарить¹ хочешь — сакари! Свободный земля Кунгуга гуляй, анда² казак будешь!.. Держи, кто старший. Вот письма.

Салават вытащил из-за пазухи сумку и из нее вынул манифест Пугачева.

Высокий старик-рабочий подошел к нему, плюнул в обе ладони, отер их о штанину и принял манифест. Долго заскоруждыми пальцами развертывал он бумагу.

¹ Сакарить — охотиться.

² Анда — там.

Развернув манифест, он вдруг вспомнил, что при чтке таких бумаг обнажают головы. Он торопливо снял шапку. Не совсем охотно его примеру последовали прочие.

— «Самый могущественный и великий император, самодержец всероссийский, царь казанский, — читал он, — всем верным рабам и слугам нашим жалует вольную волю, всех злодеев народных — бояр и купцов — и всех, кто вас, моих рабов, обижает, передаем в ваши руки!»

Нестройный ропот, гул одобрения и легкие выкрики остановили чтение.

— «Смертью их казните, рубите и вешайте, — продолжал старик твердо и громко, — выбирайте себе десятников и сотников, старшин и атаманов и судей из тех людей, кои вам любы, и пусть они по правде чинят управу...» — По казачьим порядкам, значит, — вставил от себя чтец. — «Всех вас жалую вольным казачеством, жалую всех серебром, хлебом и солью, бородой и крестом и всякими угодами, а кто сопротивляться будет, тому смерть. А кто промежду моих слуг рознь и раздоры сеет, тому тоже смерть, головы их рубите и именье грабьте».

Еще не кончил чтец, как на колокольные загудел трезвон. В гвалте и шуме кончилось чтение манифеста. С криками пошла тояпа к дому приказчика. Понесся дребезг оконных стекол и крики.

Салават потребовал приказчика к себе. К нему привели маленького, бледного, трясущегося стариканку с большим животом. За ним несли окованный железом сундук с деньгами.

— Сколько денег? — спросил Салават.

— Восемь тысяч с половиной, да еще медью на тридцать три рубля с полушкой, — трясясь, как в лихорадке, отвечал старичок.

Салават посадил считать деньги двоих башкир. Когда деньги были пересчитаны, сундук запечатали заводской печатью, которую Салават взял себе.

Заводчане волновались и шумели на площади, выбирая атаманов и сотников.

Женщины судачили, стоя кучками в стороне от схода, и, радуясь больше мужчин, говорили: «Мы теперь вольные казачки, не крепостные, не продажные». К вечеру собрание на площади закончилось, и к Салавату в избу пришел новый атаман — литейщик Голубев.

— Когда выступать, полковник? Наши казаки готовы в любой час. Каков приказ государя?

— Пока ждать надо. Вот с Катавского завода почта привезет, тогда пойдем.

— А кто теперь на Катавском заводе?

— Полковник Юлай, — отвечал Салават, умолчав, что Юлай — его отец.

— Тоже, значит, из ваших, — разочарованно протянул атаман. — А что же у государя русские-то есть начальники?

— Как нет? Есть. Вот Овчинников — атаман, Кузнецов — бригадир, Белобородов — фельдмаршал, Соколов — генерал...

— А пошто, не во гнев тебе, государь к нам аллаяров послал? Ну, твои молодцы конечно к нам без обиды, а все же не свой брат. Махомедане ведь они, сказать по совести... Кабы русские — вы бы и на нижнем поселке без драки обошлись... Мы конечно довольны, воля же... Пристава связали, целовальника кончили и знакома твоего на дерево повесили — приказчика... Ты, по совести сказать, и церкву не тронул, а все — не то...

— Государь сказал: наша, ваша — все равно, дети мои. Который бай, который богач — вешать, кто бедный человек — как брату быть.

— Ет-то верно... Правильно ет-то, — подтвердил атаман. — А я вот хочу тебя спросить...

Атаман не договорил: в избу почти вбежал башкирин, крича:

— Катав взят!.. Катав-завод наш!

Это был посланный Юлая. Салават его долго расспрашивал обо всем, как было дело, а поздно вечером вышел, сам проверил караулы, разослал разъезды и только тогда возвратился на отдых.

Несмотря на то, что несколько ночей он плохо спал, Салават и теперь не засыпал, хотя впервые за все время, с той поры, как оправился от раны, почувствовал усталость.

Он лежал в теплой избе, слушал гул пьяных и загудевших голосов на улице и перебирал в памяти час за часом. С выезда из родной деревни постепенно допоминал он до ребенка, найденного в люльке в покинутой избе. Вспомнил и улыбнулся — это было то самое, что было нужно. Это тревожило его, не давало уснуть.

«Непременно вырву денек и съезжу к Амине повидать Рамазана», подумал Салават и тотчас, улыбаясь мыслям своим, заснул.

Он проснулся от страшного крика на улице и стука в дверь. Одной рукой сжав спрятанный под подушкой пистолет, другой напяливая холодную кольчугу, Салават подошел к двери.

— Кто там? — крикнул он. — Что надо?

— Разъезд приехал, абзы, говорят, что солдаты едут от Белорецкого завода.

— Все на коней! — крикнул Салават и поспешно стал одеваться.

Через несколько минут он со всем войском уже готов был отбивать завод. Местные заводчане, вновь пожалованные казаки, ожидали этой первой для них

битвы, как праздника. Их атаман объезжал ряды и кричал громче, чем надо было:

— Держись, держись, братцы! Постоим за государя!.. Крепись, смелей, земляки!.. Господа казаки, держись! Смотри, не осрамись!

Новый разъезд примчался в завод с известиями, что конный алай¹ подходит и через несколько минут будет здесь.

Салават отдал приказ прятаться у домов, в самой густой тени. Сам он и десяток людей выехали к околице. Из ночи навстречу ехал большой, стройный отряд.

— Стой! Кто здесь? — крикнул Салават, смело выезжая вперед с пистолетом в руке.

— Государевы слуги, — ответил передовой. — А вы что за люди?

— Я полковник государев — Салават Юлаев.

— Салават, здорово! — слышался из темноты другой голос, и вперед выехал маленький человек на белой лошади. Он подъехал ближе. Салават узнал его — это был фельдмаршал Пугачева Белобородов. Старый капрал, ходивший с Суворовым, он так держал свой отряд, что никто не усомнился бы при взгляде на него сказать: «Едут царицыны войска».

В войсках Белобородова царил дисциплина и стройность, вот почему и примчались сильно встревоженные всадники.

— Наумыч, здравствуй, — приветствовал фельдмаршала Салават. — Куда едешь?

— К тебе иду. Государь к тебе на помощь послал.

— Айда, иди! Вот тебе и русский начальник! — сказал Салават заводскому атаману. — Принимай гостей.

Белобородовский отряд разместился здесь же, в заводе. Он не только был под командой русского, но и

¹ А л а й — отряд.

почти весь состоял из русских. Заводчане радовались.

— Вот теперь и поверить можно, что вы, правда, от государя, когда русские пришли. Тут уже без фальши!

От Белобородова Салават узнал, что Пугачев отступил от Оренбурга, два дня находился в крепости Магнитной, теперь движется на Белорецкий завод и, быть может, вскоре же будет здесь.

— А Хлопуша с пушками? — не утерпел и перебил рассказ Белобородова Салават.

— Вот тебе и — с хлопушками! И хлопушки не помогли против Декалонга. И сам Афанас теперь не при нас, еще ладно нас господь упас.

Салават не понял каламбура, но почувствовал недоброе.

— Где он?

— В Оренбурге, может, в холодной, а может, и под релей висит. Каждому животу свой конец бывает. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

С этими словами уже раздевшийся Белобородов широко перекрестился, лег в постель и сразу с присвистом захрапел.

Прошло несколько дней. Белобородов ездил к Юлаю на Катавский завод. С гор спустились люди, разбрасывавшие подметные листы¹. Узнав, что завод занят повстанцами, они потребовали, чтобы их отвели к начальнику, и сказали Салавату, что государь находится в Белорецком заводе и льет пушки. Возвратившись с Катавского завода, Белобородов послал на Белорецкий завод гонца с донесением, что шесть тысяч войска ждут приказа государя. На Сюзумском и Катавском заводах ждали ответа.

Прошло дня три. Стояли последние дни апреля, а земля уже густо покрылась зеленью. Говорили, что

¹ Подметные листы — прокламации.

кочевники-башкиры уже ушли с зимовок. С Бело-рецкого завода ответа не было. Верно, задержала гонца еще продолжавшаяся распутица в горах. Но в это же время прибыли Кинзя и Акжягет, приведя с собой каждый по тысяче человек. Они рассказывали, что посланные с ними вместе Аладин и Бахтияр тоже набрали по тысяче с лишком войска и двинулись к Бирску.

Кинзя, привязанный к Салавату, любивший в нем с детства удаль, ловкость, пылкость и быстроту решений; которыми не обладал сам, Кинзя, любивший смелый и задорный взгляд, стройность стана и твердую, не знавшую препятствий волю, сразу заметил, что друг его грустит. Он не выдержал долго. На третий вечер после приезда он стал выпрашивать Салавата, что случилось. Салават уверял, что ничего не случилось и что он ни о чем не тоскует. Тогда Кинзя стал перебирать возможные поводы грусти в мыслях.

Зависть? Но кому мог завидовать Салават — он все мог взять, что захотел бы.

Любовь? Но любая женщина полюбила бы Салавата, как казалось Кинзе. Деньги? Но разве не было их?

Слава? Кинзя даже засмеялся: ему неоднократно пришлось слышать песни и сказки, которые рассказывали и героем которых был Салават.

Покой? Разве для Салавата покой? А может быть, так и есть, что избыток покоя заставил грустить Салавата? Кинзя решил выпросить.

— Салават, ты хочешь скорее итти дальше, на Уфу, на Косотур?

— погоди, Кинзя, ждем приказа, — спокойно сказал Салават. Голос его говорил за то, что не бездействие заставляло его грустить.

Кинзя ударил себя по лбу. Он вдруг понял, что причина самая простая, что его друг, как сотни других,

грустит по дому, по жене и маленькому Рамазану. Кинзя вспомнил, как в день отъезда Салават играл с сыном.

— Ты хочешь домой, Салават? — спросил Кинзя.

— Отстань, мешок, не лезь! — крикнул Салават, и тогда Кинзя понял, что был прав.

— Ты глуп, Салават-агай, глуп. Разве у тебя стельная корова вместо аргамака, что ты не обернешься в один день? Возьми еще моего коня в поводу и поезжай.

— А что скажет Белобородов? — угрюмо буркнул Салават.

— Что скажет? Да ты не говори, куда едешь. А то воспользуйся поездкой и собери еще людей, тогда никто не скажет плохого.

— Ладно, я съезжу, — сказал Салават, умышленно зевая, но сердце его сильнее забилося при этом решении.

Зная характер Салавата, чтобы не раздражать его, Кинзя не ответил ни слова и сделал вид, что заснул сам.

— Кинзя! — через несколько минут окликнул Салават.

— Что? — откликнулся Кинзя.

— А эти, что с тобой приехали...

— Поручик Аллагуват?

— Да, и другой, этот, что пришел вчера с двумя тысячами...

— Айтуган?

— Ну да. Они что-то враждебны к нам...

— Не знаю...

— А ты последи, увидишь... Сегодня они говорили между собой и вдруг замолчали, когда увидели меня, а вчера говорили с воинами и тоже умолкли, увидав меня.

— Ну, так что? — спросил Кинзя, недоумевая.

— Я боюсь уезжать. Кто их знает, что они делают тут?

— Ну, мы все разузнаем завтра, — успокоил его Кинзя. — Я послежу.

Под дубом сидели Айтуган, кривой Аллагуват и почти мальчик Ахтамыян; они разговаривали громко, будучи уверены, что кругом никого нет.

— Вот бы до русской мечети добраться. У них идола богато одеты: в золото, в серебро, в камни, — говорил Ахтамыян.

— Погоди, доберемся. Вот Салават уйдет подальше! — сказал Аллагуват, подмигивая ему весело.

— Салават, верно, урусам проданся?

— Не проданся, а дурак, баба. Одно слово — шагир. Они испокон веков блаженненькие, лишней капли крови боятся да про луну поют. На баб он падок, а как дойдет дело до того, чтобы гяуру кровь лишнюю выпустить, уши неверных обрезать, он монахом станет: «Как можно, мы должны с гяурами в мире жить, гяур тоже сабан таскал, табун растил. Гяур подневольный человек».

— Зачем он муллу Ульдана зарубил? Нет, абзы, я думаю, что новый царь, Пугач, купил его.

— Да нет, не купишь Салаватку — знаю я его, не продажный он, а просто юродивый. Это ему блажь такая нашла, будто не урус во всем виноват, а бай. Мулла, мол, тоже бай, и русский лавочник — бай, и помещик — бай, а который гяур бедно живет — он друг башкирам.

— Это Салават говорит? — спросил насмешливо кривой Аллагуват.

— Ну да, Салават. Пугач ему это в голову вбил, он и уши развесил, — гневно подтвердил Айтуган.

— А сам-то Салават разве не бай? Вот Юлай помрет, у него сколько добра будет, — продолжал Аллагуват.

— Он говорит, что который бай против русской царицы, тот не вреден, а который против казацкого царя — вредный, потому что новый царь ему обещал, когда победит царицу, всем башкирам волю дать и военный набор сложить и ясак снять, — досадливо объяснил снова Айтуган.

— Ну да, жди! Нам этого нового царя тоже следовало в топоры взять! — разгорячился молодой башкир Ахтамьян.

— Ну ты, тсс... Петух... Тише! Для всего свое время будет. Ты так-то не распускай язык — не вожжи. Дай Салавату подальше уйти. Его, верно, пошлет Пугай-падша на другие заводы — на Сатку, на Косотур. Он горяч, как молодой кобель, убежит отсюда подальше, а мы тем временем... — Айтуган внезапно замолчал.

— Ну, ну, я слушаю, Айтуган-агай... Интересно, в чем я помешал батырям...

— Салам-алейкум! — приветствовали Салавата оба собеседника Айтугана.

— Алейкум-салам, батырлар! Что вы вскочили с места? Я не разбойник — никого не убью, и не хан — мне не надо таких почестей.

— Ну, ханом-то ты непрочь стать, — пробурчал себе под нос Айтуган.

— Что же ты громче не скажешь, батырь? Говори громче, я-то ведь и тихо слышу, на то певец. У меня уши тройные, я, как луна в небе плещет, как трава растет, и то слышу! Может, и стану ханом, коли народ захочет... А ты кем хочешь быть?

Айтуган молчал.

— Ты бы мог и издали подслушивать нас, если бы так слышал! — дерзко сказал Аллагуват.

— Я не подслушиваю никого, — возразил Салават, — для этого у деревьев есть уши, я не слышал вашего разговора, а когда прикажу — мне и дуб расскажет. — Салават поднял глаза к ветвям дуба. — Эй, Кинзя, сойди сюда, расскажи, что они говорили.

Наверху хрустнул сучок и упал среди говоривших. Кинзя повис на суке и, качнувшись, соскочил на землю.

— Якши-ма, батырлар! — весело крикнул он. — Когда пойдете резать урусам уши, возьмите меня с собой, а от русских идолов, когда разграбите их мечети, подарите мне только золотые хвостики и рога, больше мне не надо, я не жадный.

Салават строго поглядел на собеседников. Кривой и молодой опустили глаза. Айтуган вызывающе глядел на Салавата.

Айтуган усмехнулся. Салават покраснел. Жилы вздулись на его лбу, он выхватил кинжал.

Айтуган и двое его спутников оказались вооруженными пистолетами. Кинзя скрылся за деревьями. Айтуган выстрелил, но Салават во-время прыгнул в сторону.

— Стреляйте! — крикнул Айтуган своим собеседникам.

Салават глядел на обоих. Оба опустили пистолеты.

— Подай сюда пистолет, малайка, — сказал он младшему. Тот встал и покорно отдал оружие.

— И ты! — приказал Салават кривому.

— Не дам, — возразил Аллагуват, но в то же время встал и, как бы против воли, протянул пистолет.

— Теперь ты мой, Айтуган-агай, — торжествующе сказал Салават.

Айтуган засмеялся.

— Верно, не даром говорят, что в твоих взглядах дьявол, только я думал, что ему покоряются только юбки. — Айтуган бросил и свой пистолет.

— Ему покоряются и штаны, — сказал Салават, — покоряются и пули и ослы, которые не слушают вождя.

— Требуй покорности, когда казацкий царь поставит тебя над нами ханом, — опять со смехом возразил Айтуган, — а сейчас хоть я и в твоей власти, ты можешь меня убить, благо я не урус, но подчиняться меня ты не заставишь.

— Ты, верблюд! — гневно крикнул Салават. — Я не убиваю тех, кто может быть полезным Башкурдистану. И куда бы я ни ушел в погоне за войсками царицы, ты не посмеешь грабить церкви и нападать на деревни наших кунаков, русских. Вешай баев, если хочешь делать покойников, бери заводы, убивай управляющих, а если против нас поднимешь заводы и хлебопашцев, я тебя убью, Айтуган, своей рукой. Или, хуже, на твоём лбу я вырежу: «предатель Башкурдистана», и так я пущу тебя жить. Где твои воины? Убирайся сейчас же! Созови их на шишку — я сам буду говорить с ними. Ты, мальчишка, иди тоже, а ты, — Салават угрозил Аллагувату, — я тебя знаю. Ты не даром бывал у Рыса-бая. Если еще раз я услышу, что ты сеешь раздоры... — Салават замолчал на мгновение. — Ну, пошли, живо!

Все трое молча пошли прочь. Салават сел под дубом. Через минуту послышался треск сучьев, топот коня, сначала одного, потом еще и еще.

— Вот здесь! — крикнул Кинзя и подъехал к Салавату.

— Здравствуй, спаситель! — сказал Салават. — Веди назад своих воинов и в награду за скорую помощь можешь взять любой из этих пистолетов, — он указал на два пистолета, которые ни кривой, ни младший из собеседников Айтугана так и не посмели попросить назад.

Кинзя сконфуженно пробормотал:

— Со мной не было оружия, Салават-агай.

— Со мной тоже не было, — сказал Салават. — Зато теперь слишком уж много, возьми один себе и вперед без оружия не ходи никогда, теперь они знают, что ты за меня... Ничего не случилось? — обратился он к всадникам, подъехавшим по следам Кинзи. — Ждать меня у кошей. Пусть никто из вас не уезжает никуда!

Всадники вернулись в лес.

— Как ты попал на этот дуб? — спросил Салават.

— Предупредил тебя и нагнал снова их на дороге в лесу. Я увидал, куда они идут, побежал вперед и подумал: «Под этим дубом удобнее всего сидеть». Я и залез. А когда они подошли, они так и сели здесь, как я ждал... А ты как узнал, что я здесь?

— Чудак! Только слепой примет красные штаны на дереве за цветок или бабочку, а когда я увидал красные штаны, то решил, что такой толстый зад может быть только у тебя.

— Я сошью себе зеленые штаны, как твои, — сказал сконфуженно Кинзя.

— Я бы подарил тебе свои, — сказал Салават, — только не знаю, на какое место они тебе влезут — уж больно ты толст, Кинзя. Ну, да не плачь, найдем что-нибудь. Вот возьмем Уфу, так из первой же канцелярии со стола начальника бери себе сукно. А пока пойдем — Айтуган и Аллагуват собрали своих воинов на шишке. Я буду говорить с ними.

Салават говорил с собравшимися на шишке воинами Айтугана и Аллагувата:

— Кто сеет рознь и раздоры — предатель... Тот, говорю я, предатель. Урус-бедняк — наш друг. Если грабить его дом, он будет против нас, а теперь он с нами, потому мы сильнее. Каждый, кто грабит бедняка-уруса, нашего кунака, тот сеет рознь. Он предатель и

достоин казни. Кто нападет на русскую церковь, тот сеет рознь и тоже достоин казни.

Так говорил Салават, и воины поддерживали его речь. Три тысячи воинов слушали его. Однако, кончив свою речь, Салават не успокоился. Он все рассказал Белобородову.

— Что же с ними делать, как ты смекаешь? — спросил Белобородов.

— Я думал.

— Что же думал?

— Айтугана послать в Кигинский юрт, пусть подымает тептярей и стоит там с войском. Там нет урусов, и ему не с кем ссориться.

— Ладно. А что сделать с Аллагуватом?

— Аллагувата пошли к государю отвезти деньги, и пусть с ним человек двести пойдет. Остальные здесь будут.

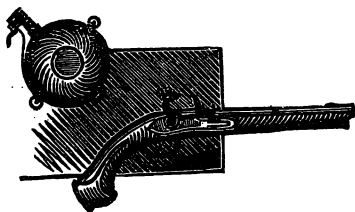
— Ну, а молодого этого? — спросил Белобородов уже облегченно.

— Молодого отдай мне в сотники. Он будет доволен, что стал сотником, а среди моих ребят он не опасен — они все меня слушают во всем.

Белобородов рассмеялся веселым кашляющим смехом.

— Ох, и хитер ты, Салават... Был бы ты русаком — тебе цены бы не было.

— Ничего, нам не надо русак быть, — возразил обидчиво Салават.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*Я пустил стрелу высоко,
ласточку убил.
Упала бедная птишка
к моим ногам.*

(Из песни Салавата)

На другое утро Айтуган вышел в Киги, в свою волость. К вечеру того же дня Аллагуват с двумя сотнями повез в Белорецк денежный сундук.

— Теперь я уеду на сутки, — сказал Салават Кинзе.

— Ну, что же, поезжай. Аллах сохранит тебя, — одобрил Кинзя.

Салават выехал. Ночь и день ехал он, а когда уже солнце начало спускаться, подъезжал к дому. Он ехал налегке, сидя на любимом своем коне; в поводу у него была другая сильная и быстрая лошадь. Каждые два-три часа он менял их и снова мчался дальше.

Шиганаеву, родную деревню, он объехал, боясь, что женщины начнут расспрашивать о своих мужьях и тем задержат.

Много девушек знал батырь,
много любили его.

Они отдали ему все, что имели,
но одна только дала ему сына.

Как лев устанет, он хочет отдыха.

Лучший отдых батыря — дом семьи.

Потому, когда могу отдохнуть от битвы,
я иду к той, которая родила мне дитя.

Так напевая, подъехал Салават к дому тестя. Он соскочил с коня и вошел в избу. Амина не ждала его и вскочила из-за прялки.

— Якши-ма! — крикнул весело Салават.

— Ой, плохо, Салават!.. Рамазан мой умер... Цветок мой... — Амина заплакала в голос, громко.

Салават опустил голову и стоял молча. Смерть сына была для него неожиданна. Он думал застать веселого, смеющегося толстяка, и вдруг его нет. Кто же будет петь песни? Кого же будет учить он ездить в седле? В мыслях Салавата мгновенно мелькнули все картины возможной будущей жизни с сыном, глубокие морщины взбороздили его лоб, гнев на мать, нерадивую, небрежную, не защитившую его, Салаватово семя, охватил его. Он схватился за кинжал, но, взглянув на нее — она плакала, — Салават опустил руку, и из гневного, обезображенного лица его стало снова красивым, как всегда.

— Кышкырма, кышкырма, еще будет сын. Разве виновата земля, что аллах послал град на ее плоды? Не плачь, расскажи мне, отчего умер он.

Салават обнял Амину и сел с ней на край урдыка¹.

Всхлипывая, рукавом отирая слезы, она рассказывала ему о том, как у мальчика сделался отчего-то понос, как мучился он и плакал, и старая Суфия не сумела помочь ему шептанием, и мулла, несмотря на большой хаир, не смог ничего сделать, а когда умер Рамазан, мулла сказал поучительно: «Дурные семена побивает аллах молнией, чтобы не засоряли чистых хлебов».

— Дурак он, — сказал Салават. — Покажи мне могилу Рамазана.

Закат горел золотыми перьями, когда они вышли из дома и пошли на кладбище. Дойдя до деревьев, среди которых белели могильные камни, Салават сказал:

— Не ходи дальше, — он не хотел, чтобы Амина снова заплакала, — покажи отсюда.

¹ У р ы д ы к — широкие нары, служащие в башкирской избе одновременно столом, скамейкой, кроватью.

— Вон тот камень, где сидит карагуш.

Салават взглянул. На одном из камней сидел орел и надменными глазами глядел на Салавата.

— Орел стережет сон орленка, — сказал Салават. — Ладно, иди домой, я скоро приду.

Салават пошел к могиле.

Орел сидел и ждал. Салават вынул стрелу, но раздумал и снова вложил ее в колчан. Орел крикнул, пошатнулся, как бы теряя равновесие, и, расправя крылья, медленно поднялся к небу.

Салават положил руку на камень и стоял молча. Потом он вынул стрелу и острым наконечником нацарапал на камне слова:

Ты родился, чтобы стать первым батырем,
но умер, не успев вырасти.
Глядя на младших братьев с неба,
утешайся тем, что они не хуже, чем был бы ты...

Амина, оставив Салавата на кладбище, прошла домой. В воротах она столкнулась с Бухаиром Рысабаевым, торопливо выходившим из избы.

— Что тебе, Бухаир?

Рысабаев смутился.

— Мне ничего... Это я так, по-соседски зашел.

— Подожди, коли так... Что же ты без хозяина по-соседски заходишь, а хозяин — домой, ты — из дома!

Бухаир смутился еще больше.

— Да нет... Не по-соседски я... Это я к тебе зашел, да гляжу, там Салаваткин конь стоит, — значит, он приехал, а у меня к тебе к одной дело.

— Какое дело у тебя? Говори. У меня нет секретов от Салавата! — сказала Амина.

— Амина, ты попрежнему верна Салавату и не любишь меня? — спросил он вкрадчиво.

— Уходи! — воскликнула Амина. — Я тебе сказала давно.

— Сказала давно? Но тогда, когда ты говорила, Салават сам любил тебя.

— А теперь? — спросила она.

— Теперь, верно, завелась другая зазноба, что он прожил в Шиганаевой у отца неделю, был в Муратовке, а к тебе не заехал.

— Он был занят... Он большой начальник, — возразила Амина, — а теперь он нарочно ко мне приехал!

— Он прикидывается, что любит тебя, а сам только скрылся, потому что войско его разбито, и ему некуда больше деться. Он сказал тебе, что пошел на могилу сына, а сам милуется там с молодой девчонкой. Не веришь — гляди сама и жди, когда из-за деревьев выйдет твоя соперница... Он не стоит и ногтя с ноги твоей, а ты хочешь смерть принять за него!

— Ты врешь, — твердо ответила молодому башкирину Амина. — Салават смелый, он не боится сказать женщине, что не любит ее больше.

— Гляди сама, — возразил злорадно бай, пощипывая усы и довольно улыбаясь. Он указал в сторону кладбища. Оттуда шла женщина, но в сумерках нельзя было разглядеть ее лица и походки, казалось, что она слегка прихрамывает. Амина рванулась на улицу.

— Стой! — схватил ее за полу бай. — Стой, ты испортишь все дело! Гляди — вот за ней идет Салават, он все еще не наговорился с ней. Вот догоняет, гляди.

Салават догнал женщину, остановился с ней на мгновение. Амина рванулась туда, но юноша снова остановил ее.

— Не пуш! Теперь говори — согласна?

Амина мгновение молчала, опустив голову. Даже в сумерках можно было видеть, как бледность покрыла ее лицо.

— Иди прочь! — прошептала она.

С улицы донеслось пенье Салавата.

— Хош! — сказал Рыса-баев и выскочил быстро во двор.

Плодородную землю любит пахарь,
хотя грал аллаха побил посев,
земля, уродившая раз, родит повторно,
потому ее больше лкбит пахарь.
Пусть степь, в цветах пестреющая,
красивее, чем желтая солома ржи,—
больше всех девушек, желающих меня,
я люблю ту, которая родила мне сына.

Салават запер ворота, осмотрел запор, прошел в конюшню, там потрепал коня, потом пошел в дом. Когда входил, он заметил, что из ворот выскользнула мужская фигура. Ему показалось, что это Бухаир.

Салават вошел в комнату.

— Кто был здесь у тебя? — спросил Салават Амину.

— Никого не было, — ответила она торопливо; она не хотела солгать, но ложь как-то сама собой сорвалась с языка. Амина смутилась, однако Салават не заметил смущения ее и ничего не сказал ей про то, что видел Бухаира, не желая ее тревожить.

Салават снял обувь и сел на урндык.

Молчаливая Амина подала ему ужин. Салават ел молча и, только когда поел, сказал:

— Амина, жалко Рамазана. Роди мне второго такого же молодца.

Амина вспыхнула и вытерла рукавом слезу.

— Не плачь уж, я пришел к тебе, у нас будет другой сын, не хуже первого.

— Ты меня больше не любишь! Зачем тебе мой сын?

Салават засмеялся:

— Давай ложиться, старушка, тогда поговорим. Если ты судишь по тому, что я не привез подарка, не думай так. Сейчас было нельзя, зато в другой раз привезу тебе вдвое.

Салават стал раздеваться. Под рубашкой его была кольчуга. Он хотел снять ее, но Амина взяла его за руку. Ее ложь, невольная и ненужная, мучила ее, и она хотела рассказать Салавату, что был Бухаир, но он не дал ей говорить — он понял ее жест как предостережение.

— Верно, старушка! Тебе надо быть в моих войсках начальником. Я и то думаю — снимать ли кольчугу да не взнудать ли коня?

Что-то, мне думается, старик Рыса замышляет. Хромая Рыса-баиха следила за мной на кладбище, я думал — она ушла, а она на горке опять дожидалась.

— Хромая старуха?! — радостно воскликнула Амина.

— Ну да... Да ты не смотри, что старуха, — она хитрая! Ее старик Рыса-бай или сын...

— Ну да, ждала на горке хромая, значит, он обманул меня... Рыса... — Амина смолкла вдруг, смущенная своими словами, растерялась, испугалась, что Салават узнает о посещении Рыса-баева, пожалела, что начала говорить, испугалась его ревности.

— Кто обманул? Что ты? — допытывался Салават.

— Да нет, ничего... — Амина не dokonчила. Подполье с громом раскрылось, и восемь человек башкир и казаков, толкаясь и тискаясь, выскочили вон. Салават бросился к двери, но в дверь с пистолетом явился молодой Рыса-баев.

Амина только теперь поняла, зачем Бухаир приходил в их избу, — он привел засаду.

«Салават сочтет меня участницей!» мелькнуло в ее мыслях. Она бросилась к Салавату, но он с криком: «Изменница!» шзырнул ее в угол. Амина осталась неподвижной, расширенными глазами наблюдая битву. Мгновенно Салават подумал, что в рукопашной схватке он лучше уберется от пистолета, — не станет же Рыса-баев стрелять, рискуя попасть в товарищей. Са-

лават бросился в схватку, и вылезшие из подполья, как щенята вокруг медведя, повисли на нем, желая удержать, но, схватив одного из них подмышки, Салават, ударив наотмашь его ногами, свалил сразу троих, размахнулся и бросил его в открытую дверь, где попрежнему с пистолетом стоял Рыса-баев. Грянул пистолетный выстрел, вскрикнул невольно раненый Рыса-баевым казак, и сам Рыса-баев упал навзничь в сени. Амина бросилась на постель и рыдала. Четверо оставшихся наступали на Салавата, обнажив кинжалы. Тогда Салават схватил в одну руку седло, лежавшее с краю урныдыка, в другую — подушку. Подушку он бросил на острый кинжал башкирина Шакирки, седлом швырнул в голову казака, тут же без стога свалившегося на пол, и, разорвав пузырь, прыгнул в окно... Двое казаков выскочили за ним. Со двора бежал уже оправившийся Рыса-баев. Салават кинулся к берегу, и бурливая ночная Юрузень открыла ему воды свои. Сзади услышал Салават пистолетный выстрел, показавшийся ему далеким. Никто не решился полезть за ним в весеннюю холодную воду: в темноте ночи, один на один Салават был страшен.

Он выбрался на противоположный берег и залег в кустах. Там сидел он, дрожа, пока все не утихло в деревне. Когда же огни потасли, он пошел. С рассветом он подошел к чужой кочевке и постучал в дверь коша.

Заспанный голос хозяина спросил:

— Кто там?

— Я — батырь Салават Юлаев-оглы.

— Что тебе? — испуганно спросил хозяин.

— Я бежал от казаков, даже без штанов, дай мне во что одеться, дай лук, дай стрелы и дай коня.

Хозяин открыл дверь.

— Входи скорее, одевайся, вот мое платье. Бери

коня вон из того табуна, что пасется налево. Вот тебе узда, вот лук и стрелы, вот седло, — торопился хозяин. — Теперь свяжи меня, пожалуйста, и заткни мне рот: я скажу, что ты ограбил меня.

Салават засмеялся.

— Не смейся. У меня десять ртов и ни одного помощника. Как стану я бунтовать?

Салават связал хозяина полотенцем и в рот заткнул тюбетейку.

— Рахмат. Пусть хранит аллах все десять ртов и скорее пошлет тебе одиннадцатый. Хош.

Салават вышел. В табуне он поймал жеребца. Жеребец взвился на дыбы.

— Тор, Сукры! — крикнул ему Салават. — Будешь товарищем батырю... Мне не надо твоих кобыл — даже на лучшую женщину нельзя положиться.

Приарканив к дереву, Салават с трудом оседлал аргамака. Айгир не хотел стать невольником, больше всего труда было взнуздать его, но когда железо, пенясь, захрустело в зубах коня, Салават засмеялся.

— Ну, теперь-то мы будем друзьями.

Он вскочил в седло и, обрезав кинжалом аркан, сразу натянул повод и дал шпоры. Айгир взлетел в воздух и хотел лечь на спину, но Салават ударил его рукоятью лука между глазами.

— Поборемся, — проговорил он и повернул аргамака назад к Юрузени.

Солнце только что взошло, и над рекой ползал еще кое-где туман, когда запененный конь остановился у реки. Салават привязал его к дереву и погладил ему морду.

По ту сторону реки лежала деревня Калмакова, дом его жены и его сына. Салават, глядя между кустами, ждал. Женщина вышла из ворот и пошла к реке, неся пустой кумган.

Салават запел громко:

Кто родился в месяц Рамазан,
тот будет большим батырем—
так говорят старики
Аллах дает ему силу.

С этими словами Салават снял с плеча лук и вынул стрелу из колчана.

Салават думал, что Амина предала его, что она сама впустила засаду в подполье из ревности, не разобрав, что он говорил со старухой. Салават вспомнил тень Рыса-баева, мелькнувшую при его возвращении с кладбища, вспомнил смущение Амины. Острыми глазами он впился в лицо Амины, как бы желая наглядеться в последний раз. Женщина спустилась к реке и, верно задумавшись, не слыхала песни. Салават продолжал:

Кто родился в месяц Рамазан,
будет одинок всегда,
и его любимая жена
станет полюбовницей джадида¹.
Чтобы был он верен войне,
аллах посылает ему неверную любовь,
а батырь всегда в ответ на измену
изменнице посылает крылатую смерть.

Амина узнала голос Салавата. Она бросила кумган на землю, сбежала к воде и закричала:

— Салават!

— Амина, хош! Прощай! — крикнул Салават и спустил стрелу.

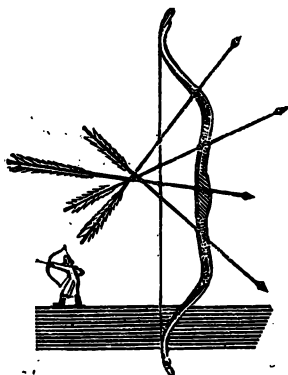
Амина упала.

Салават молча смотрел на нее, опустив лук, потом отвязал коня, окончательно смирившегося, въехал в реку и на виду всей деревни напоил его. Повернув обратно в лес, он помчался рысью. Проехав так,

¹ Джадид — отступник.

пока аргамак устал и покрылся пеной, он отпустил повод и запел:

Самая горячая любовь
всегда приносит измену.
Больше всех девушек, желающих меня,
я люблю ту, которой подарил смерть...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Оных противников, на стгах других, без всякой пощады предавать смерти и жилища их разорять до основачия.

(Из приказа)

Когда трижды обмал ушый твоя враг твой не дажит тебе милость свою, то заткни уши свои перстам презрения, и это будет угодно аллаху.

(Коран)

Несмотря на то, что были первые дни мая, уже наступило лето. Густая трава подымалась по берегу глубокого Сюма, и табуны бродили возле лагеря. Вместо того чтобы ютиться в тесных избах заводчан, стесняя хозяев и самих себя, повстанцы теперь вышли в лагерь и жили, расставив кочевые коши. Правда, эти вооруженные кочевья не были похожи на обычно мирные кочевки башкир. Слишком часто и близко один от другого стояли кощи, слишком много стояло их в одном месте, слишком мало было женщин и почти не было детей. Целую ночь возле кочевков разъезжали сторожевые отряды, останавливая каждого проезжего, около половины коней не отпускалось от лагеря и держалось под седлом.

В таком лагере жил Салават. Поездка домой, известие о смерти Рамазана, смерть Амины — все это так ударило Салавата болью одиночества, что теперь он уже не жаждал ни покоя, ни дома, ни женской ласки. Его мысль не волновали даже редкие воспоминания

о Гульбазир, которую так и не успел он повидать, потому что жила она у своего отца, после смерти Рамазана оставив Амину. Теперь Салават не хотел видеть и Гульбазир. Представление о том, как бы она была рада его приезду, не радовало его воображения, он хотел только одного — битвы, движения. Поэтому с удовольствием глядел он на спадающие воды Сюма. Салават знал, что чем скорее спадет вода, тем скорее начнутся новые битвы.

Майский вечер трепетал соловьиным трезвоном. Как соловьиная трель, нежно трепетали в темных водах Сюма отражения звезд. Салават сидел на берегу и, хоть песня просилась на уста, не смел нарушить торжественного покоя темной речной тишины. Ему казалось, что трепетные голубые огни из воды вспорхнут и улетят при первом его движении, как улетит и серокрылый певец, примостившийся в ветвях прибрежного осокоря.

— Са-ла-ват, где ты? — нарушил тишину пронзительный возглас.

Салават узнал голос Кинзи. Он не ответил. Прошло несколько мгновений. Соловей не умолк, и звезды попрежнему светили, но очарование безлюдного покоя природы исчезло.

— Са-ла-ват! — слышался возглас еще ближе, и вслед за тем захрустели сучья под копытами лошади.

— Здесь я, — откликнулся Салават с недовольством. — Чего надо?

— Скорее иди, Салават. Скорее!.. Прискакал из Уфы вестник. Говорят, что против нас идет полковник, тот самый, который разбил нас под Уфой, — Михельсон, полковник!..

Салават скорее обрадовался, чем огорчился. От Пугачева не было распоряжений о выступлении. Он попрежнему стоял в Белорецком заводе и лил пушки, за-

пасаясь оружием. Он распорядился только отдать приказ Биктемиру охранять горные проходы, а Салавату, Юлаю и Белобородову — удерживать за собой заводы. Но теперь, когда дошла весть, что идут войска, Салават чувствовал себя в праве и без приказа двинуться вперед, навстречу врагу. Постылое, безделье кончилось.

— Скорей в завод! — крикнул Салават, вскакивая за седло к Кинзе.

— Не очень спеши, двоих лошадей не увезет скоро, — возразил Кинзя.

— Сколько войска ждет? Где их видели? Может быть, не сюда идут? — закидывал Салават спутника вопросами.

— Сам узнаешь, постой, — охладил его пыл Кинзя.

Они подъехали к лагерю. Салават прошел в свой кош, где уже набились любопытные. Усталый, измученный дорогой башкирин сидел на подушке, отхлебывая кумыс, между каждыми двумя глотками роняя несколько слов в ответ на десятки задаваемых окружающими вопросов.

— Сотники, объявить сбор! — крикнул Салават, входя. — Хамит, за Белобородовым! — обратился он к мальчику, бывшему всегда в его коше.

— Хорошо, абзы! — крикнул мальчик, уже выходя.

Сотники расходились медленнее. Они не смели слушаться, но в то же время всем им хотелось слышать, что расскажет гонец.

— Где видали солдат? — не здороваясь, спросил Салават.

— Вышли от Яны-тау, идут сюда, — ответил гонец.

— Каковы дороги?

— До Лемаз-идели жидкая грязь, а по эту сторону вязкая грязь.

— На колеса пристаёт много?

— Не бойся, — успокоил гонец, — пушки завязнут. Только ветер с запада дует, не принес бы дождя — по жидкой грязи поспеют: кони у них хороши. Стерлитамакские да табынские башкиры помогли: как пришли в покорность, все время овес да жито возят.

— Будь они прокляты, даджалы! — произнес Салават со злобой. — А что, скажи, до Бака-тау поспеем мы доехать, если сейчас тронемся?

Вестник задумался на мгновенье.

— Вы с пушками? — спросил он и, не дождавшись ответа, сам продолжал: — Если с пушками, лучше Аджигардак-тау займите, не дойти уже до Бака-тау. Липкая грязь не только им — и вам не полезна.

В это время вошел Белобородов. Расспросив обо всем и узнав, в чем дело, он согласился с Салаватом во всех соображениях, только решил разделить отряд и часть его послать на Березовые горы, лежавшие влево под углом к Аджигардаку, на случай, если бы Михельсон послал часть в обход.

Войско уже стояло наготове, когда Салават и Белобородов вышли из коша.

Без шума, без походного тревожного гомона выехали войска на запад.

Белобородов помчался к своему отряду, чтобы выйти с ним на Березовые горы.

В нескольких верстах от завода стали войска Салавата, заняв вершины Аджигардак-тау, на самых вершинах поставили пушки, наведя их заранее в более удобные для прохода места. Наступил медлительный рассвет, с запада ползли тучи.

— Не во-время аллах посылает дождь, — сказал Салават задумчиво. — Подспеют Михельсоновы пушки.

И в этот самый миг кругом зашептали, тихо передавая:

— Едут, едут!

Серая рассветная муть зашевелилась внизу, под горой, но как следует разобрать было нельзя, потому что начавший расстилаться в долине утренний туман скрыл врага.

— Пятеро охотников в разъезд! — выкрикнул Салават.

Никто не отвечал.

— Сотников сюда! — позвал Салават гневно.

Сотники мгновенно собрались.

— Каждый выделит по одному человеку в опасное дело, — приказал Салават, — бабы ваши сами не решаются!

Кинзя подъехал к Салавату.

— Я поеду, — сказал он. — Куда надо?

Салават обрадованно взглянул на него.

— Ты лучший друг, Кинзя... Храбрый воин... Ты настоящий башкирин — не баба!

Кинзя просиял от радости, что заслужил похвалу друга.

— Что надо делать? — спросил он, радостно смущенный.

— За туманом мы не увидим солдат, — объяснял Салават, — но пушки уже наведены, им негде больше идти. Ни правее, ни левее они не пойдут. Поезжай на дорогу, поезжай до оврага. Спрячься и жди. Когда с тобой поровняются солдаты, — стреляй, это будет знак. Если тебя не убьют солдаты и минует наша картечь, — скачи впереди них и не стреляй до самого осокоря, что над озером... Стреляй, когда туда подойдут солдаты, — туда тоже наведены наши пушки... или не стреляй, а кричи здесь громче.

Сотники привели десятерых башкир. Салават объяснил им, что они должны делать: они должны были остаться у озера, почти у самого подножья горы, и ждать, пока подойдут солдаты. Если Кинзя останется

жив, — по его знаку, а если нет, — просто, поровнявшись с солдатами, поднять визг и крик, что послужит сигналом стрелять по этому месту картечью.

— Значит, помирать едем? — спросил один из отъезжавших.

— А ты думаешь, может, на войну танцовать ездят, а не умирать? — насмешливо спросил Салават.

— Хош, — сказал Кинзя, трогая повод.

— Хош, — ответил Салават и вдруг только теперь понял, что лучшего и преданнейшего друга послал он на самую верную смерть. Понял, что пройдет всего несколько мгновений, прежде чем он, Салават, отдаст приказ бить картечью в то самое место, откуда грянет выстрел Кинзи.

Топот отъезжавших коней затих. Гора замерла.

— Канониры справа, готовься! — скомандовал Салават.

— Готово! — ответили в один голос канониры, и легкий ветерок защекотал нос дымом их фитилей.

Медлительный и до того рассвет еще замедлялся. Стояла тишина, и вдруг одинокий выстрел снизу колыхнул горы гулом.

— Пали! — крикнул Салават.

И тотчас грянули четыре пушечных выстрела, в страшном вихре звука унося визжащий свинец картечи.

— Заряжай! — крикнул Салават и спокойно прибавил: — Канониры слева, готовься!

— Готово! — ответили канониры.

Снизу, из долины, доносился нестройный гвалт и выстрелы. Салавату представился убитый своей же картечью Кинзя, и кажется в первый раз в жизни Салават почувствовал себя перед ним виноватым.

Еще звучали отдельные выстрелы, когда из тумана слышался воинственный визг и крик башкир. Сала-

вату представился Кинзя с десятком всадников, вместе мчавшихся впереди михельсоновского отряда.

— Зажигай! — выкрикнул Салават, одновременно думая о том, что первый под свирепый визг картечи попадет именно Кинзя.

Грохнули и отдались перекатами в горах новые удары пушек, и когда в ушах чуть затих гул, снизу услышали все стрельбу и крики. Не одному Салавату, а всем, кто был на горе, стало понятно, что происходит внизу.

Вот мчится отряд храбрецов, едва поспевая в гору, а сзади освирепевшие, понявшие хитрость солдаты Михельсона преследуют выстрелом эту горсточку башкир. Крики и выстрелы слышались ближе.

— На коней! — грянул Салават, выхватив саблю, в другой руке держа пистолет, и ринулся с горы навстречу врагу. Едва поспевая за ним, помчались башкиры.

Впереди, навстречу Салавату, мелькнули люди в рысских шапках.

Толстый Кинзя на коне вынырнул из тумана, и в то же время мимо просвистели первые солдатские пули.

— Жив? — крикнул радостно Салават Кинзе.

— Айда вперед! — И Кинзя повернул за другом, выхватив из-за седла тяжеловесный и страшный сукмар.

Еще через мгновенье Кинзя, Салават и мчавшиеся впереди других башкиры уже смешались с передовым отрядом солдат. Туман был густ. Темные крупы лошадей да головы всадников внезапно выныривали перед глазами противников. Пороховой дым не расходился в сыром воздухе, а еще больше сгущал серую туманную завесу. Выстрелы и крики гремели в тумане. Стоял гвалт, кричали раненые лошади, стонали люди. Десятки солдат обрушивались на каждого повстанца.

Салават сделал ошибку. Первый раз в битве он послушался голоса чувства, в первый раз подумал о человеке, а не о деле. Слишком поторопился навстречу Кинзе и увлек за собой башкир, широким тонким полукольцом сорвавшихся с вершины Аджигардака. Салават не учел того, что в туманной долине, на большом расстоянии друг от друга, растеряются башкирские сотни. Михельсон, наоборот, подумал о тумане, но не о том, что легче нападать в тумане, — он во-время подумал, что против невидимого врага надо защищаться плотной колонной. Солдаты его сомкнутыми, тесными рядами держались, сначала только отбиваясь от налетавших, как саранча, башкир, потом разорвали их, разделили на две части и наконец стали теснить разрозненных и отчасти растерявшихся перед дружным натиском воинов.

Михельсон подумал и о том, чтобы оставить запасную часть, а его помощник разделил эту часть надвое, и вот в тыл обоих рассеянных и усталых отрядов ударила свежая михельсоновская кавалерия.

Башкиры побежали через Аджигардак. Страшен и тяжел был подъем на гору. Хитрый враг отстал, как бы отказавшись от преследования, но когда беглецы поднялись на середину горы, в тыл им ударила картечь из шести пушек разом, а за визгом картечи грянуло «ура», и с новыми силами ринулись преследователи на бегущих.

Мимо Сюзского завода, путь которому перерезали гусары Михельсона, ринулись убежавшие повстанцы. Многие погибли, переправляясь через глубокий Сюз.

Только ночь отдыхал Михельсон в заводе. Большинство заводчан ушло с Белобородовым, поверив в то, что он и вправду ведет «государевы» войска, потому что в отряде его были почти все русские, и многие попали с других заводов, из крестьян того

же Твердышова, и даже оказались давними знакомцами сямских рабочих. Они-то и увлекли сямцев, но Михельсон все-таки торжествовал: те, кто остался, пришли к нему с повинной и объявили, что они обманом были увлечены в бунт.

Салават бежал в деревню Юран. С Березовых гор на соединение к нему поспешил Белобородов. Ровно через сутки на рассвете ударил Михельсон на их объединенный отряд. Не успевшие еще отдохнуть и оправиться, не ожидавшие так скоро нового нападения, башкиры сразу дрогнули. Видя это, с тем большей стремительностью ринул на них Михельсон губительные потоки картечи. Когда же Салават приказал повернуть пушки и под страшным огнем сам подскакал отдать приказ снять их с передков, михельсоновская конница, как буря, налетела на него.

Очутившись среди гусар, только саблей отмахивался от них Салават и не сам бежал, а конь, раненный пулей в круп, вынес его из битвы.

Башкиры бежали. Бежал отряд Белобородова. Пушки остались в руках Михельсона.

Не давая отдыха бежавшим, на другой день Михельсон снова напал на них, перейдя в брод глубокие воды коварной Юрузень-идель; Салават и Белобородов снова отступили. Теперь они шли к Саткинскому заводу. Отдельные отбившиеся толпы повстанцев нагоняли их, выезжая из лесов и гор, и вдруг до беглецов долетел крылатый, как все слухи, слух, что «сам государь», усилив в Магнитной крепости войска казаками, идет к ним навстречу в Сатку. Слух принес Айтуган, к которому в Киги приехал отвезший казну Аллагуват.

Наперебой, глядя торжествуяще на Салавата, они рассказывали о том, что в крепости Магнитной, собрав башкирских старшин, Пугай-падша обещал вывести гу-ур за рубежи башкирской страны.

— Вот когда все башкиры станут абзы, — говорил Айтуган Салавату. — Ты хуже гяура, Пугай говорил. Он и то справедливость знает, а ты ее знать не хотел... Он обещал нам, что выведет урусов, он сказал — сжечь деревни и гнать всех в Кунгур на вольные земли... Он сам сказал...

Салават недоверчиво качал головой.

Прошла неделя, в течение которой Михельсон не раз тревожил повстанцев. Снова пришлось им проделать тот же круг — с Саткинского двинуться на Сюзумский завод; при этом они сожгли деревни, лежавшие при заводе, те деревни, из-за которых кудейские башкиры дрались еще несколько лет назад.

— Государь повелевает вам, — выкрикивал Белобородов, — итти в Кунгурский уезд, в хлебные места, на вольные земли!

Сюзумские заводчане пошли — иные доброй волей, иные поневоле, потому что были сожжены их жилища.

Салават, Айтуган и Белобородов стояли снова под Саткой, когда настиг их Пугачев. Отбитый от Троицкой крепости, раненный картечью, он по дороге сжег завод Косотур.

Громадный лагерь раскинулся в горах Сатки. Был полдень, когда в лагере кто-то крикнул: «Сатка горит!»

Взоры всех, слышавших крик, обернулись в сторону Саткинского завода, а через минуту уже никого не осталось в кошах — все высыпали наружу и впились взорами в дым, подымавшийся огромной тучей над заводом, в пламя, лизавшее языком полуденное жаркое небо.

— Это Аллагуват жжет завод! — крикнул Салават. — Он подымет против нас всех заводчан!

— Аллагуват здесь спит. Ты уже думаешь, что, кроме него, урусов все любят? — насмешливо заметил Айтуган над самым ухом Салавата.

— Михельсон опять с Сатки идет, — предположили в толпе башкир.

— Надо ехать туда, — заметил Белобородов. — Кто там ни будь, а ехать надо.

— Я поеду, — предложил Салават.

— Ты больно горяч, полковник, молод, не в обиду тебе сказать, — лучше пусть кто постарше едет.

— Правильно, пусть постарше, а то у Салавата слишком еще молодое сердце, не успело затвердеть, как девичье, — заметил Айтуган.

Толпа башкир, стоявших за Айтуганом, его приверженцев, среди которых вошло в обычай подсмеиваться над Салаватом, громко расхохоталась. Салават покраснел и выхватил пистолет. Белобородов схватил его за руку.

— Стой, полковник! — крикнул он. — Кто отдал приказ, что за раздоры — смерть?

— Это простым башкирам смерть, — насмешливо продолжал Айтуган. — Разве можно казнить того, кто хочет стать ханом?

— Прозеваете с раздорами Михельсона, — заметил из толпы старый башкирин. — Ехать, так ехать.

Все снова взглянули в сторону Сатки. На соседний пригорок, по направлению к пожару, уже мчался конный отряд башкир из лагеря.

— Кто это? — недоуменно воскликнули стоявшие в несколько голосов.

— Это Салаватов хвост, — вглядевшись острыми зрачками, узнал Айтуган, — мешок жиру, Кинзя.

— Воин, а не разбойник, — огрызнулся за Кинзю Салават. — Один Салаватов хвост стоит десятка таких голов, как твоя.

— Не грызитесь вы, окаянные! На конь! — крикнул Белобородов.

— Женский гнев, как кольцо, у него нет конца, —

связил напоследок Айтуган, — а у Салавата девичье сердце.

Салават уже не слышал последних его слов. Послушный приказу Белобородова, он собрал своих сотников.

Прошло несколько минут, и лагерь ощерился пушками. Еще два отряда выехали к Сатке. Они не успели подняться на ближайший пригорок, когда сверху, из-за пригорка, показалась громадная толпа, возраставшая с каждым мгновением. Пешие и конные смешались. Красное знамя полыхало над передними рядами. Белобородов, оставшийся в лагере, сразу узнал его.

— Государь едет! — крикнул он оставшимся с ним войскам. — Ядра вон из пушек. Салют государю!

Пугачев в бархатном кафтане поверх красной рубахи сидел в рыдване, спускавшемся с горы. Впереди него ехали трое всадников с красным флагом.

Шесть пушек, оставшихся после битв с Михельсоном, грохнули холостым залпом.

С криком и гвалтом в лагерь вошли обратно уехавшие башкирские отряды. Рядом располагались прибывшие с Пугачевым казаки и заводские толпы. В пугачевском рыдване, о бок с «царем», приехал Кинзя.

Пугачев здоровался с начальниками и народом, внимательно выслушивая донесения еще по дороге, и, въехав в лагерь башкир, пока не разбили для него палатку, поместился в коше Салавата, куда пригласил его Кинзя.

— Ладно дело повел, батырь Салават, задержал собаку эту Катеринину. — Михельсона! — говорил Пугачев, укладываясь на подушки. — Ранен ты был, говорят. Ничего, брат, я вот сам ранен картечиной... Уж такое наше дело: кто смел, тот пулю съел! — Пугачев засмеялся своей поговорке. — Как твоё здоровье? — спросил он Салавата.

— Ничего, поправляемся мала-мала. Башкирский шкура толстый, не то, что твоя царский шкура. Наша, как волк — полизал мала-мала и здоров стал!

— Врешь, батырь, мне Афанас Иванович сказывал, как тебя к нему привезли. Не в себе ведь был...

— Фанас Иваныч опять в Оренбург попал? — сокрушенно спросил Салават.

— Попал, братец, и уже, верно, не уйти ему. теперь, познакомится с глаголицей.

— Чего? — не понял Салават.

— На петлю вздернут его. — Пугачев замолчал. Салават сокрушенно покачал головой.

— Кончая Хлопуша!

— Кончал, верно, кончал, — подтвердил Пугачев, — а все равно им всех моих генералов не извести! И графа Чернышова изловили, и Соколова Афанасия Ивановича, да и побили кое-кого, а все хватит людей — весь народ за нас! Нас уже и в Москве ожидают, прямая нам дорога теперь на Уфу, на Самару, Казань... К августу в Белокаменной будем, — хвастливо говорил Пугачев. — Тебя за хорошую службу жалуюм бригадиром. Да постой, погоди благодарить, поспеешь... Дело есть тебе: забирай под свою руку всех башкирцев и тептярей, Айтугана под свою руку бери, от Биктемира-полковника после свалки с Михельсоном остатки татар тоже забирай да иди на Уфимскую дорогу. Слышал, там что творится?

— Чего там?

— Князь Щербатов, главный командир у недругов наших, объявление пустил к башкирцам, чтобы прекратили-де буйство. Это он буйством наше дело зовет, а не то, мол, казни чтобы неминуемой ждали... Теперь под Уфой, под Оренбургом, под Стерлитамаком и Бирском замешание идет среди верных наших людей: на милость щербатовскую сдаваться хотят.

— Который изменник, бить будем!—с жаром подхватил Салават.

— Погоди бить! Не бить надо: ты поезжай к ним да словом добрым думы их назад оберни... Не пристало мне, государю, обманутых врагами нашими людей смаху губить,—остановил Пугачев порыв Салавата.

— Наша коран знаем. Пророк калякал такое слово: «Когда тебя три раза обманул неприятель, уха свой пальцем затыкай на его добрый словешка—это бог любит!..»

— Ну вот и валяй. Так и скажи им, чтоб уши затыкали. Коли сызнава подымешь, не дашь им к злодеям пристать,—генералом станешь.

— Ладна, стараться будем.

— Ну и поезжай с богом. Завтра поутру и трогайся, а как воротись, принимай команду надо всеми—мы тогда на Уфу двинемся.

В это время за Пугачевым пришли двое казаков, сообщили, что палатка его расставлена, и он отправился к себе.

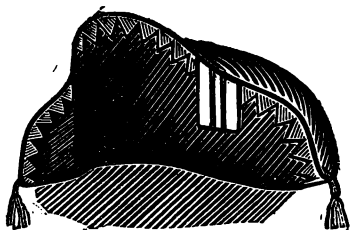
Салават остался один, радуясь новому чину, радуясь тому, что Айтуган и Аллагуват, попадая под его начальствование, не могут вредить делу своими нападениями на русских, желанием разжечь вражду среди инородцев и русских.

Салават долго сидел один в коше, наконец встал, вынул из шкатулки захваченный в доме красноуфимского воеводы курай, сел снова на подушку, поднес уже курай к губам, но снова опустил руку—он был взволнован так, что чужая музыка не могла его удовлетворить. Нужна была не песня без слов, а настоящая своя, живая песня.

Он запел:

Так говорил пророк,
слушайте, так говорил:

трижды обманувшего тебя
не слушай врага.
В час, когда милость предложит,
отвергни гордо...
Пусть меч его острием проникнет
к горлу, панцырем не закрытому.
Не слушай врага, дарующего милость,
даже тогда не слушай,
когда дар его равен жизни...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

*Сверх того в России дворянство
крестьян своих великими работами
и податями отягощать не будет, по-
неже каждый восчувствует пропи-
санную вольность и свободу.*

(Указ Пугачева 1774 г.)

*Клыч¹ из ножен,
стрела из сайдака².*

*Скалы трещат от полета стрел,
туман над землей разрывается.*

*Ай-гай-зиляйли³,
туман над землей разрывается.*

(Песня башкир тангаурского пле-
мени)

Салават не успеет исполнить приказ Пугачева; в ночь вышел он со своим алаем, когда наткнулся на него отряд капитана Краташевского из войск Михельсона. Завязалась свалка, и уже погибнуть бы михельсоновскому авангарду, если бы не подоспел на помощь ему сам Михельсон, одно имя которого уже всколыхнуло дурным предчувствием башкир.

«Храбрость — первое оружие, второе — уверенность в победе, третье — клыч и стрелы» — так говорил Юлай, и Салават знал это, потому всегда легкомысленно бросался в битву, чтобы уверить воинов своих, что иной конец, кроме победы, немыслим. Но то же правило знал Михельсон, и теперь, одержавши ряд побед, тем увереннее и грознее обрушился он на отряд Салавата.

¹ Клыч — меч.

² Сайдак — колчан.

³ Ай-гай-зиляйли — обычный припев, вроде «ай-люли».

Салават снова отступил на старое место стоянки, где в горах держались Пугачев, Белобородов и Айтуган.

Наутро Михельсон напал на лагерь. Отданные под начальство Салавата Айтуган и Аллагуват в обиду на Пугачева не вели своих войск, не делали ни одного движения без приказа своего молодого бригадира. Салават же, огорченный своей ночной неудачей, не мог всюду успеть сам, и в результате этого битва была проиграна. Это был решительный момент: после поражения под Саткой Пугачев отказался от мысли идти на Уфу, да и дорога была отрезана. Соединенные войска повернули к Красноуфимской крепости, в которой еще зимой Салаватом были захвачены пушки и канониры. К Пугачеву присоединился здесь Юлай, успевший взять Усть-Катавский завод и сжечь твердышовскую деревню Орловку, построенную заводчиком на его, Юлаевой, земле.

Салават по дороге к Красноуфимску свернул под Бирск, где стояли посланные для набора людей Аладин и Бахтияр. С Салаватом было после битвы под Саткой всего двести человек. У Аладина и Бахтияра тоже по двести. С шестьюстами пустился Салават нагонять Пугачева.

По дороге к Красноуфимску отряд проходил через то же село, где Салават провел ночь с дочерью старосты — Ксанкой.

Салават зашел в дом старосты. Его не было дома. Оксана, увидев Салавата, бросилась было радостно к нему, но вдруг отпрянула, как бы опомнясь.

— Уходи, уходи! — крикнула она. — Обманщик!

— Зачем обманщик?! — повторял Салават так же, как тогда, перед своим отъездом.

— Уходи, у тебя там жена, дети...

— Юк! Нет дети. Был малайка, да конщал, один

баба сам убер, другой баба я кончал... Теперь никакой нет!..

— Врешь, уходи от меня...

Но Салават, не слушая ее, вошел в дом.

Оксана поневоле, как бы нехотя, ставила еду на стол.

Салават следил за ее движениями от печи к столу, от стола к печи и любовался ею, но вот он заметил что-то, что удивило его, взволновало странным чувством недоверия и гордости вместе. Он заметил по ее стану, что она собирается стать матерью.

— Это чего? — спросил он полушутливо.

Оксана не поняла его.

— Вот, вот, — показал Салават, — малай или девка?

Оксана покраснела, и глаза ее наполнились слезами.

— Не тебе смеяться, скуломордый! — ответила она резко. — Малай ли, девка ли — твой будет!

Этого-то и ждал Салават и даже желал.

— Я нешто смеялся? Что ты! Зачем смеяться?! Наша атай ведь!.. Один малайка помер... Мне больно жалко был...

— Ну, и нечего зубы скалить — срам за тебя принимаю!

— Зачем срам?! Айда, наша деревня гуляй — наша баба будешь!

— Чудак ты, так ты нехристь, а потом еще баб у тебя много!

— Наша нет баба! Кончал ведь... Своя рука кончал!

— Как «своя рука»? — удивилась Оксана.

— Стрелам бил. Наша баба казакам продать нас хотел. Я его кончал. Один стрела бросил, разом сердце кончал... Айда, иди — наша баба будешь!

— Вера твоя другая, скуломордый, нельзя мне. Ты ведь не пойдешь в нашу веру?

— Айда, ты наша вера гуляй... Наша вера хороший!

— Нет, уж видно, нам не бывать вместе, только вот сраму я приму за тебя сколько!

— А ты мне барачук давай. Такой «купчий крепость» делаем. Девка будет — твой девка. Малай будет — мой малай!

— Поди ты, скуломордый, жри лучше да не брешь зря!

За Салаватом пришли. Он выехал, обещав заехать.

— Твоя сватать придем! — крикнул он Оксане, уже сидя в седле.

К вечеру другого дня, захватив в попутных деревнях еще человек триста, Салаватов отряд подходил к Красноуфимской крепости, однажды уже взятой Салаватом, но вновь попавшей в руки верных царице войск. Из тех, кто был здесь с Салаватом в первый раз, осталось человек двадцать; весь остальной алай, более чем в тысячу человек, был собран из новых людей.

Кинзя с большим отрядом, человек в восемьсот, пришедших от Сатки, дожидался невдалеке от Красноуфимска прибытия бригадира. Здесь же дожидались Аллагуват и Айтуган. Юлай ушел вперед с Пугачевым.

Отряд, пришедший с заводов, был вооружен лучше: кроме оружия, изготовленного по заводам, почти все имели латы из заводской жести, одетые поверх обычного платья. Не задумываясь об их крепости, но чувствуя на себе железо, башкиры стали храбрее, чем были. Слова начальника о том, что хочет атаковать Красноуфимскую крепость, ими были встречены с радостью. Они слышали о прежнем успехе здесь Салавата и теперь легко решились на новое боевое дело.

В ночной темноте по лугам и полям ползли без единого слова к стенам крепости. Луна была за облаками, и ночь скрывала их. Уже оставалось около сотни шагов, когда внезапный ветер растрепал ку-

дель облаков, и луна осветила огромное темное пятно отряда во ржи. Тотчас же в городе зазвонил набат, и тотчас же страшным визгом взвыла картечная вьюга, унося больше десятка жизней. Бунтовщики побежали вперед, но едва пробежали половину пути, как новый бешеный ветер с пороховым гулом принес новые снопы горячего губительного свинца, и опять от крепости отделились драгуны, пачками выстрелов грянувшие в лицо наступающим.

Пришлось отступить.

Люди и кони отдыхали весь конец ночи. С утра возвратились посланные в крепость с подметными листами — манифестами; башкиры сообщали, что воевода не хочет сдать крепость.

В полдень выспавшиеся и отдохнувшие бунтовщики снова повели приступ. На этот раз впереди всех был Айтуган. Ему удалось уже завладеть одной из башен и частью стен. Уже прошел он через первый бастион, когда внезапно провалился мостик, перекинутый через ров, и его лошадь попала ногами в горячую смолу. Она выскочила, одуревшая от боли, но уже с десятков быстро мчавшихся за ним коней попали в ту же ловушку, они взвизгивали, били задами, мчались назад, иные падали. Драгуны воспользовались смятением и сыпали залпами почти в упор. Столпившиеся горожане закидывали булыжниками коней. Кто-то крикнул: «Айтуган убит!» И в то же мгновение под Айтуганом свалилась лошадь, и он упал на землю. Отряд его пустился в бегство. Айтуган встал, оглянулся — к нему направлялись драгуны. Бешеным прыжком, под градом выстрелов, догнал он одного из своих воинов и вскочил сзади на круп лошади.

Так не удался второй приступ.

В третий — опять повел Салават тотчас, как только солнце склонилось к западу.

Огромные копны сена положили на телеги и заоглобли пятили их, идя сзади телеги. Таким способом штурмующие под прикрытием возов двигались к крепостным стенам. От воза к возу переезжал Салават. Двадцать четыре таких воза двигались по полю. Три картечные залпа прогрохотали бесплодно, воза ударились в стены, и пламя охватило их. Башкиры упали ниц на землю, а сзади них по крепостным стенам, по гарнизону и жителям, выскочившим на стену тушить пламя, грянули картечью две пушки башкир. Со стен свалилось в пламя несколько человек гарнизонных драгун и горожан со страшным криком. Крик их заглушил второй выстрел, и еще несколько человек упало в пламя. Тогда башкиры поднялись и ринулись на горящие стены.

В ветре и огне бились они, ворвались в город и здесь бушевали на улицах, мстя за упорство горожан.

Это было недолго. Только небольшая кучка сопротивлялась, большинство же жителей быстро попряталось по домам. Как и в первый раз, здесь захватил Салават и пушки канониров, но в первый раз, едва захватив артиллерию, он двинулся дальше, теперь же ворвался в крепость, вошел в город и хотел утвердить его за собой.

Больше всего боялся он, что, если останется опора, снова легко привезти сюда пушки и снова ввести гарнизон, а брать с боем одну и ту же крепость в третий раз он не хотел, потому и решил ее уничтожить.

— Сожги крепость, — сказал он Айтугану, зная, что он исполнит лучше всех любое разрушительное дело. — Только смотри, чтобы жители на тебя не жаловались, а то плохо будет!

Айтуган отправился исполнять приказ, ворча себе под нос о девичьих сердцах и мягкости к гяурам. Крепость уже пылала, когда Салават прискакал к

комендантской. Пятеро башкир из отряда Айтугана вошли, взламывая сундук, окованный железом.

— Что вы делаете?!—воскликнул Салават.

— Деньги берем,—спокойно ответил один из башкир, долбя топориком крышку тяжелого сундука.

Салават выхватил пистолет.

— Деньги не грабить! Деньги государю на войско нужны!—крикнул он.

Айтуган, заглянувший в это время в комендантскую, остановил его:

— Эй, бригадир! Это не гяуры, что ты им грозишь пулей. Какой же воин не берет добычи, и зачем им война, коли ничего не брать от гяур?!

— Молчи!—крикнул Салават, переводя пистолет на Айтугана. — Ты бунт затеваешь, карак несчастный! Разве за деньгами, за добычей идем мы?.. Деньги на общее дело нужны, не на то, чтобы свой кошель набивать ими!

Салават говорил гневно, не опуская пистолета.

Айтуган скрылся. Растерянные воины, слыша перебранку начальников, не знали, кого из них слушать. Всех башкир в комендантской уже душил дым. Айтуган хорошо исполнил задачу. Надо было убираться, пока не было поздно.

— Ну, подымай сундук!—приказал бригадир.

Башкиры подняли.

— Тащи на площади!

Они пошли впереди Салавата, сквозь огонь, лизавший стены укреплений и казарм. Крепость разрушалась перед их глазами. На башнях и под стенами сгорали трупы убитых башкир и гарнизонных солдат.

Тяжелый окованный сундук оказался почти не под силу пятерым.

— Неси, неси! Небось, кабы разбили, унесли бы! Неси!—покрикивал Салават.

Покрасневшие, обливаясь потом, башкиры принесли на площадь сундук.

— Где воевода? — спросил Салават у пленных.

— Где воевода? — спрашивал Аллагуват у попа.

— Куда вы, окаянные, его дели?! — кричала жена воеводы, тучная рослая старуха.

Воевода пропал. Надо было открыть сундук, но ключей не было.

— Нет ли кузнеца? — надоумил Кинзя.

В это время двое молодых солдат крикнули в один голос:

— Васька Рублев откроет! Он все может. У попады часы наладил с песнями.

Васька Рублев, канонир, важно проталкивался сквозь толпу, гордый тем, что из всех пленнх пушкарей он один освобожден и что победители к нему же обращаются за услугой. Видя на себе общее внимание, он картинно широко жестикулировал. Он вынул из кармана кучу всяческой дряни: винтов, гвоздей, ножичков и отверток, деловито порылся в них, присел на корточки перед сундуком, и меньше чем через минуту, сундук громко, словно колокол, прозвонил в тишине и тяжелая крышка его сама откинулась кверху, ударив в лоб любопытного башкирина, низко склонившегося к мастеру. Толпа захохотала. Из сундука блеснули медь и серебро. Взгляды кругом загорелись жадностью. Двое-трое из стоявших кругом не удержались и сделали нетерпеливое движение.

— Ну, ну!.. — прикрикнул наблюдавший за всеми Кинзя. — Охоча овца до соли...

— Я ничего, — успокоил его нетерпеливый.

— То-то, что ничего!..

В сундуке оказалось серебром и медью две тысячи. Пересчитав, его снова закрыли, запечатали восковой печатью и под охраной сотни башкир с Кинзей во

главе отправили на тройке под Осу, вдогонку Пугачеву. Аллагуват, Айтуган и Салават — все трое с отрядом остались в городе, и, когда зазвонил колокольчик под дугой тройки, увозившей сундук, с колокольни грянул праздничный трезвон — это поп надумал наконец встречать победителей.

Жители были довольны, что, разрушая их военный оплот — крепость, воины не тронули самого города и частных домов и не тронули церкви.

В церкви служили молебн. Многие из жителей вошли и молились «о здравии государя».

— «Жалую вас бородой и крестом, хлебом и солью, водами и землями, и лесами, и рублями, и вольной волей, и всех вас жалую добром супостатов-помещиков и бояр; головы им рубите, вешайте, не щадя, будь то воевода или поп, капитан или полковник, или сам генерал, когда люди те мне, законному государю, и вам, слугам моим, противность окажут... Еще жалую...» — громко читал на площади бородатый казак с глазами, острыми, как стрелы, и тугими, как лук, бровями. Народ кричал «ура».

Салават спал в воеводской избе, у которой стояли на посту двое башкир. После бессонной ночи, проведенной в трудном бою, после двух ночей в походе первый раз теперь он крепко заснул на перине, взбитой женой сторожа, заботливой и ворчливой старухой.

— Ложись, касатик, ложись! Хоть ты и нехристь, а слуга государев, — надо пещись о тебе пуще, чем об сыне!.. Спи покойненько да мягонько, родимец!.. — Приговаривая так, она вышла, и тотчас ей вслед зарокотал залиvistый храп Салавата.

Через день молодой бригадир нагонял Пугачева. Он ехал впереди трехтысячной толпы, опьяненной успехом, пограбившей, вопреки приказам, жителей и жаждавшей новых битв и новой наживы.

За это время Пугачев захватил заводы Шермятинский и Уинский с медными рудниками. Рабочие присоединились к мятежникам. Русские и башкиры из окружающих сел тоже встречали Пугачева как избавителя от барских и чиновничьих поборов. Пугачев не даром избрал эту дорогу. Меньше всего его ждали здесь. Здесь совсем не было защиты, и все население выходило к нему с хлебом-солью. Единственная опора правительства в этом крае была крепость Оса.

Пугачев уже готовился к приступу, когда прибыл к нему на подмогу бригадир Салават с тремя пушками, взятыми в Красноуфимской крепости, и с пятью тысячами повстанцев.

— Быть тебе, бригадир, генералом, — сказал Пугачев, здороваясь с Салаватом. — Смотри, до Казани дойдешь, и станешь!

Салават усмехнулся и не ответил. Ему не хотелось совсем идти на Казань — это значило оставить Башкирию в руках Михельсона и Декалонга, это значило предать тех, кто доверился ему, Салавату, и восстал. «Кто знает, — думал Салават, — дойдет ли до Москвы этот казачий царь? Может быть, и нет, а башкир здесь будут безнаказанно казнить и убивать солдаты царицы. Да и не пойдут на Казань ни Айтуган, ни Биктемир. Оставить их одних здесь — это значит опять провалить все дело: они сейчас же начнут вражду с христианами, разорят то, что создано так трудно!» Салават все это хотел сказать Пугачеву, но посоветовался с Кинзей.

— Нет, не говори, — сказал Кинзя, — лучше просто останься. Кто тебя уведет силой? Казак-падша занят не одной Башкирией. Он не поймет тебя. Ему нужен московский трон, и ему все равно, что будет здесь, если там ему будет плохо.

— Верно, мешок, ты всегда верно говоришь! — во-

скликнул Салават шутливо. — И с какой поры у мешков ум появился?

Он послушался друга и ничего не сказал Пугачеву. К вечеру Пугачев приказал начать штурм Осы.

Крепость состояла из деревянного замка с башнями, окруженного стенами с навесами и бойницами. Несколько перебежчиков сообщили, что гарнизон крепости состоит из тысячи человек с лишним да двадцати пушек.

Пугачев повел наступление разом со всех сторон. Осажденные горожане первый натиск встретили картечью — это было в обычае. Рассеянные повстанцы ринулись дальше, оставив позади убитых и раненых. Из бойниц в стенах застрекотали выстрелы, безумолчные, назойливые и верные, а когда, несмотря на них, толпы пугачевцев докатились, как шквал, до стен, сверху по навесам на них черным ливнем хлынула горячая смола. Она падала на лица, на руки, плескала на головы, текла по бородам, промасливая одежду, струилась по спинам, заливалась за кольчуги, жгла, палила, а когда обваренные падали, из бойниц верными, неспешными выстрелами их добивали на земле; когда они бежали, их догоняли редкие стремительные визги картечи.

Салават разъезжал под самой стеной. Пули гудели вокруг него, но, ударяясь в кольчугу, не приносили вреда. На голове его под шапкой вместо тюбетейки был железный шлем, и пробившие шапку пули, не раз ударяя в шлем его, обессиленные железом, тоже не приносили вреда.

Салават уже не был уверен в Айтугане и Аллагувате. Он уже боялся этих союзников хуже, чем врагов, боялся повторения того, что произошло под Саткой, потому сам наблюдал за битвой, собирал расстроенные сотни и вновь их направлял на стены крепости. Он сам доводил их до самых стен и вновь под ливнем

смолы и под грохотом рушащихся сверху бревен спёшил туда, где больше обессиливали воины. Крик его, пронзительный и воинственный, покрывал самый гул выстрелов и в самом деле бодрил нападавших.

— Вперед!— кричал он, скача вместе с убегавшими. — Стой, стой! Куда?! Становись!

Построив отряд, он торопился к другой кучке убегавших.

Выстрелы осажденных выхватывали в это время из первой толпы несколько человек; толпа шарахалась назад. Тогда Салават с поднятой нагайкой вновь скакал к ней, соединял две-три растерянные сотни и вновь возобновлял приступ. Айтуган был тут же, и вдруг дрогнул его алай и побежал. Салават пытался преградить путь этим десяткам бегущих людей. Айтуган схватил за узду его аргамака и повлек за собой. Салават взмахнул нагайкой и хлестнул по лицу Айтугана. Айтуган выпустил повод. Салават еще раз ударил его вдоль спины.

— Собирай свой алай!— грозно приказал Салават, выхватывая из-за пояса пистолет.

Айтуган тоже схватил пистолет, но сукмар Кинзи тотчас обрушился ему на спину. Айтуган упал.

Салават бросился вдогонку отряда Айтугана, но в то же время почувствовал боль в ноге.

«Ранен!» мелькнуло у него в голове, однако он перегнал бегущих и стал удерживать их.

Было поздно. Измученные воины отступали со всех сторон. Салават махнул рукой и медленно, под выстрелами из крепости, поехал прочь. Военачальники съехались вместе. Пугачев созвал их на совещание. Здесь были казаки и татары, башкиры и тептяри.

— Ранен ты, бригадир?— спросил Пугачев. — Это худо! Славно ты действовал, а ведь надо сызнова на штурм идти!

— Ничего, гуляем еще! — ответил Салават.

— Государь, позволь словесчко сказать, — обратился к Пугачеву Аллагуват.

— Ну, говори.

Пугачев сидел верхом. Впервые после долгого перерыва он сидел на лошади. Он откинулся назад, как бы развалиясь в кресле, давая разрешение говорить.

— Салават-бригадир пулжозник Айтугана кончал... Чего за это ему будет?..

— За что кончал? Как кончал? — с угрозой спросил Пугачев.

— За то, что сам убег и других увел, а когда я его держать хотел, он мой лошадь под уздцы таскал от крепость, — пояснил Салават.

— После разберем, — заявил Пугачев, — сейчас надо про дело подумать, а не пустяками заматься! Он что, помер Антуганка-то?

— Мала-мала жива, — сказал Аллагуват.

— Ну, пускай мала-мала живет да поджидает: коли не помрем, там посмотрим, — может, Салавата накажем, а может, и Айтугана-полковника на релю вздернем!

Аллагуват не ответил.

Пугачев приказал готовиться к новому штурму.

Выстрелы в крепости прекратились. Осажденные, верно, спохватились, что надо беречь порох.

Пугачевцы решили по совету Белобородова применить тот способ, которым одолел Салават Красноуфимскую крепость, — поджечь стены сеном. За сеном отправились в соседние деревни.

С десятков первых возов прибыли в лагерь, когда в крепости зазвонили церковные колокола.

— Богу молятся, — заметил один из казаков.

— Супротив нашего не вымолят, — ответил другой, — они только нашему, а у нас — и нашему, и татарскому, и черемисскому, и всяким другим!

— Ужотко по-другому взмолятся! — поддержали из толпы заводских рабочих.

— Будет им печка, пузырями закипят, — подхватили другие заводчане, — только шлак поплывет.

Ворота крепости растворились.

— На вылазку идут! — крикнули рабочие.

Все всколыхнулись тревожно. Но это была не вылазка: жители, солдаты и офицеры вышли без оружия и выкинули белый флаг — крепость пала.

Группа офицеров выехала вперед просить «государя» о милосердии. Пугачев, сидя на лошади, принял ключи от крепости и въехал с сильным отрядом казаков в ворота.

На площади принимали присягу офицеры и народ. Пугачев решил всех помиловать, но, в то время как народ приводили к присяге, прискакал отряд Салаватовых башкир, выставленных для несения полевой охраны и разведки о войсках, — ими была перехвачена оренбургская почта. В числе других событий было известие о том, что неделю назад казнен в Оренбурге беглый колодник Афанасий Иванов Соколов, по прозванию Хлопуша.

— Государь-царь! Хлопушу в Оренбурге конщали! — жалобно вскрикнул Салават, узнав об этом.

В эту минуту Пугачев разговаривал с осинским воеводой. Он вдруг нахмурился.

— Кончать и его, когда так! — сказал Пугачев, указывая на воеводу, и не прошло минуты, как на площадной «глаголице» повис воевода.

Раненый Салават лежал в доме местного купца-татарина. У него болела рана и зрел коварный план. Он попросил у хозяина перо и чернила и четко вывел:

«Государю Петру Федоровичу от бригадиру башкирской войска Салават сын Юлаева —
Рапорт».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Развезжал с большой толпою по деревням, везде собирая на службу Пугачеву волею и силою, а селения многие разорил и пожег.

(Показания вотяка деревни Балтачевой Якимова)

Поскакал бы я, да впереди болото; стрелял бы я, да стрел у меня мало. Осмотрюсь кругом—мало у меня надежных людей.

(Из песни Салавата)

По рапорту о болезни Салават был уволен для лечения в отпуск. Это была только хитрость. Легкая рана в ноге не мешала ему оставаться в войсках и сидеть в седле. Эта рана помогла ему остаться в Башкирии, когда Пугачев пошел в Закамье.

Кинзя и два десятка башкир остались при нем, якобы для того, чтобы сопровождать его. Салават начал с того, что стал по деревням собирать людей. Он разослал бывших при нем башкир и черемис, взял с Уфимской дороги свой сторожевой отряд, и уже с конца сентября при нем было около пяти тысяч разноплеменной вольницы. Всюду являлся он там, где не ждали. Больше всего — в тех местах, где жители приходили в покорность правительству. Там нападал он на богачей, там убивал новых старшин и сотников, мулл и писарей.

Салават понял, что только тогда удержится, когда все будут вместе, дружны, а если село за селом станет приходить в спокойствие, то погибнет восстание и ненужной окажется пролитая широкими реками кровь.

Нередко бывало, что, оставив за начальника на стоянке Кинзю, сам Салават пропадал неизвестно куда и вдруг являлся в сопровождении нескольких десятков новых воинов или, возвратясь, объявлял, что движутся войска Екатерины. Слава о его вездесущии наполняла все: сегодня он был под Бирском, завтра, несмотря на плохие дороги, под Уфой, то под Табынском, то снова на землях кудеев.

С середины октября, когда известие о гибели Пугачева дошло до Башкирии, когда появился слух, что все спокойно, кроме Башкирии, что на башкир идет сам Суворов, Салават стал еще свирепей.

— Пропал Казак-падша. Совсем пропал! — говорил он Кинзе. — Урусы больно спокойны стали!.. Как теперь будем держаться? Надо нам своего Пугай-падшу завести. Сейчас еще десять волостей бунтуют — это немалое пламя, из него можно раздуть пожар. Кинзя, надувай свои бабьи щеки, дорогой мешок, дуй сильней, помогай ветру!

Но ветер утих и совсем не раздувал восстания. Оно слабело день ото дня. Рыскавшие здесь отряды правительства забирали по деревням молодцов, брали под стражу, иных казнили здесь же, расстреливая из ружей и вешая на деревья. По Белой и по Каме плыли виселицы, на них качались мертвые бунтовщики.

Несколько отрядов, переходя от деревни к деревне, уже в начале октября стали возле заводских мест, где Салават должен был бы пройти к родным местам.

Командир отряда высылал разъезды, чтобы следить за движением башкир.

В солнечный день двое солдат и казак, разморенные последним ярким блеском осеннего солнца, сидели на наблюдательном пригорке. Один из них спал, двое караулили.

Караулившие спорили оживленно между собой. Огромный, рослый солдат Быдлецкий, обрусевший поляк, спорил с мелкорослым Степкой Караулихиным из одного из ближних сел.

— А я тебе дело говорю, не хвастаю! Никогда не хвастаю. Перед самым Николой-угодником обещался, крест целовал, и я не я буду, не Быдлецкий, а быдло, коли не поймаю его!

— Да как же его словишь? Опять же он, говорю, быстрой!

— А я — пуще быстрой да шустрый. Я уже такой план удумал, как его словить, И ничего тут мудреного: это он вас запужал больше, вот вы и думаете, что он чуть не бог — все видит, все знает. Может, он потвоему и сейчас слышит, что я баю?

— Может, и слышит.

Великан захохотал.

— Вот дурак! — закричал он. — Куренько! Слышь, друг Куренько, да проснись ты, псов сын..

Из-под зипуна вылез заспанный Куренько, казак с далекого Дона, привезенный на усмирение своих яицких собратий.

— Ну шо? — спросил он сонно, лениво расчесывая густую черную бороду.

— А то — этот вот дурень думает, что Салават все знает, что все слышит и сам везде, а я говорю — того Салавата изловлю, да его...

Быдлецкий странно как-то кашлянул и ткнулся носом в землю, словно положил земной поклон. Пониже затылка в шею его впилась стрела.

— Вот изловил! — протянул Куренько.

— Смирно сиди, тихо! — сказал из кустов голос, и вслед за тем с поднятым пистолетом вышел Салават в зеленых штанах и зеленой шапке.

— Опусти пистолю, дурак, убьешь еще невзначай! —

выругался Степка. — Мы с Куреньком и сами порешили давно, что из разведки к тебе убежим.

Салават опустил пистолет в землю, но вдруг спохватился:

— А ты не врешь?

— А мне что врать? Я боюсь што ли? Чай, солдат: нашему брату житье — как смерть. А сумеешь убечь — одно и есть спасенье! — ответил Степка.

— Идете в мой алай? — спросил Салават.

— А что не итти? Идем! Я свой брат — казак, ничего, что с Дону... За правое дело всегда пойду, — поддержал Степку бородач.

Салават, держа наведенным пистолет, повел их перед собой. Пленники шли, изредка переговариваясь.

— Ох, и ловок же ты, подлец, — говорил Степка. — Ну, скажи — рядом вот был, а мы и не слышали и не видели.

Они вышли в лощину, где был расположен отряд Салавата. Их встретили шумно. У каждого из пленных Салават взял по ружью, а этого-то и не хватало, оружия-то, и было особенно мало в отряде; приходилось действовать чем попало при нападении, опять, как в начале мятежа, применяя в качестве оружия косы, топоры и оглобли.

Казак Куренько, взятый в плен Салаватом, был дороден, чернобород. Салавату сразу пришло в ум, что он походит на Пугачева.

Он привел его в свой кош и позвал к себе Кинзю.

— Вот погляди на этого уруса, — сказал Салават. — Он похож на Пугай-падшу. Если велеть ему назваться царем, снова с нами будут урусы, снова мы подыдем весь край.

Кинзя поглядел внимательно на предлагаемого «царя» и покачал головой.

— Нет, Салават, у этого вид похож на Казак-падшу,

а глаза бараньи. У Пугай-падши глаза, как звезды горят, а этот глуп — сразу видно.

— Пусть глаза вниз опускает, — настаивал Салават.

Кинзя согласился, но для того, чтобы оставить казака и объявить его царем, надо было убрать его товарища. Степку вызвали в кош к Салавату, и, только он вошел, Кинзя схватил его за горло и стал душить. Видя, что приятеля постигла такая печальная участь, испугавшись за себя, не понявший башкирской речи новоявленный Петр Третий вскочил с подушки, на которую его посадили, схватил медный кумган с водой и страшным ударом опустил его на череп Кинзи.

Кинзя упал. Салават выхватил кинжал из-за пояса и всадил его в сердце казака.

— Вот тебе и Пугай-падша! — сказал он, глядя на убитого и принимаясь приводить в сознание Кинзю. Кинзя очнулся.

— Где казак? — спросил он.

— Вот они оба! — Салават указал на мертвецов.

— Что ты наделал, Салават! — сокрушенно сказал Кинзя. — Когда он бросился на меня с кумганом, у него был такой же сияющий взгляд, как у Пугай-падши, а совсем не бараньи глаза.

Все меньше становился, все рассеивался отряд Салавата. Наступила жестокая, морозная зима, уже нельзя было жить в кошах, жить в лесах.

Генерал Фрейман вошел в Башкирию «для водворения покорности». Его батальоны проходили по селам и деревням, нагоняя отдельные кучки отбившихся от Салавата и разъезжавшихся по домам башкир.

Салават уходил. Он сознавал, что на зиму должен оставить войну, что приходится смириться. Иначе было в прошлую зиму, но тогда довольно было притти в

любую деревню, чтобы встретить добрый прием и радушную хлеб-соль. Теперь иначе: в редкой деревне даром давали провиант, все были ограблены, обобранные проходившими войсками, большинство не сеяло хлеба, находясь в войсках Пугачева, не косило травы и теперь, само страдая от бескормицы для себя и скота, не могло не только дать, но даже и продать ничего.

Настал день, когда в отряде Салавата осталось меньше ста человек.

— Поезжайте к Юрузени, — сказал Салават, — я вернусь дней через пять.

— Я с тобой, Салават... — заикнулся было Кинзя, но вдруг осекся и не продолжал, заметив гневный взгляд друга.

Салават в тот же день уехал. Уже лед стал на Уфимке, и Салават переезжал реку по хрупкому, ненадежному льду.

Он мчался к Красноуфимску два дня подряд. Поздно вечером подъехал к знакомому селу, к знакомому дому в селе. Постучал у окна. К окну приложила лицо женщина.

— Кто здесь?

— Я, Салават.

Женщина в испуге отшатнулась от окна. Это была Оксана. До нее долетел ложный слух, что Салават убит; она даже всплакнула несколько раз, и слезы принесли ей легкость такую, какой не было раньше; теперь уже никто, кроме судьбы, казалось, не был виноват в том, что родившийся мальчик растет без отца. «У него нет отца в живых», так думала она, и вдруг явился отец.

Оксана отперла, поняв, что страх был ложный, что если пришел — значит не из могилы, но в тот же миг другой страх одолел ее: кругом рыскали солдаты, за-

ходя во все дома, в которых были бунтовщики. Оксаниного отца не было дома. Где он пропал? Кто знает, может быть, убит под Казанью, может быть — под Царицыном, может быть, нигде не убит, а засажен где-нибудь в каземате. Где бы ни был отец, — все знали, что он ушел с Пугачевым, и, придя в село, уже конечно солдаты не преминут заглянуть в дом бывшего старшины.

— Откуда ты? Солдаты кругом! — с ужасом сказала она. — Не изловили б тебя!

— Малай или девка у тебя? — сразу же с порога спросил Салават.

— Мальчонка... Да не студи избу! Входи, коли пришел!

Салават вошел. В облаке ворвавшегося вместе с ним пара он увидел люльку и прямо шагнул к ней.

— Куда лезешь с холоду? — крикнула Оксана, отталкивая его.

Салават сел на лавку.

— Едем со мной — моя баба будешь!.. Хотел сват послать, да такой время нынче, еще сват по дороге иметь будут... Солдат много!..

— Чего ты городишь? — оборвала Оксана. — Ты же ведь нехристь — говорила я!

— Не пойдешь? — спросил Салават настойчиво и тревожно.

— Знамо, не пойду... Кабы ты крещеный!

— Наша малайка берем!.. Такой словечка помнишь: «девка — твой будет, малай — мой будет»?

— Ишь ты, умник!.. Ты себе прежде поноси в брюхе девять месяцев, вот и говори тогда «мой»!

— Ну, латна, утро думай-гадай. Утром калякать будем...

— Нечего — «утром», знаю, что не пойду! Я чай ты и утром аллаяром будешь!..

— Гуляй, а?.. — просительно и уже неуверенно произнес Салават. — Малайка жалко ведь, как без атай жить будет?

— Не будет, — возразила Оксана задорно, — я ему русского отца возьму, крещеного!

— Ты его крестил? — спросил Салават быстро и горячо.

— Нет еще, у нас поп к Пугачеву ушел, крестить некому. Погоди, вот вернется...

— Салават-юглы крещеный чтобы?! — Салават вскочил. — Своя рука кончать будем! — Он выхватил кинжал.

Оксана бросилась к двери и распахнула ее, чтобы скрыться от внезапного гнева башкирина. В тот же миг ее схватили из сеней чьи-то крепкие руки.

— Стой, красавица, стой! — Через порог шагнул пристав с двумя казаками, держа Оксану с руками, вывернутыми за спину.

Салават понял, в чем дело, и притаился за печью.

— Где отец? — крикнул пристав. — Признавайся!

— Почему я знаю? Захватили его злодеи, увели, куда девали — не знаю! Может, повесили, может, из ружья убили...

— А молодца-башкирина принимала из бунтовщиков — он где? — спросил пристав.

В эту минуту казак, верно, сильнее повернул ей руку.

— Ой,пусти! Не знаю, где... Был, да ушел, не ходила же я за ним!.. Ты бы пришел — и тебя бы накормила!.. Почему я знаю, какой башкирин? Их в этом году как собак тут шло...

— А чья лошадь стоит во дворе? — грозно спросил пристав.

Салавату хотелось выскочить из-за печки, перебить незваных гостей и тогда уже звать с собой Оксану. «Тогда ей некуда будет деться — поневоле пойдет со

мной», думал он, но, не видя, как вооружены пришельцы, он не решился оставить своей засады.

— Чья лошадь? — повторил казак, видимо, выкручивая руку Оксане.

— Ой, ой... Моя лошадь!.. Ой, пусти, моя!.. — вскрикнула Оксана.

— Вот мы сейчас хозяина-то пошарим, — сказал пристав. — Ну-ка, Чарочкин, веди понятых!

— Не успеет стрижена девка косы заплесть! — выкрикнул казак, распахнув двери и входя.

— Дверь закройте, ироды, мальчишку мне заморозите! — простонала Оксана. — Ой, больно, ой!..

— Терпи, атаманом будешь! — ответил пристав.

Салават понял, что действовать надо быстро. Холод, обдавший ноги, колеблющееся пламя светца — все показывало, что дверь отворена; к тому же с двоими было справиться легче, чем с троими. Он выскочил из-за печки. Крик насильников колыхнул пламя. Ни один из них не успел сразу выхватить оружия. Салават бросился на пристава и ударил его в грудь кинжалом. Пристав свалился без крика. Казак выхватил пистолет, но башкирин рассчитал все заранее: он знал, что второй успеет непременно схватиться за оружие, потому, схватив печную заслонку, он с нею в руках ринулся на казака. Казак выстрелил. Салават ударил его заслонкой по голове и, когда рухнул казак, второй раз ударил он его ножом в грудь.

— Пойдешь со мной? — спросил он Оксану, придвинув лицо к самому ее лицу. Она не успела ответить и упала без чувств от страха, что обезумевший аллаяр убьет и ее. Салават запер дверь, подошел к люльке и вынул младенца. Завернув его торопливо во что мог, он стал, прислонясь к стене, у самой двери, отперев ее. В эту же минуту послышался разговор во дворе и шаги по ступеням. Дверь распахнулась: казак и двое

понятых вошли в избу. Салават выстрелил в затылок казака, всплеснувшего руками при виде убитых товарищей, и выскочил вон. В сенях он положил ребенка на пол и уперся плечом в дверь. Понятые дергали дверь изнутри.

— Сиди смирно! Всех стрелим! — угрожающе, приглушенным голосом произнес Салават.

Дергать перестали. Салават взял стоявшее в сенях коромысло, припер им дверь, поднял сына и, выйдя во двор, быстро вскочил в седло и помчался по снежной освещенной луной улице, прижимая к груди под шубой плачущего ребенка. Подъехав уже к концу улицы, он услышал сзади крики. Он ударил коня нагайкой, ребенок заплакал сильнее, и ветер засвистал в ушах.

— Молчи, Салават-оглы! Батырем будешь, как вырастешь... Привыкай в седле жить! — бодрил Салават малютку, поспешая к переправе через реку.

Когда решил Салават, что не так уже легко его настигнуть, он убавил рысь и запел песню, новую для него, с новым, небывалым напевом:

Маленький сын, сын батыря,
внук месяца, теплый кусочек.
Не плачь у сердца своего отца,
ведь девять месяцев молчал ты под сердцем матери!
Зачем плачешь, о чем плачешь?
Вырастешь ты, мой цветок,
среди правоверных.
Слава отца заменит тебе молоко матери,
песня о войне будет первой твоей песней,
дума о свободе — первой думой!..
Гей, гей, Салават-оглы,
сын орла и племянник месяца!

Ребенок замолк, убаюканный ли песней, утомленный ли качкой. В лесу завыл волк. Салават остановился, зарядил пистолет, хотя это и неудобно было делать, держа на руках ребенка, и снова пустил коня рысью.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— Кагар Суккан!

*Пусть дух твой, даджал¹, выйдет
срадом и мочатся на твоей могиле
грязные свиньи!*

*Нечист язык твой, джадид. Илляги!
Покрой кости его мерзостью земля-
ного крота; и да пьет, как упырь
ночной, кровь детей своих из не-
чистых нечистый!*

*Да ползают на могиле твоей и
жрут землю поганные жабы, поро-
ждение Иблиса!² Проклятье да будет
на шею твою.*

(Башкирское проклятье)

Сына отвез Салават к знакомому в село Киги и оставил там.

— Воспитай его башкирином, — сказал он кунаку Клыч-Нуру, — пусть будет батырем больше отца.

— А сам куда? — удивился Клыч-Нур.

— Не стало мне места здесь. Надену лыжи и бегу в степь... На следующее лето возвращусь, чтобы снова начать войну.

— К чему война? Все устали от войны, — возразил Клыч-Нур. — Разве не довольно крови?

— Кровь, пролитая бесплодно, заливают меня, я захлебнусь в ней и после смерти буду вечно захлебываться ею, если не завоюю свободы для всех. Башкиры будут, будут свободны! — настойчиво и горячо сказал

¹ Д а д ж а л — противник бога.

² И б л и с — сатана.

Салават. — Будут, это я говорю! — подтвердил он еще раз. — Я ухожу. Хош.

Салават, оставив ребенка, тронулся к Шиганаевой. Недалеко от родной деревни ожидали его в камнях пятьдесят человек молодцов-батырей. Возле берега Юрузени из громадных камней сложили они двор. На прохожих, проезжих отсюда выезжали в набег. Здесь у них было довольно пороха и пуль, здесь было у них вдоволь и мяса, были дорогие ткани и золото. Здесь они решили зимовать.

Толстый Кинзя радостно встретил Салавата.

— Сделаем в камнях землянки, — сказал он, — будет неприступный Тал-Кала, Таш-Кала¹, — поправился он. — С летом снова пойдем собирать людей, чтобы объявить яу!..

— Газават², а не яу! — поправил Аллагуват, скрывавшийся здесь же. — Только газават принесет правверным свободу от ига нечистых!

— Только голытьба, будь она христианская или мусульманская, может добиться свободы! Разве баю плохо живется теперь? — воскликнул Салават.

— Нет, газават! Святая война! Нас обещают всю зиму поддерживать и кормить, если мы обещаем летом поднять газават... Даже верные старшины и муллы... Я говорил...

— Может быть, Рустам и Рыса-бай? — насмешливо вставил Салават.

— Да, Рустам-ага и Рыса-бай, оба обещали, — вызывающе ответил Аллагуват.

— Ты, может быть, сказал им, где мы? — спросил Салават.

¹ Тал-Кала — земляной город, Таш-Кала — каменный город.

² Газават — «священная война», ведущаяся под религиозными лозунгами.

— Конечно, разве они не правоверные?

— Разве ты не женщина? — в тон ему спросил Салават. — Разве ты не дурак?

— Вон едет к нам Бухаир Рыса-баев, — сообщил, подходя к спорщикам, Акжягет.

— Едет рыжая собака!.. — со злобой воскликнул Салават. — Получит же он свинец в лоб. — Салават схватился за пистолет.

Кинзя удержал его.

— погоди. Убить всегда успеешь, он что-то кричит — надо узнать!

Салават опустил оружие. Рыса-баев подъехал.

— Гей! — крикнул он. — Кто там? Слушайте!

— Я здесь, — вышел из-за камня Салават. — Что надо?

— Тебя надо. За тобой солдаты пришли. Говорят, что, коли добром тебя не выдадут твои молодцы, они силой возьмут и деревню всю сожгут. Наши старики меня прислали, говорят, что ты храбрый жягет и не захочешь губить деревню — сам пойдешь.

— Старики, верно, из ума выжили, — сказал Салават. — В какой это сказке батыри ходили на виселицу? Пусть-ка солдаты поймают меня!

— Я так и говорил старикам, что тебе своя шкура дороже, чем народ, да они не верили.

— А вот тебе, верно, глупость дороже головы! — вспылil Салават. — Лови пулю! — Он поднял пистолет. Рыса-баев повернул кобылу и помчался по глубокому снегу прочь. Салават громко засмеялся, поднял пистолет выше и выстрелил в воздух.

Сзади него весело хохотал Кинзя.

— Так ему и надо, Бухаирке, бей его! — Кинзя успокоился постепенно от смеха и, став вдруг мрачным, спросил: — Надо укрепление делать, Салават?

Салават молчал.

— Мы начнем копать окоп, — сказал Кинзя, отошел от Салавата и стал совещаться с товарищами.

В два десятка лопат и четыре лома взялись они за окопы. Салават спустился в землянку и долго лежал в темноте ее один, наполовину дремля.

Ему вдруг захотелось оставить все и возвратиться к мирной жизни. Он вспомнил сына — маленький теплый комоч у сердца, вспомнил красавицу Гульбазир — все, что ему осталось.

«Даже здесь, в этой темной берлоге, — подумал он, — даже здесь полжизни!.. — И это казалось ему радостью. — Все равно ведь возьмут, — думал он, — к чему этот окоп и зачем эта битва? Погибнет Кинзя, Акжягет, погибнет много народу, а зачем?..»

В темноте послышался шорох.

— Кым шунда? — спросил Салават.

— Это я, Кинзя.

— Ну что, друг?

— Я слышал, Салават, Аллагуват говорил со своими.

— Что такое?

— Он хочет связать тебя и выдать урусам. Он говорит: лучше один погибнет, чем все.

— Ну, так что? — как бы удивленно спросил Салават.

— Я убью его! — шопотом ответил Кинзя решительно.

— Не стоит, агай, зачем убивать? Он прав.

— Как прав?!

— Так прав. Разве можно губить пятьдесят человек из-за одного Салавата?

— Ты говоришь, будто нет у тебя привычки к войне, — гневно обрезал Кинзя. — Сколько человек ты убил? Сколько человек ты послал на смерть?

— Чудак ты, мешок. Разве это были битвы за Салавата? За свободу, за Башкирию я убью еще тысячу, а

за Салавата даже ты, даже лучший друг не должен пропасть!.. Война кончена, дорогой тургек¹.

Понимаешь ты, пузырь бычий, прошла война!.. Брось оружие и беги прочь отсюда!

— А ты? — В голосе Кинзи была тревога.

— Я тоже бегу... Я побегу к киргизам... У меня много денег, ты знаешь, где. Ты бери, когда надо. Я захвачу только из крайней борти. Киргизы любят деньги.

— Ты когда же бежишь? Один бежишь?

— Не знаю... Один... Я хочу взять Гульбазир и сына..

— Сына? — удивился Кинзя. Он не знал, куда ездил друг его, куда пропал, и он не знал, что у Салавата есть сын, кроме умершего Рамазана.

— Да, сына, — сказал Салават с особым теплом в голосе, — сына. Женись, пузырь, ради сына — маленького, теплого, как птенец, мягкого... Брось оружие... Беги, куда хочешь... Женись на чувашке, на калмычке, на гяурке — на ком хочешь, но ради сына!

— Это ты сказал? — удивился Кинзя.

— Я, я сказал!.. А что же делать тебе? Разве ты один начнешь войну с царицей, с Михельсоном, с Суворовым, с Фрейманом? Разве ты будешь воевать с баями?! Такая война в сто лет, больше — в двести лет раз может быть... Все пропало, Кинзя... Прощай!

— Прощай. Ты когда же бежишь? Аргамак не кормлен. Надо дать ему овса.

— Надо? Дай овса ему... Я сейчас схожу в лес на лыжах, к вечеру вернусь, а ночью поеду. Пока покорми аргамака.

Салават встал и в темноте стал искать ружье.

Когда меткие стрелы сразили самку и неокрепших телят, — от охотничьей своры в глубь снегов, в глубь лесов уходит сохатый, гордо неся могучую голову. Ос-

¹ Тургек — кожаный мешок — бутылка для кумыса.

тановится с сердцем, готовым к битве, услышав хруст сучьев, — нет, то не люди, это вороны передрались и обрушили сверху сухой морозный хворост или рысь промчалась по деревьям, играя с самцом. Тогда тише зашагает зверь, чтобы передохнуть, но тревожно поводит кругом глазами и тянет носом воздух.

Так, словно затравленный лось, в глубину лесов уходил Салават, побежденный вождь, неся высоко, гордую голову. Ходкие лыжи легко скользили под его ногами, но вдруг сзади послышался ему хруст сучьев. Салават остановился: медведь или человек? Сейчас он предпочел бы встретиться с медведем. Он прислушался. Хрустнули, затрещали суки, и досадливо выругался по-русски человек.

«Врешь, верхом не догонишь!» усмехнулся Салават, и лыжи быстрее заскользили под его ступнями, оставляя внизу предательский ровный след.

Преследующие не видали Салавата. Салават не видал их. В молчаливой и оттого еще более страшной тревоге велась погоня.

«Только бы добраться до спуска, — думал Салават, — там я полечу, как птица. Шалишь, урус, там тебе не догнать Салавата, конь увязнет в снегу, а лыжи так же гладко будут скользить».

Молча, перебирая палки, гнал Салават, но уже слышен был сзади храп коня, и вдруг уже при спуске треск сучьев послышался с другой стороны, как бы навстречу. Салават остановился. Глубокий предательский снег лежал кругом. Гладкие следы за лыжами выдавали его. Будь лето, скрылся бы Салават в зелени, на дереве или просто в кустарнике, а теперь не спасут ни зеленые штаны, ни ловкость. Он решил прикинуться охотником. Старое ружьишко при нем, а пистолеты запрятал он под платье, чтобы не выдали, и снова побежал, скользя.

— Эй, куда спешишь?! Знакомый, стой!.. Слышь, приятель!

Салават остановился.

— Меня, что ли?

Солдат подъехал к нему вплотную. Вороная кобыла жарко дышала ему прямо в лицо.

— Постой-ка!.. Седельников! — крикнул казак громко. — Айда, иди-кось сюда! Тут он!..

— Ага! — откликнулся голос с другой стороны.

«Только двое, — подумал Салават. — Ну, это мы посмотрим еще — кто возьмет».

Он быстро сунул руку за пазуху, куда перед тем положил пистолеты.

— Ты чего тут делаешь, приятель? — обратился к нему казак.

— Мала-мала сакарить гулял...

— Врешь, — покачал головой солдат. — На кого же ты охотничаешь?

— На кого придется, ведь как знать?.. Кого аллах посылат. Разный маленький зверь, питишка...

— Врешь, — снова убежденно сказал солдат. — Ты и на следы-то не смотрел, тут тебе и мелкий, и крупный зверь попадал, а ты все мимо гнал!

— Какой зверь — скажи скорей? — прикинулся взволнованным Салават.

— А ты не ломайся, не тот зверь тебе нужен!.. Седельников!

— Стой, кони завязли! — откликнулся голос.

— А ребята где?

— В обход идут...

«Бежать, что ли, на лыжах?» мелькнуло в голове Салавата. Он нащупал рукоять пистолета за пазухой; в это время из-за кустарников слева раздался крик нескольких голосов:

— Э-гей!..

— Айда сюда! Тут мы!.. — гаркнул солдат. — Стой
смирно! — крикнул он Салавату. — Стой!

Салават махнул рукой.

— Стою, чего тебе! — Он сказал спокойно, но в жесте было столько отчаяния, что солдат сочувственно пробормотал:

— Не бойсь, авось обойдется!..

Треск сучьев приближался. На виду из-за деревьев показалось еще пятеро солдат. Салават стоял, опустив голову. Из-за пазухи он вынул вместо пистолета кусок хлеба и, стараясь казаться равнодушным, стал лениво его жевать.

Солдаты в овраге медлили.

Салават обдумывал план.

Выйдя из «города» на Юрузень-идели, оставив Кинзю кормить аргамака, он обманул всех — и Кинзю, и Аллагувата. Они все ждали его возвращения, но Салават знал, что по снегу будет трудно проехать верхом, тем более, что ехать пришлось бы в сторону от дороги, потому что по всем дорогам рыскали солдаты Фреймана, — он решил бежать на лыжах. Он намеревался взять с собой Гульбазир, которая не хуже любого охотника бегала на лыжах, забежать в Киги, взять сына и пуститься за хребет, к киргизам. Долгое время бывший забытым образ Гульбазир, вызванный теперь вновь из памяти, волновал воображение жягета. Салават досадовал, что приходилось бежать обходной дорогой и терять драгоценное время. С каждым шагом встреча с Гульбазир становилась все желанней.

И вот все кончено.

«Не выпустят, свяжут, не уйти!» полыхнуло бурей в его мыслях. Сердце сжалось и загудело. Салават взмахнул палками.

— Стой, знаком!.. Стой, дьявол, стой! — посыпались сзади крики солдата. — Братцы, скорей же!..

Ветер тонко свистнул и загудел в ушах Салавата. Салават оглянулся. Лошадь переднего солдата увязла по брюхо в снегу. Салават снова взмахнул палками. Слева от него появилось еще с десятков лошадей со всадниками. Ударили выстрелы, и сучки посыпались, сбитые пулями с окружающего кустарника.

Салават вскинул ружье и выстрелил в сторону толпы солдат, поспешно второй раз зарядил ружье, и второй раз грянул его выстрел. Один человек и одна лошадь упали ранеными. Он хотел зарядить ружье, но один солдат бросился ему навстречу. Тогда Салават выхватил пистолет и твердой рукой уверенно пустил еще пулю в сердце преследователя. Он схватил второй пистолет и выстрелил еще раз. Солдаты отвечали выстрелами, прячась за стволы деревьев. Салават снова зарядил ружье и выстрелил, зарядил пистолеты и выпустил еще по выстрелу. Он тоже старался прятаться за стволы сосен, постепенно отступая. Солдаты пытались настигнуть его, подъезжая и перебегая от ствола к стволу между каждыми его двумя выстрелами. На стороне башкирина было то преимущество, что он скользил на лыжах, тогда как солдаты, перебегая пешком и переезжая на лошадях, вязли в снегу.

Салават отстреливался около получаса. Ловкий и меткий в стрельбе из лука, он не был так меток в стрельбе из ружья и пистолетов. Правда, стволы его уберегали от солдатских выстрелов, но у него кончились запасы пороха и свинца. Салават забил последний заряд и выстрелил удачнее всех прежних выстрелов: этим последним он раздробил череп солдату, рискнувшему подойти ближе всех.

Пистолеты были пусты. В пороховнице не осталось ни крошки. Он огляделся. Здоровых, не раненых солдат было человек двадцать.

Салават взял ружье за ствол, поднял, как палицу, над

головой и изо всей силы ударил по стволу сосны. Ружье сломалось.

— Имай теперща! — крикнул Салават, пускаясь бежать на лыжах.

В тот же момент он упал от удара по голове: один солдат бросил ему в голову фляжку с водой.

Подоспевшие товарищи удачника били Салавата по голове и спине сапогами.

Он потерял сознание.

Очнулся Салават в избе, набитой народом. Здесь был начальник отряда поручик Лесковский и несколько человек солдат.

— Очнулся наконец! — сказал Лесковский. — Эко вы, ребята, неаккуратно как. Может, он важный вор и живым представлен быть долженствует...

— И так уж, ваше благородие, надо бы с ним легче, да нельзя — он ведь, как бешеная тигра, кидался: восемь человек поранено да трое смертью побито!

Нам бы его тут и кончить, а еще и в живых его же, злодея, оставили.

— Ладно, не печалуйся, — успокоил командир. — Кабы этого вора да на воле оставить, он бы народу и более погубил, может, толпу набрав таких же воров...

— Я, чай, таких и не бывает. Нешто это человек, я мекаю! — несмело выговорил маленький солдатик. — Сатана!..

— Сатана — так его бы крестом одолеть можно, либо «да воскреснет богом», а ежели флягой — какой он сатана? — презрительно отозвался другой.

— Ну, нечего тут растабарывать, ребята. Привели кого надо? — отозвался Лесковский.

— Пошли, ваше благородье, за ними!

— Ну и ладно, а вы ступайте себе. Возле дома караулы поставьте. Я мыслю, что это Антуган или Салаватка. Надо строже беречь его.

Солдаты вышли. Лесковский и Салават остались вдвоем.

— Как тебя звать? — спросил Лесковский.

Салават молчал. Он лежал на лавке. В голове, разбитой солдатскими сапогами, с каждым ударом сердца слышалась боль, как бы от новых ударов каблуком. Мысли мешались. Он все еще не мог осознать, что пришел конец его жизни, что петля уже накинута на шею, что он в руках человека, которому должен он отвечать. Он, Салават, должен отвечать.

Когда это сознание дошло до него, Салават упрямее решил замкнуться молчанием.

— Как зовут, говорю, скуломордый? — повторил поручик.

Салават ничего не ответил, закрыл глаза.

«Чорт его знает, может, ему язык отшибли!» подумал офицер и молча стал прохаживаться по избе.

В сенях застучали сапоги, обивая о крыльцо снег. Вошли двое солдат, ведя Салаватова тестя — Бурнаша, отца убитой Амины, Рыса-бая и старика Ахтамьяна.

— Вот они, ваше благородие, привели!

Салават открыл глаза, поглядел на всех вошедших и снова закрыл.

— Ну, вы!.. Вот хоть старик первый, — Лесковский ткнул пальцем в сторону Бурнаша. — Тебя как звать?

— Бурнаш Яхьин, — ответил старик.

— Ты из Калмаковой?

— Айе, из Калмак, айе, айе!.. Только мы что знаем? Старик ведь совсем!.. Наша башка темный уж!..

— Ладно, ладно, говори меньше!.. Иди сюда, гляди вот на эту рожу. — Старик послушно подошел. — Знаешь вора? — повторил Лесковский, при этом стискивая крепкими пальцами плечо старика.

— Наша ведь не воровал!.. Наша зачем вор знать? — сказал Бурнаш, побледнев при взгляде на Салавата.

Салават открыл глаза.

— Ну, ну, не болтай зря! Говори, что надо! — то-ропил офицер.

— Аллах поможет сказать, что надо! — пробормотал старик и прибавил громко: — Не знай такую чело-век — совсем не знай!.. Не видал наша!

— Не врешь? — недоверчиво спросил Лесковский.

— Наша что врать? Ну, может видал... Не помним!

— Смотри, под плетью не вспомнил бы! — пригро-зил офицер и ткнул пальцем в сторону Ахтамьяна.

— Ну, ты, песочница!

Ветхий, казалось готовый рассыпаться Ахтамьян за-бормотал:

— Бельме, бельме!..

— А, чортово рыло... Бельмес несчастный!.. Позови Муратку сюда, Седов.

— Слушаюсь! — брякнул Седов и вышел за дверь.

Офицер шагал взад и вперед. Проходя мимо Рыса-бая, он схватил его за шиворот и, подведя к пленнику, почти ткнул носом в его лицо.

— А ты тоже, косой дьявол, бельмес?! — со злостью выкликнул офицер. — Знаешь, кто это?

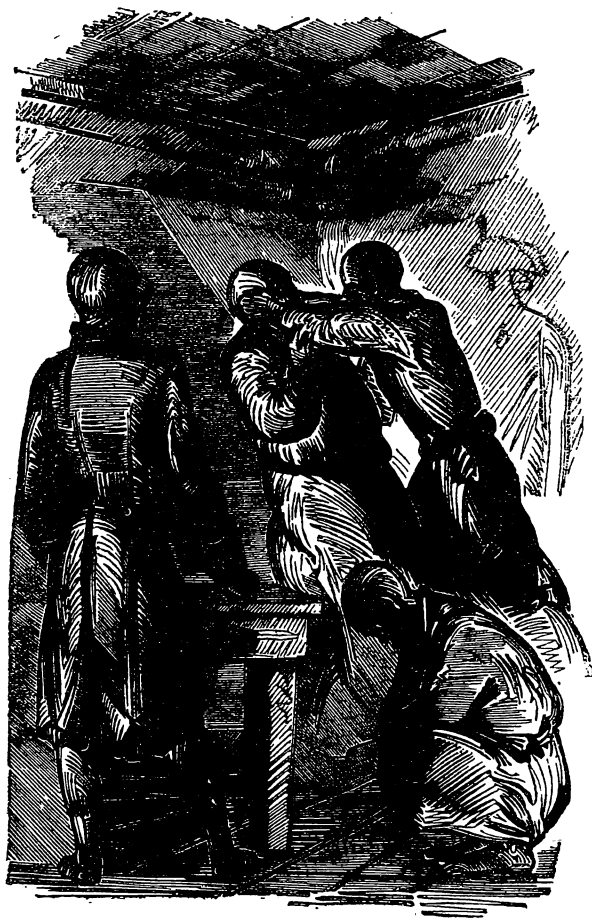
Рыса-бай отшатнулся, потом снова наклонился к лицу Салавата, взглянул в его глаза и отвел взор.

— Этот человек самый злой вор!.. — Рыса-бай под-нял голову и громко сказал: — Это Салават Юлай-оглы!

В один миг Салават был на ногах. До сих пор его не связали потому, что считали, что он слаб и слишком избит. Салават схватил Рыса-бая за оба уха.

— Джадид! — крикнул он в лицо старику. — Грязь на языке твоём! Тьфу! — И Салават плюнул ему в глаза. — Будь проклят ты, отступник, навеки!.. — Са-лават снова плюнул и сел.

Рыса-бай тер оплеванное лицо. Солдаты, стоявшие у,

дверей, глядели с презрением на толстяка, побагровевшего от стыда и досады: их сочувствие было на стороне Салавата, несмотря на то, что случайно только всего часа два назад каждый из них не попал под его пулю.

— Обижает нас, собака!.. Вешать его нада мала-мала... — бормотал Рыса-бай. — Салаватка это!..

— Ты его давно знаешь? — спросил офицер; он боялся поверить своей удаче.

— Вот такой малайкам был он, — показал Рыса, — тогда знал!.. Теперь нам глаза плевал, щенок ведь!.. Старый глаза плевал, стыд не знает!.. Нешто я виноват: царский служак спросил — отвечать надо!.. Бурнашка врет: ведь его зять. Как не знает?!

Вошли солдаты, приведя переводчика Мурата.

— Ну-ка, спроси этих, знают ли они вора? — приказал офицер.

— Знаешь этого человека? — спросил по-башкирски переводчик, обращаясь к Бурнашу.

— Русским языка сказал ведь: не знаем щеловек такой!.. Не меня спроси — моя русский языка баял, вон старик спроси — она совсем не знает!

Переводчик обратился к Ахтамьяну, тем временем присевшему на корточки у дверей.

— Знаешь, старик, этого человека?

— Не знаю, — сказал Ахтамьян. — Глаза мои плохо видят, и где мне уже знать молодых, когда я помирать собираюсь, память слаба!..

— Спроси его: знает ли он Салаватку Юлаева, — приказал офицер.

Переводчик спросил.

— Нет, не знал Салавата. Имя хорошее — Салават, большой батырь Салават, говорят, ему всего теперь двадцать два года, а какой батырь, благадыр государев!.. Нет, не знаю, а рад бы!..

Переводчик передал его слова.

— Дурак старый! — воскликнул офицер. — Вон его отсюда!..

— Наша тоже можно домой гулять? — спросил Бурнаш. — Мы ведь не знаем...

— Вы вот сейчас узнаете, — сказал Лесковский, повертываясь к нему. — Этот вот толстобрюхий говорит, что пленник — зять твой. Ты как же зятя не знаешь?

— Наша зятя не знаем? Как зятя не знаем?.. Ты Салаватка спросишь — знам Салаватка — зять наша!.. Наша дочка женат был, потом кончал его...

— Кого кончал? Что городишь?

— Наша дочка кончал, Амина кончал мала-мала... Стрелил сердца... Наша знам Салаватка... Это не Салават!.. — сказал Бурнаш. — Этот человек совсем другой...

— Ну-ка, ребята, неси розги! — приказал офицер солдатам, стоявшим в ожидании у дверей.

— Стой, полковник! — внезапно по-русски сказал Салават. — Зачем старик мучить? Я — бригадир Салават Юлай-оглы. Чего тебе надо?

— Тебя и надо! — сказал поручик и, повернувшись к двери, с радостью, которую не сумел скрыть, воскликнул: — Колодки!

Двое солдат выбежали в сени.

— Двое колодок! — крикнул уже им вдогонку. — Этого толстопузого тоже за караул взять!

Услышав это, Рыса-бай упал на колени.

— Господин полковник, твоя милость, зачем старик в колодка?

Салават вскочил с лавки и бросился в дверь. Он сшиб офицера с ног, перепрыгнул через него, но один из солдат, оставленных снаружи у крыльца, подставил ему ногу и, когда он упал, изо всей силы ударил прикладом. Четверо солдат навалились на беглеца всей тяжестью. Он упирался... На Салавата и на Рыса-бая надели колодки.

— Отвести их в холодную да караулить крепче! — сказал Лесковский.

— Постой, полковник, — остановил Салават.

— Ну, что тебе?

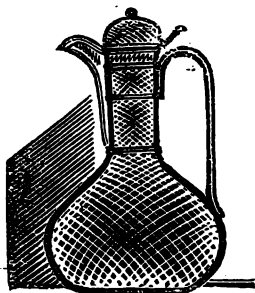
— С этой грязь наша вместе нельзя сажать... Наша его кончаем, либо себя кончаем... Кабахат¹ нельзя с человек в одна изба держать...

Лесковский задумался. В его расчет не входил «ко-нец» ни одного, ни другого из пленников.

— Ладно, — сказал он, — уведите толстого, а этого здесь оставьте. Я его сам караулить буду. Да к избе четверых выставить, да коней овсом кормить!

Солдаты вышли, уводя за собой Рыса-бая.

Салават и Лесковский остались в избе вдвоем...

¹ Кабахат — испражнения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

*Помни: мужа удержать может
только одно железо. Если ты взял
его в плен, наложи на него железо —
это будет защитой тебе и дому твое-
му, ибо, оставшись свободным, он
всегда нанесет язву душе твоей.*

(Коран, XIV)

Долгий путь в Москву утомил Салавата, закованного в «железы», однако ему не дали долго сидеть спокойно и почти по прибытии вызвали в Тайную экспедицию.

Как и перед тем в Казани, в Секретной комиссии у генерала Потемкина, комната, в которой велся допрос Салавата, была, как ему показалось, необычайно роскошна, да и сами люди являли грозный и величественный вид. Двое гренадеров ростом под рост Салавату ввели его в кабинет, где за столом заседали пышно одетые люди. В середине, на главном месте, казалось, самый главный, сидел маленький старичок.

Хотя Салават и мог говорить по-русски, однако его допрашивали, как и других башкир, через переводчика — есаула яицких казаков.

Салават понимал вопросы, задаваемые старичком и другими присутствующими начальниками, потому время, пока переводчик, с трудом подбиравший башкирские фразы, передавал ему вопрос, Салават употреблял на то, чтобы обдумать ответ.

— Как пристал ты к Пугачеву? — спрашивал переводчик со слов маленького старичка Шешковского.

— В плен взял меня Овчинников... Я к генералу Кару

шел с башкирами. Овчинников, казак, на меня напал, окружил и в плен взял. Разве башкурт против казаков может справиться?

— А потом тебя отпустили, — продолжал через переводчика допрос Шешковский. — Почему ты не отстал от бунтовщиков? Государыня в приказе двадцать девятого сентября жаловала милость свою всем отставшим.

— Билет давали? Верно это, потом с билетом все равно многие бунтовали, — отвечал Салават. — Придет с повинной, билет получит, потом опять бунтовать идет... Я так не делал... Я за государя шел... У нас никто не знал, что Пугач не настоящий царь...

— Разве не читали вам приказов, в коих сказано было, что Пугач — вор и беглый казак?

— Читал, — отвечал Салават, — читал! Там было сказано, будто у него ноздрей нет, будто уши отрезаны, клеймо на лоб положено... Я сам смотрел: нос цел, уши целы, лоб гладкий!

Шешковский пошептался с соседом, высоким молодым офицером. Салават заговорил вдруг сам, не вытерпел и заговорил по-русски. Медлительность допроса, повторение каждой фразы замучили его. Он забормотал торопливо:

— Наша ведь башкирский люди. Тихо жить любим. Наша война не надо. Я бежать хотел — казаклар имал меня, пикам колол... — Салават вспомнил раны, полученные от волчицы при возвращении из Берды. — Вот метка, — показал он на щеку возле уха, — вот тут, — он показал на то место у плеча, где была вторая рана, нанесенная волчицей, — тут второй метка казак делал... Наша бежать домой хотел... Башкир поспел, просил больно, тогда пускал казак... Потом к Пугач таскал нас, Пугач вешать хотел... Наша молодой ведь... Смерть боимся!.. Гулял... Русский солдат бился, кре-

постя брал, сзади всегда казак был, на мой алай пушка держали.

— Постой, сорока! Пугач тебя обидел, значит?

— Обижал Пугач, совсем обижал, война гонял, моя два раза мала-мала ранен был!..

— А народ ты грабил? Храмы господни жег?

— Зачем народ грабил? Нешто казак я? Только война гулял, стрелял мала-мала!.. Кабы не стрелял, сзади казак наша стрелял бы!..

Старичок снова зашептался с соседом.

— А что, отец твой волей с тобой был?

— Нет, совсем нет, атай другой места гулял...

— Его, что же, тоже силой взял Пугач?

— Нешто знаем?.. Атам старик ведь... Наша малайка совсем... Старик нам не скажут!..

Шешковский шепнул что-то офицеру справа от себя. Офицер дернул за ручку звонка. Вошел солдат.

— Привести Юлая Азналлина!

В тюремном халате привели Юлая. Он был так же закован в цепи, как Салават. Отец и сын не взглянули друг на друга.

— Как твое имя?—через переводчика обратился Шешковский к старику.

— Юлай Азналлин,—отвечал тот твердо.

— Это твой сын?—продолжал Шешковский.

— Он говорит: «Не знаю, похоже будто, да как знать,—давно не видел»,—отвечал переводчик со слов Юлая.

Шешковский усмехнулся.

— У тебя молодые глаза. Это отец твой, может, признаешь?—обратился он непосредственно к Салавату.

— Как не знать—отец ведь!

— Расскажи старику, что сын его признал,—обратился снова к переводчику Шешковский.

Юлай принял сообщение безмолвно. Ему только и надо было знать, не выдаст ли себя Салават за другое лицо.

— Верно, что сын твой сжег Симский завод? — спросил Шешковский.

Когда переводчик передал вопрос Юлаю, старик гордо выпрямился; при этом цепи, сковывавшие его, звякнули.

— Я сам сжег завод, — сказал он, — я сжег, и аллах на моей стороне! Твердышов-бай отнял у меня землю, он обманул меня, я сжег завод, я сжег деревни, поставленные на моей земле!

— Другие заводы ты сжег? — последовал вопрос.

— Усть-Катав завод я сжег, — заявил все так же твердо Юлай, — Катав-завод я сжег. На моей земле были заводы! Царь сказал, что больше неправды не будет, — я сжег заводы!..

— Спроси: знает ли он, что Пугач не царь, а вор был?

Юлай выслушал переводчика.

— Вор сказал: «неправды не будет»... Разве так вор говорит?! Вор сказал: «всякого вора, кто землю взял, кто человека обидел, — смертью казнить»... Разве так вор говорит? Если он вор был, значит хорошо царем представился. Справедливый вор лучше, чем вороватый царь!

— Ну, ну!.. Молчать! — крикнул Шешковский на переводчика, словно он был виноват в сказанном башкирином.

— Что же, старшина Шайтан-Кудейского юрта Юлай Азналлин забыл присягу государыне Екатерине? — спросил дальше Шешковский, барабанив по столу пальцами.

— Присяга государю Петру Федоровичу раньше была, — отвечал Юлай. — Я бы не нарушил присяги, если

бы не поверил, что царь он... Сначала не шел — меня смертью казнить хотели...

— А твою деревню Шиганайку при тебе Салават сжег? При тебе в Шиганайке людей губил?

— Ничего не знаю, — отвечал старик, — не видел, как Салават жег Шиганайку.. Не было так... — уверенно заявил он.

— А с тобой Салават был на заводах, когда ты их жег?

— Нет, не был, — ответил Юлай. — Мои заводы я сам жег.

— Увести их! — приказал Шешковский, пошептавшись с офицером.

Салавата и Юлая увели порознь. Еще ночью вызывали их поодиночке, внезапно разбудив, и опять привели на допрос, и снова Салават уверял, что он силой был взят в войска Пугачева. Он показывал раны, нанесенные волчицей, и уверял, что это следы казачьих пик, оставшихся после его попытки бежать из стана пугачевцев. Салават признался в том, что он участвовал в сражениях, но при этом уверял, что всегда казаки держали сзади него заряженные пушки.

Мимо Салавата прошли разные люди, лица которых он не помнил. Они все узнали его и говорили о разных нападениях, учиненных им.

Салават отрицал все.

Из Москвы обоих узников отправили в Оренбург, откуда быстро возвратили в Уфу.

В Уфе Салават сидел в одиночном каземате под зданием магистрата.

Окно каземата выходило на улицу. Узник часто глядел в окно, защищенное решеткой. Его держали под особо строгим караулом. По поводу прибытия столь важного арестанта смотритель, прапорщик Колокольцев, даже подал рапорт в провинциальную канцелярию о

19*

починке пришедшего в ветхость тюремного замка, бывшего в употреблении уже несколько десятков лет.

Часовые то и дело заглядывали в каземат — один снаружи, другой изнутри.

В тишине и скуке тюрьмы Салавату служила бы утешением песня, но петь громко было запрещено. Когда Салават это впервые узнал, он был удивлен: он не понимал, чему может вредить безобидная громкая песня.

Он пел в сумерках, пел и думал. Одинокая дума не могла обойтись без песни:

Только один плен знал батырь — плен сердца,
узнал батырь теперь другой плен — плен камня.
Каменные стены тесны
для широких крыльев орла...
Железная сетка прежде защищала Салавата.
Из кольчуги вытряхивал он
после битвы полную тюбетейку пуль;
теперь железная сетка в окне —
самый страшный враг Салавата.

— Эй, ты, тише! — крикнул часовой. — Не приказано петь, смотри, старый чорт услышит, — прибавил он вполголоса. — Ты пой, да потихоньку, песня — она, брат ты мой, первая утеха...

Салават замолчал. Несколько минут в тишине заката были слышны только шаги часового, потом солдат остановился против окна.

— Батырь, а батырь!.. Ты пой легонько... Не серчай, слышишь?.. Наше ведь дело такое... Служба!..

— Я твой служба нешто мешал? — спросил Салават.

— Экой ты, брат, и в обиду уж!.. Да ведь мне и самому отрадно, коли ты поешь: эдакая дума находит, и не скучно вроде... А если старик-то смотритель услышит, меня розгами драть будут...

— Латна... Ярар!.. — крикнул Салават таким тоном, который сразу прервал беседу.

Тюрьма стала мертвая и беззвучная. Часовой, огорченный молчанием Салавата, не ходил, а стоял молча, прислонившись к толстой каменной стене.

На другой день тот же часовой — Ефим Чудинов — говорил со своим приятелем, солдатом уфимского гарнизона:

— Тоже ведь генерал... Чин-то знатный... Кабы не сгинул Емельян, быть бы ему теперь ханом над башкирцами.

— Тс-с... Тише ты, окаянный! Видно, в колодки захотел!.. — оборвал Чудинова собеседник.

— А кто слышит? — протянул Чудинов. — Да коли услышит — что сделаешь? Весь народ говорит, что за правое дело Емельян Иваныч сгинул!

— Ну, ты, ладно, не каркай! — снова остановил товарищ.

— Я тебе не ворон, чтобы каркать, — не каркаю, а дело баю: не лежит у меня сердце над ним, Салаваткой, строгость пытает, а надо — служба велит!.. А он гордый... Как ему слово скажешь — враз побелеет и замолчит, словно камень ему на рот навалишь...

Салават заметил, что Чудинов к нему относится добро и хочет загладить свою «вину», но не хотел раньше времени заводить с ним беседы, однако в часы его дежурства стал потихоньку напевать, а Чудинов молча, принимая это как знак примирения, слушал песни.

Слушателем Салаватовых песен был не один Чудинов. В магистрате пользовался казенной квартирой переводчик провинциальной канцелярии Третьяков, у него была дочь восемнадцати лет — Наташа. Она-то и слушала песни Салавата, сидя двумя этажами выше его в своей комнате. Уроженка этого края, не раз ездившая на кумыс с отцом, она понимала башкирскую речь и в песнях Салавата заслушивалась не одним только напевом. Салават стал казаться ей величайшим

героем, и не раз она даже всплакнула, когда Салават пел о своей доле. Она знала Чудинова, и Чудинов, постоянно карауливший магистратских арестантов, знал ее. В одно из дежурств она спустилась вниз.

— Ефим Федорович! — позвала она.

Чудинов вздрогнул и огляделся во все стороны.

— Уйди, барышня. Нельзя говорить на часах. После скажешь...

— Ефим Федорович, миленький, нет никого, старик в городе... — просила Наташа.

— Ну, что тебе надо — сказывай!

— Покажи мне башкирца.

— Какого башкирца? Что ты, башкирца не видала?

— Нет, что поет этак.

— Шшш!.. Тише ты!.. Нешто кто поет у нас? Арестантам ведь нельзя петь!..

— Ладно, ладно, чую, что нельзя, да ведь ты знаешь, о ком речь! Покажи мне его!

— Нельзя, барышня Наталья Федоровна, уйди лучше!

— Ну, ты говори с ним, а я мимо пройду — увижу.

— Нельзя и говорить, Наталья Федоровна, старик увидит!..

— Ну, да уж прошу я...

Наташа уговаривала, пока согласился Чудинов, и она подглядела Салавата, прогуливаясь мимо. После этого, пока отец ее, Федор Третьяков, ездил по делам по провинции, сама Наташа в каждое дежурство Чудинова подходила к нему. Сначала через солдата она передавала Салавату просьбу петь ту или другую песню, но певец не мог исполнить ее желанья — он забывал свои импровизированные напевы, они проходили мимо него вместе с настроениями. Тогда Наташа прислала ему через того же Чудинова чернила, перо и бумагу. Салават записал ей и послал одну из песен. Благодаря Наташе он разговорился наконец и с Чу-

диновым и через него узнал о том, что отец Наташи, Третьяков, отбирает у башкир и у других инородцев показания о нем, Салавате, для чего уже третью неделю ездит по провинции. В один из дней, когда Салават глядел в окно каземата, он заметил знакомого башкирина из алая Акжягета. Башкирин стоял и глядел на тюремное окно. Среди кучки башкир, здесь же дожидавшихся решения всяких дел, он не обращал на себя ничьего внимания, однако Салават заметил его. Он достал бумагу, перо и чернила из-за вынутаго кирпича в стене, куда прятал их всегда, и быстро написал записку Кинзе.

— Ефим Федорович! — позвал он.

Чудинов, стоявший на часах, удивился. Он привык, что Салават разговаривает только по вечерам, когда смотритель уходит играть в карты к попу. Однако он опустил глаза к подвальному окну каземата.

— Смотри на та сторона. Башкирец, рыжий шапка... Я тебе письма бросим, отдай его!.. Наша обносился, рубашка старый уж... Это дядя моя гулят... Деньга на харчи пришлет, одежда таскает...

Салават бросил туго свернутую записочку, в которой написал, чтобы прислали пилку для решетки. Чудинов два раза прошелся мимо, потом уронил из кармана кiset, наклонился, поднял его и вместе записку Салавата. Сменившись с поста, Чудинов прошелся мимо магистрата. Башкирина в лисьей шапке не было. Он уже хотел итти домой, как вдруг из крыльца магистрата вышел башкирин в лисьей шапке.

— Ты дядя Салават Юлаева? — спросил Чудинов.

— Я — дядя?.. Ну да я, — ответил тот.

— Письмо тебе от племянника. — И Чудинов передал ему письмо.

На другой день Чудинова арестовали. Башкирец в лисьей шапке, которому он отдал письмо, оказался

вовсе не «дядя» Салавата. Это был посланец генерала Фреймана, привезший пакет воеводе. Он же отдал воеводе и письмо Салавата.

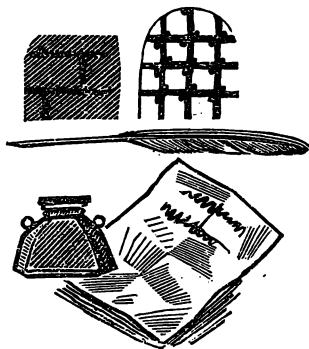
После этого в каземат пришли солдаты, все обыскали, хотя не нашли ни чернил, ни перьев, ни бумаги.

Тем временем Третьяков возвратился из поездки. Он привез двести показаний из разных юрт и аулов, и все они говорили против Салавата. Губернатор прислал приговор. Юлая и Салавата вызвали в провинциальную канцелярию, где в присутствии воеводы прочли им приговор, по которому каждый из них сначала должен был быть подвергнут казни кнутом в тех местах, где они сражались и выжигали деревни и заводы, и затем оба должны были отправиться в вечную каторгу.

Салават и Юлай с облегчением выслушали приговор. Это все-таки была не смерть. У Салавата даже зародилась мысль о том, что во время наказания кнутом может случиться самое неожиданное: могут напасть толпы башкир, перебить конвой и выкрасть его — Салавата.

Наутро предстояло выехать под конвоем на место первой казни — на Сюмский завод.

«Как знать, может быть, не казнь, а свобода?» подумал Салават, засыпая в последний раз в магистратском каземате.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В чувство потомственным страхом привести.

(Из приказа)

Лошадь, загнанная скачкой, выбилась из последних сил; толстый человек, на ней сидевший, остановил ее, слез с седла и стал пробираться ползком к задкам рядом расположенной деревни.

Подполз к плетню, вынул кинжал, вырезал дыру и влез в нее. Со всех сторон защищенный высоким плетнем и постройками двор теперь укрывал его. Он вошел в избу.

— Как живешь, Кинзя-агай, что нового? — спросили сразу вместе сидевшие в избе трое молодых башкир.

— Плохие новости. Ай, плохие новости! — нараспев отвечал Кинзя. — Салавата будут бить кнутом во всех местах, где он воевал.

— Что же делать! Велик аллах в гневе и в милости! Что делать! Жалко батыря!..

— Беда вот, мужчин не осталось, — ответил Кинзя, — трусы все!..

— Кто же все?

— Все, кто не идет выручать Салавата... Его надо отбить у солдат! — горячо воскликнул Кинзя.

— Ай, ай, какой ты храбрый стал, Кинзя-агай. Давно ли? Никогда с тобой этого не было прежде!

— Рядом с солнцем луна тускнеет, — ответил Кинзя. — Я всегда был рядом с Салаватом, и где он был смел, я отступал. Потому все смеялись надо мной, а все же я всегда был с ним, немногие из вас были везде, где Салават!

— А теперь ты хочешь стать Салаватом?

— Ворон не может сделаться соколом, — возразил толстяк.

— Скажи лучше — ягненок медведем!

— Или такой пустозвон, как ты, острословцем!..

Вместо трепки языком я вас дело делать зову!

— Какое же хочешь дело?

— Завтра утром отбить у солдат Салавата.

— Завтра утром? — удивились все трое.

— Ну да. А зачем же ждать?

— Как это ты сделаешь, смельчак? — насмешливо спросил старший из трех башкир.

Кинзя вдруг выпрямился надменно.

— Довольно шутить! — крикнул он громко. — Свиньи! Когда Салават был силен, вы готовы были зад у него лизать, а теперь хотите отделаться смехом?

— Тише, тише, не кричи, люди услышат! — заторопился старший.

— Ты что же, приказывать нам хочешь? — ввязался второй.

Третий, младший, смутился:

— Ты говори яснее, Кинзя-агай, что надо делать?

— Пускай люди слышат! — сразу всем троим отвечал Кинзя, не понижая голоса. — Авось за предательство вам всем простят! Этого ведь хотите вы? — Он задохнулся от гнева. — Да, я приказать вам пришел, приказать! И вы моего приказа послушаете! Я вам покажу, что такое Кинзя, вы за мной пойдете, хоть на аркане! Я не зову семейных, а вам, холостякам, стыдно быть трусами! Хотите быть изменниками — выдайте меня сейчас: я правая рука Салавата, я его лучший друг. Идите, зовите вашего старшину, кричите десятников, вяжите меня!!!

— Тише, тише, ты, шайтан! Чего ты хочешь — говори!

— Все трое на конях вы будете еще до заката у лога, там я дам приказанье, у всех у вас будет оружие, хоть топоры да кинжалы будут!

— Да где же мы возьмем? Мы бросили все, чтобы нас не подозревали!

Кинзя повернулся еще с порога.

— Еще что! — произнес он строго. — Я сказал!

С этими словами он вышел.

Еще до заката у лога собралось одиннадцать всадников. Они боялись заговорить друг с другом и разъезжали взад и вперед, поминутно встречаясь и пугаясь этих встреч. Кинзя, проезжая по логу и встречая всадников, каждому говорил:

— На гору... Ступай на гору!..

И один за другим всадники въезжали в лес.

— Батырлар! — уговаривал их Кинзя. — Завтра Салавата будут в Шиганаевой бить кнутом. Как стерпим мы этот позор? Он самый смелый и справедливый между нами. Друзья его рассеяны, многие бежали, многие в тюрьме! Я говорю вам вместо Салавата. Пусть знает начальник: нельзя выловить всех смелых в Башкурдистане! Вот как я задумал: Салавата уже били плетью на Сюмском заводе. Свора тарханов и баев собралась там на площади и глядела. Многие плевали на него, иногда кричали дурные слова. Русским начальникам это нравится, они не могут понять, что бай всегда был врагом Салавату. Они говорят: «Вот и свой брат, башкурт, стал против него!..» Мы пойдем пробиваться вперед, а когда увидим, что все кругом свои, бросимся будто бить Салавата, перебьем стражу и украдем его! В Шиганаевой имя Салавата до сих пор уважают, потому нам помогут. С Салаватом пятьдесят солдат. Оденьте булат, сауты: мы должны быть неуязвимы для пуль... Нам помогут... Даже урусы из Муратовки будут с нами — Салавата любят в этом краю!..

Привязанный к столбу Салават стоял молча.

— За всех муку примаает!— говорила нестарая женщина из Муратовки.— Башкирец, а справедливый был!

— Так и надо ему, окаянному, от заводов нас отогнать хотел! Что мы ему, землю, что ли, всю заняли?— ворчал старик-рабочий.

— Да пропадай они пропадом, заводы! Что тебе на заводе-то жизнь весела, что ли? Может, нам на новых местах бы привольней было!..

— А которые вон послушались, ушли,— говорили в толпе.

— Гляди, Пугачев пропал, а теперь и этот тоже.

— А не за богатством шли—за мир шли, крестьянству помочь хотели!

— Идут, идут, начальства идут!

— Ишь, палачи проклятые!

Подошли экзекутор и палач Суслов.

Экзекутор читал, переводчик Третьяков переводил указ царицы:

«Чтобы был в страх другим злоторцам наказан, как злодей, во всех городах и башкирских селениях, где от него самого злейшие варварства происходили...»

После этого палачи обнажили Салавату спину. Старший палач отпустил смачный удар с приговоркой:

— Господи, благослови!

— Раз, два, три, четыре...— считал экзекутор.

Салават стоял, не шевелясь. Из толпы слышались возгласы:

— Еще ему!

— Так его, так, ещё мала-мала!

— У, дунгус!.. Так тебе надо, с-собака такуй!..

— Постарайся, Мартын Суслов,— обратился экзекутор к палачу,— свои башкирцы просят.

— Постарайся, постарайся, земляк, мала-мала!— С

этими словами толстый Кинзя протолкался сквозь толпу.

— Айда, айда, качай!.. — поддержали его возгласы башкир справа и слева.

— У, скотина, собака! — крикнул один из башкир и плюнул на Салавата.

— Отойди! — крикнул на него солдат.

— Он моя дом зорил, а моя плевать нельзя? — спросил башкир, как бы недоумевая.

— Ты бы раньше плевал! — возразили ему из толпы.

— Недружный вы народ! — поддержал еще голос. — Когда человека мучают, а вы на него...

— А тот вон толстый, Кинзей звать, всегда с ним, с Салаватом был...

Салават на этот возглас повернул побелевшее, но почти спокойное лицо и узнал Кинзю.

— Я ему такой дружка, — свирепо ворочая глазами, закричал Кинзя, — что своим рука его резать будем!

— Моя тоже его такой дружка! — крикнул другой башкирин.

— Конщать его!.. Чего начальство жалеет?

У всех башкир в руках сверкнули топоры и ножи.

— Кись!.. — пронзительно крикнул Кинзя. — Кись, батырляр!

С этими словами ударил он кинжалом рядом стоящего солдата, выдернул кинжал и следующим ударом разрубил одну за другой веревки, державшие Салавата.

— Кись!.. Кись!.. — кричал он.

То же кричали башкиры и топорами, кинжалами, кто был чем вооружен, крушили солдат.

— Братцы, баи хотят Салавата добить! — крикнул высокий белесый парень с молочно-голубыми глазами, не поняв смысла свалки. — Не дадим, братцы? — И, размахнувшись, он хватил ногой в спину Кинзю.

Кинзя упал с переломленным хребтом.

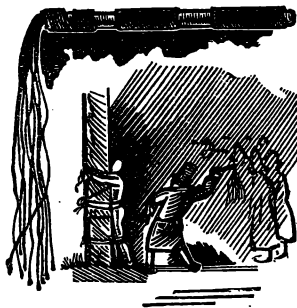
— Бей скуломордых! — заревел его сосед и откуда-то

взявшейся железной лопатой проломил голову другому башкирину.

— Иуды искаримские! — закричали в толпе, бросаясь на башкир. — Арестанта обижать!

Нападение башкир было принято за чистую монету. Собравшаяся толпа, избивая нападавших, думала, что защищает Салавата. Только тогда, когда солдаты отеснили башкир, поняли все, что за комедия была разыграна, увидали разрезанные веревки Салавата и убедились, что сам он не получил ни царапины, и если не скрылся, то лишь потому, что Кинзя не успел разрезать всех веревок.

Барабанный бой послышался в деревне. Салавата увозили в Красноуфимскую крепость для продолжения казни. Пятерых раненых солдат увезли с отрядом. Раненых и мертвых башкир подобрали местные жители.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

*Две пары портянок и пага сапог,
кандалы надеты — я в каторгу готов.*
(Арестантская песня)

*Палачу Мартыну Сулову за про-
дезость учинить наизжесточайшее
наказание плетью; коллежскому
регистратору Третьякову еделать
в присутствии строгий выговор и
впнесть ему никаких особых дел,
кроме его должности, отнюдь не
поручать.*

(Постановление уфимской провин-
циальной канцелярии)

С последнего места порки — из Бирского уезда — Салавата возвратили в Уфу и снова поместили в каземате под зданием магистрата. Теперь ожидал он отправки в каторгу в балтийский порт Рогервик.

Стоял сентябрь с шумным ночным буйством листопада. Осенний ветер с дождями сильнее будил тоску в груди арестанта. Он с облегчением провожал каждый ушедший день, ожидая, что еще в ночь может случиться давно ожидаемое: на слабый тюремный караул нападут башкиры, выкрадут и увезут арестанта. Но проходила ночь, и никто не являлся, никто не вязал часовых.

Бумага, посланная Наташей, вся была исписана песнями, новой бумаги не было. Третьяков, внимательный прежде, теперь перестал заходить. Целыми днями сидел Салават один. Единственная радость его была в том, что сверху слышал он, как тоненький, нежный голосок напевал им же сложенную единственную по-

сланную через Чудинова песню. С часовым после ареста Чудинова нельзя было разговаривать, потому что с той поры не посылали одних и тех же людей, а ставили в караул каждый день нового солдата.

Не раз бывало, что ночью вскакивал Салават с постели, ему казалось, что желание свободы прибавило ему сил, он крепко хватался за решетки, раскачивал и дергал их, пока не подходил часовой, стуча снаружи в стекло; тогда Салават падал на соломенный тюфяк и без сна лежал, томлением тоски провожая каждую секунду мучительно-медленного рассвета.

Часы за часами медленное безделье налило тяжестью руки и ноги. Хотя бы каторжные работы, рудники, пуля, смерть — все, что угодно, только не это...

У Салавата была еще одна глубоко затаенная мысль: он рассчитывал бежать в пути на каторгу.

Ведь он был богат. Сколько денег было им попрятано по бортевым колодам в лесах, и никто не знал — где. Разве не сможет купить он хоть десять человек конвойных? Кто богаче Салавата?

Когда пришла весть о гибели Пугачева, Салавату некуда было спрятать деньги, и он стал всю казну собирать себе, но мало было с ним воинов, жил он сам скромно и берег деньги, чтобы на другое лето с ними начинать новую войну за свободу башкир. Когда остатки небольшого его алая стали рассеиваться, Салават понемногу, замечая деревья, стал прятать золото в борти. Огромные богатства скопились у него в лесных копилках.

Салават ждал, что соблазнит конвой и сбежит.

В один из дней конца сентября в квартире Третьякова с утра поднялся переполох: Третьякову, которому было поручено конвоировать Салавата и Юлая, пришло

распоряжение представить арестантов в провинциальную канцелярию. Третьяков вбежал в комнату растерянный, опрокинул стоявший на окне горшочек с цветами и сел на сундук, схватясь за голову.

— Что такое, тятенька? — подбежала к нему Наташа.

— С аллаярами с этими в беду попал. Что теперь делать? — раздраженно и вспыльчиво ответил отец. — Неклейменные ведь они...

— Ну, так что же, что неклеяемые? — не поняла Наташа.

— Дура ты, вот что! Ты думаешь, я из-за твоей прихоти только Салаватке ноздри не вырвал? Мне за это деньги плачены — поняла?.. Толстый чорт этот хвастал — Кинзя: «Увезу, увезу!.. Никто не узнает!.. У нас, мол, полсотни молодцов будет!..» Ну, я, дурак, и уши развесил, как осел. Что теперь делать? — Снова переводчик схватился за волосы.

— И ты тоже, — продолжал он гневно, — «жизни решу себя... Ах, тятенька, жизни себя решу!..» Послушал дуришу. Надо бы тебя за косы оттрепать, а я разнюнился!..

— Да что приключилось, тятенька? — со слезами добивалась Наташа, вместо платка прикладывая к лицу концы мягких длинных кос. — Убежал он, что ли, Салават-то?

— Вот дура!.. Чего же я убивался бы? Из магистрата бежал — не моя вина, Колокольцева!.. Я ему не блюстителю!.. В том и беда, что сидит неклеяемый, а его в канцелярию потребовали... Я и Мартынке-палачу за него платил... Кабы Мартынка не был вмешан — полбеда, а я боюсь, что он теперь под плетью меня выдаст!..

— Ай, батюшки, как же теперь? — заплакала Наташа. — Значит, теперь уже его беспреренно заклеят?.. — Она всхлипнула. — И ноздри вырвут?..

— Вот ведь дура!.. Одно слово — девка!.. Не то беда, что его заклеят! Меня, понимаешь, и меня заклеить могут, коли Суслов скажет все! Эх, не позарился бы я на золото — ты еще подбила, окайная... «Не клейми, тятенька, не рви ноздри, жизни решусь!» Вот теперь и будет у тебя отец со рваной ноздрей!.. Собаки башкирские!

Наташа вспыхнула:

— Не лайте, тятенька. Маменька башкирка была, да и ваша маменька тоже башкирка, а что вас оклеят, так вам и ни к чему красота! Он-то молодой ведь, ему-то страшно, а ваше дело...

— Молчать, дура гороховая! — крикнул Третьяков. — Об тебе заботился, дубина, а ты глупа, как кобылица!.. Тебе отца хошь под релей увидеть, только бы вот этот жив был... Вишь, он песенки поет! Вишь, у него глаза-а черные!..

— А вы скажите, тятенька, что заросли клейма и щипцы, мол, для ноздрей испортились, может, поверят они, — плача говорила Наташа.

— Не дурак, сам знаю, что как сказать! Да ведь кто поверит, никогда таких случаев не бывало!.. Одно спасенье: согласиться тебе за Петьку воеводского. Видно уж суженого конем не объедешь!

— А коли пойду, его не станут клеймить? — с надеждой выговорила девушка.

— Фью! Его песенка спета! Я чай, нынче же ему с носом прощаться!.. Только бы нас с тобой по-миру не пустили!..

— Пусть по-миру лучше, да за воеводского не пойду!.. Хоть в могилу, да не за него! — плакала Наташа.

— Дура ты! — бросил ей отец, выходя из комнаты.

Третьяков был взбешен. В первый раз за долгую службу переводчиком поручили ему важное дело, и в первый же раз кончилось оно так печально. Ладно,

если палач не выдаст, что получил деньги за бездействие, а если выдаст? Чиновник был в ужасе.

Салават не знал о вызове к воеводе. Он сидел на тюфяке и раздумывал о своей судьбе, когда дверь в каземат отперлась.

— Салават, — зашептал просунувший голову переводчик, — поди сюда!.. Если тебя спросят, говори, что клеймили, только клеймо заросло... и нос, мол, рвали, да что-то у палача изломалось!.. Скажи, мол, долго болел нос, да зарос потом!

Салават не успел дать согласия, дверь захлопнулась. Узник не понял, что значило это предупреждение. Через несколько минут однако загремел замок. Старик Колокольцев стоял в дверях, за спиной его двое солдат.

— Айда, в присутствие требуют! — сказал Колокольцев.

Салават, гроыхнув цепями, встал с матраца. Солдаты встали по сторонам его, провели по коридору и вывели на лестницу. Ослепительное осеннее солнце первый раз ударило ему прямо в лицо. Салават зажмурился. Придерживая цепи, он пошел на лестницу в сопровождении солдат. Его посадили в пустой полутемной камерке. Колокольцев вышел. Через минуту загремели оковы, и двое других солдат ввели Юлая. Он был только в пожных кандалах. Отец и сын поздоровались издали, не подходя друг к другу. Колокольцев снова ушел.

— Верно, в дорогу собираться, — сказал Юлай.

— Наверно, — ответил Салават, но солдат оборвал его:

— Молчать! Нельзя говорить!

Салават опустил глаза и злобно тряхнул цепями. Он мучился бессилием.

Они ждали в полном молчании около часа. Наконец дверь в зал присутствия распахнулась. Воевода,

секретарь, экзекутор, еще двое каких-то чиновников сидели за столом.

— Идите сюда, — произнес важно экзекутор, и оба узника, гремя цепями, подошли к столу. Сидевшие за столом жадно вглядывались в их лица. Молчанье нарушил воевода — он глядел попеременно то в какую-то бумагу, то на лица арестантов, наконец выговорил:

— Доноситель прав — никаких знаков!..

— Никаких знаков!..

— Совершенная правда-с!..

— Истинно-с, истинно-с, никаких знаков! — вдруг забормотали разом все чиновники.

— Убрать назад! — кивнул воевода конвоирам, и, подталкивая прикладами, солдаты вывели их назад, в каморку. Дверь затворилась.

Салават и Юлай слышали, как за дверью, в чем-то оправдываясь, жалобно бормотал перепуганный коллежский регистратор Третьяков, как громко гудел бас воеводы и громким чириканьем воробыиным и свистом неслись вслед за тем поддакивания чиновничьей стаи.

Дверь снова распахнулась. На этот раз в комнате, кроме прежних чиновников, оказались переводчик и палач, бывший кнутом Салавата. Оба эти человека были расстроены чем-то. Возле палача стояла жаровня. Салавату вдруг стало страшно. Только теперь понял он, что все решено бесповоротно, что уже нет дороги назад.

— Угольков бы надо горяченьких! — как откуда-то издалека услышал он голос палача Суслова.

— Сейчас... Сею минуточкой... Наташенька печку топит!.. — торопливо забормотал Третьяков, выбегая из комнаты.

Далеко где-то за коридором послышалось хлюпанье дверей, что-то упало и разбилось.

Донесся девичий плач, громкий, похожий на крик

побитой собаки. Присутствовавшие все молчали. Еще через минуту вошел назад переводчик, семена на цыпочках и всем видом показывая торопливость. Он нес ведро горячих углей. Палач возился у жаровни. Молчание, видимо, было невыносимо для всех. Наконец палач повернулся.

— Готово, — сказал он необычайно спокойно, будто сообщил, что самовар подан.

— Юлай Азналлин! — громче, чем надо, выкрикнул экзекутор, встав с кресла.

Юлай подошел к столу.

— Держать! — коротко произнес экзекутор.

Двое конвоиров схватили Юлая за обе руки. Салават зажмурился, в ушах у него шумело, и он не знал — правда ли слышит он стон отца или это кажется ему.

— Салават Юлаев! — услышал возглас Салават.

Он шагнул к столу, цепи гроыхнули громче, чем всегда. Перед самым лицом его мелькнуло раскаленное железо.

— Держать! — крикнул экзекутор.

Салават рванулся. Двое солдат схватили его, но тотчас упали на пол. Двое конвоиров Юлая поспешили им на помощь, и, схваченный четверыми, Салават почувствовал на лбу неизгладимое, ужасающее прикосновение огня...

Э П И Л О Г

*Скажи мне, товарищ,
за что ты попал в рудники...*

(Арестантская песня)

Море было спокойно. Гребцы дружно ударяли веслами, подвигая каторгу. Их лица были искажены одним общим ужасом: у всех них были страшные, вырванные ноздри, у всех на лбах, выглядывавших из-под серых арестантских шапок, горели вечно неизгладимые красные пятна. Они были опоясаны железными поясами и прикованы цепями к бортам. Каждый сидел постоянно на том же месте и греб одним правым или одним левым веслом, оттого все они были кособокие.

Они работали над постройкой Рогервикского мола. Сотни раз каторжные галеры сгрузили огромные валуны и каменные плиты, привезенные из недалекой Дерпты, а все еще не сыто камнями было море, и десятки невзлых гребцов выкидывали дружно свои весла, заставляя море нести камень для собственного плена.

Часовые поглядывали за гребцами и подгоняли криками и толчками прикладов тех, кто по слабости или нерадивости плохо греб.

— Раз, два! Раз, два! — считал взмахи боцман, и грузная каторга неслась по воде, держась все время в виду берегов.

Вот показалась Дерпта. Здесь работали еще сотни таких же заклеянных, искалеченных, закованных в железо людей: одни в каменоломнях кирками и ломами раскалывали камень, другие таскали его на носилках

в порт, третьи по прибытии каторги стаскивали на этот огромный морской паром свою тяжелую ношу.

— Отчаливай! — выкрикивал лоцман.

— Раз, два! Раз, два!

И медлительными рывками отплывала каторга от дерптских каменоломен, чтобы сбросить груз в Рогервикском порту и за новой поклажей спешить в Дерпту.

Мимо проходили чужестранные суда под пестрыми, незнакомыми нарядными флагами. Гордо выпячивали они белые груди парусов, проплывая мимо галеры, как лебеди, обгоняющие черепаху.

Гребцам некогда было говорить между собой. Иногда для дружности пели они невеселые песни, в такт удара веслами. Когда приносили им еду так же, как они, звенящие кандалами люди, они бросались с жадностью, пожирая все, что принесено, и тотчас слышалась команда:

— Отдай чалку!

— Раз, два! Раз, два! — отчеканивался счет, и часовой подбадривал прикладом тех, кто нерадиво ел и еще продолжал жевать.

Этот день был особенно жарким. Море было спокойно. Гребцы отчаливали от Дерпты. Нагруженный камнями, глубоко осел паром. Могучие взмахи невольничьих весел едва двигали грузную каторгу.

Эй, раз ка-чай...
В Китае чзй...
Дружней, верней,
гребни сильней...—

пели гребцы специально для них сочиненную зрителем галер бессмысленную песенку:

Эй, раз ка-чай...
В Ки...

— ...и-и-и... — не останавливаясь, тянул один из гребцов; он откинулся назад и лежал так.

.. та-а-е чай...

— Улям!¹ — выкрикнул непонятное слово упавший гребец. — Салават, улям... — повторил он. Он был дряхлый старик. Его товарищи по каторге давно уже дивились, как мог этот старец так долго работать и не умереть. Теперь их удивлению подходил конец. Многие опустили весла, обратившись с любопытством в сторону одного гребца с черными, сияющими огнем глазами и громадной черной бородой. Часовой заметил непорядок, подбежал к упавшему старику.

— Не балуй! Вставай, дьявол! — прикрикнул он, замахиваясь прикладом на арестанта.

Чернобородый гребец вскочил на ноги, громыхнув цепями. Он поднял весло, рванул цепь и вырвал весло прочь из борта, к которому оно было приковано. Лицо его с красными рваными ноздрями побелело.

— Стой, собака! — крикнул он часовому. — Твоя глаза нет? Помират старик!

Часовой вскинул ружье на прицел.

— Что ты, сука, бога не боишься?

— Опусти свою пушку, стерва! — заревели каторжники, возбужденно гремя цепями. — Взаправду ведь помират человек!

Часовой опустил ружье.

— Он чего цепи рвет? Может, он всю каторгу разломат да нас потопит! — выкрикнул, оправдываясь, часовой.

Дружное ржанье, громкое, как гогот целого косяка лошадей, заглушило слова часового. Смех был здесь редок, его не бывало неделями, на шутки здесь

¹ У л я м — умираю.

громко ругались, чтобы выразить одобрение, но когда смеялись, то смеялись все дружно и подолгу не могли успокоиться.

— Чего вы ржете, жеребцы? — кричал часовой. — Разорвет вас эдак, работать надо!

Но хохот не прекращался. Часовой махнул рукой и отошел на свое место.

Хохот продолжался. Чернобородый гребец как был, так и застыл с вырванным, поднятым над головой веслом. Лицо его было серьезно. Старик не двигался и не кричал больше — он умер под общий смех, искрививший страшно все лица и заставивший гореть голубыми, серыми, черными огнями единственное, что в каждом лице оставалось человеческого, — глаза.

Смех затих.

— Помер он, — сказал сосед старика. — Мне праздник до самого Рогервика.

— Ничего, и один погребешь! — откликнулся кто-то из гребцов.

— Эй, пугало, отопри цепь, покойника убрать! — окликнули часового.

Часовой с руганью отпер замки у покойника и у двоих соседних арестантов. Старика вынесли из лодки и положили на камни.

— Раз, два!.. — слышалась команда, и весла, как крылья медлительной птицы, взлетали над водой, серебрясь на солнце.

Тонкое пенье пролетело над водой. Странное пенье. Такого не слышал никто из каторжников. Пел черный гребец — Салават. Другим были непонятны слова его песни. В первый раз за все три года, что пробыл он на галерах, с языка его слетела песня:

Ты, атам, умер, ушел с земли.
Ляжешь в могиле ты, счастливый...
Я остался на этой проклятой воде.

на чужой соленой воде...
Сладок будет тебе покой земли,
горьки мне брызги, летящие с весел,
горько мне мое одиночество...
Помнишь, как два орла,
черные орлы—птицы свободы,
расправив крылья, парили мы
над нашей страной...

Салават оставил весло. Арестанты, слушая дикий, чужой напев, медленно взмахивали своими веслами.

— Молится за упокой батьки!—сказал один из гребцов.

— Спятил Салаватка, ребята!—выкрикнул другой.

Салават продолжал:

Илляги, знай... Отец мой—батырь.
Пророк, отведи ему доброе место!
Отведи доброе место в своем раю всем,
кто погиб за свободу!..

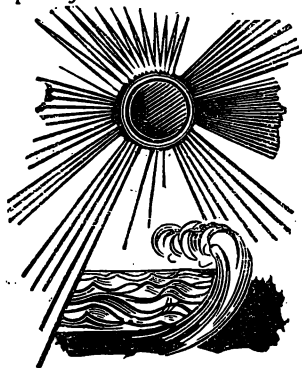
— Эй, черный, скоро кончишь?—нетерпеливо крикнул часовой. — Грести надо!

— Конщал,—тихо сказал Салават.

Он покорно взялся за весло и вместе со всеми ударил по воде...

— Раз, два! Раз, два!

Каторга с мертвым стариком поверх камня двигалась от Дерпты к Рогервику.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Пролог	5
Глава первая	27
» вторая	43
» третья	60
» четвертая	70
» пятая	83
» шестая	97
» седьмая	109
» восьмая	125
» девятая	135
» десятая	149
» одиннадцатая	160
» двенадцатая	167
» тринадцатая	182
» четырнадцатая	193
» пятнадцатая	202
» шестнадцатая	220
» семнадцатая	231
» восемнадцатая	246
» девятнадцатая	261
» двадцатая	271
» двадцать первая	287
» двадцать вторая	297
» двадцать третья	303
Эпилог	310

Ответ. редактор *С. Разумовская*
Техн. редактор *Б. Смирнов*

Сдано в производство 4/II 1934 г. Подписано к печати 27/V 1934 г. Детгиз № 63. Инд. Д-7. Формат 82×111¹/₂з. 20 печ. л. (12,81 авт. л.). Уполномоченный Главлита Б-37624. Тираж 30 000. Заказ № 826.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

Цена 3 р. 50 к.

Папка 25 к.